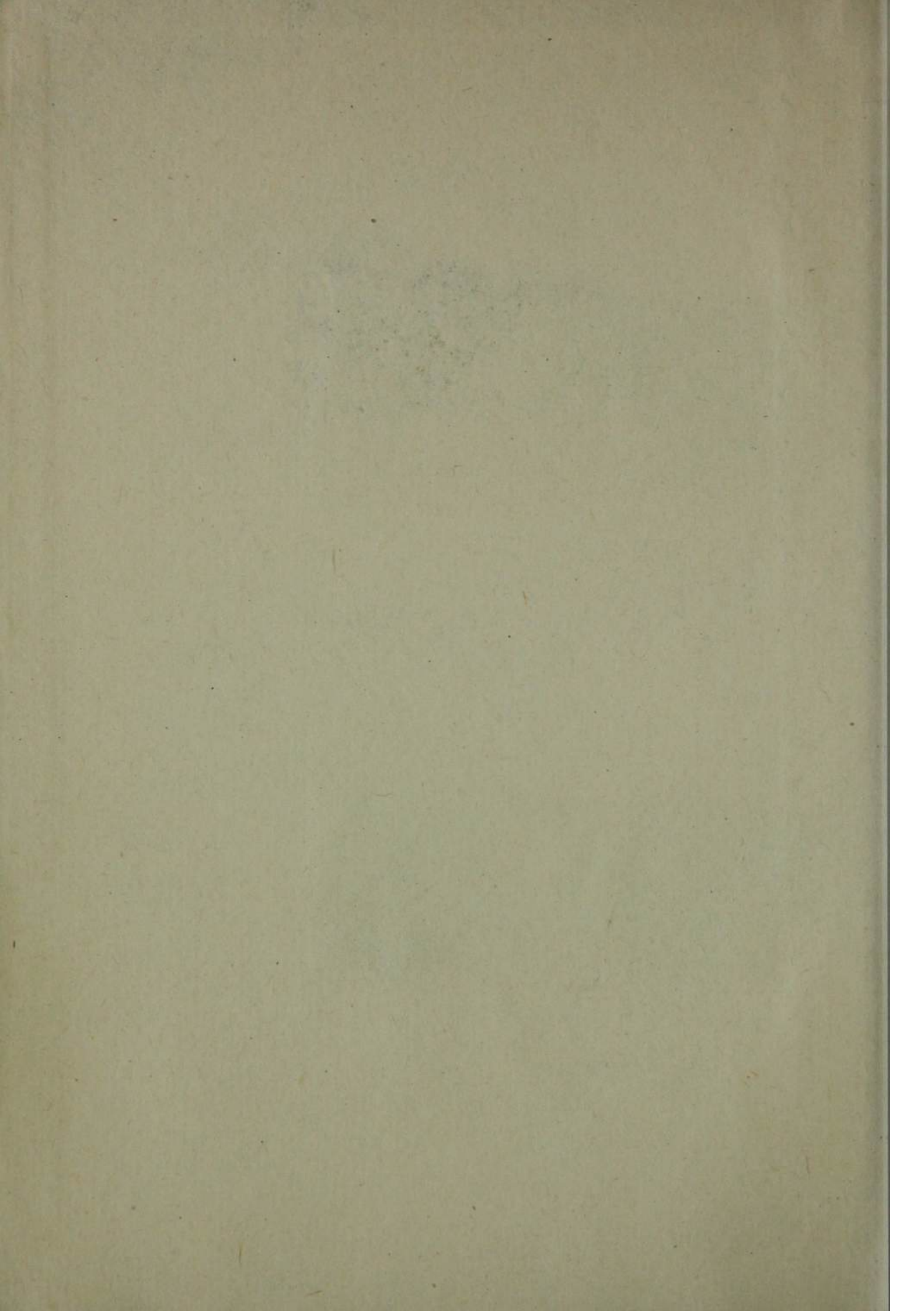
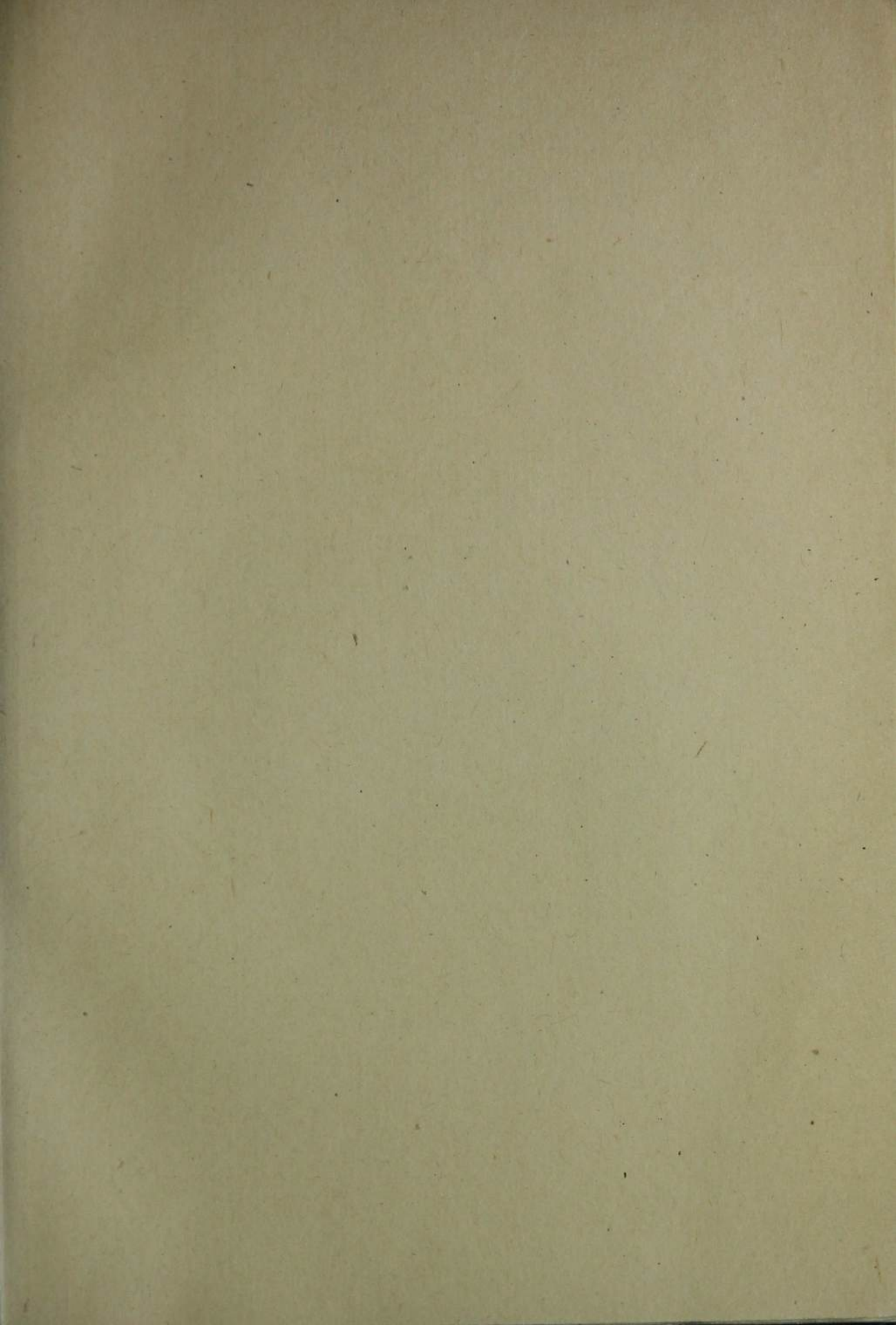
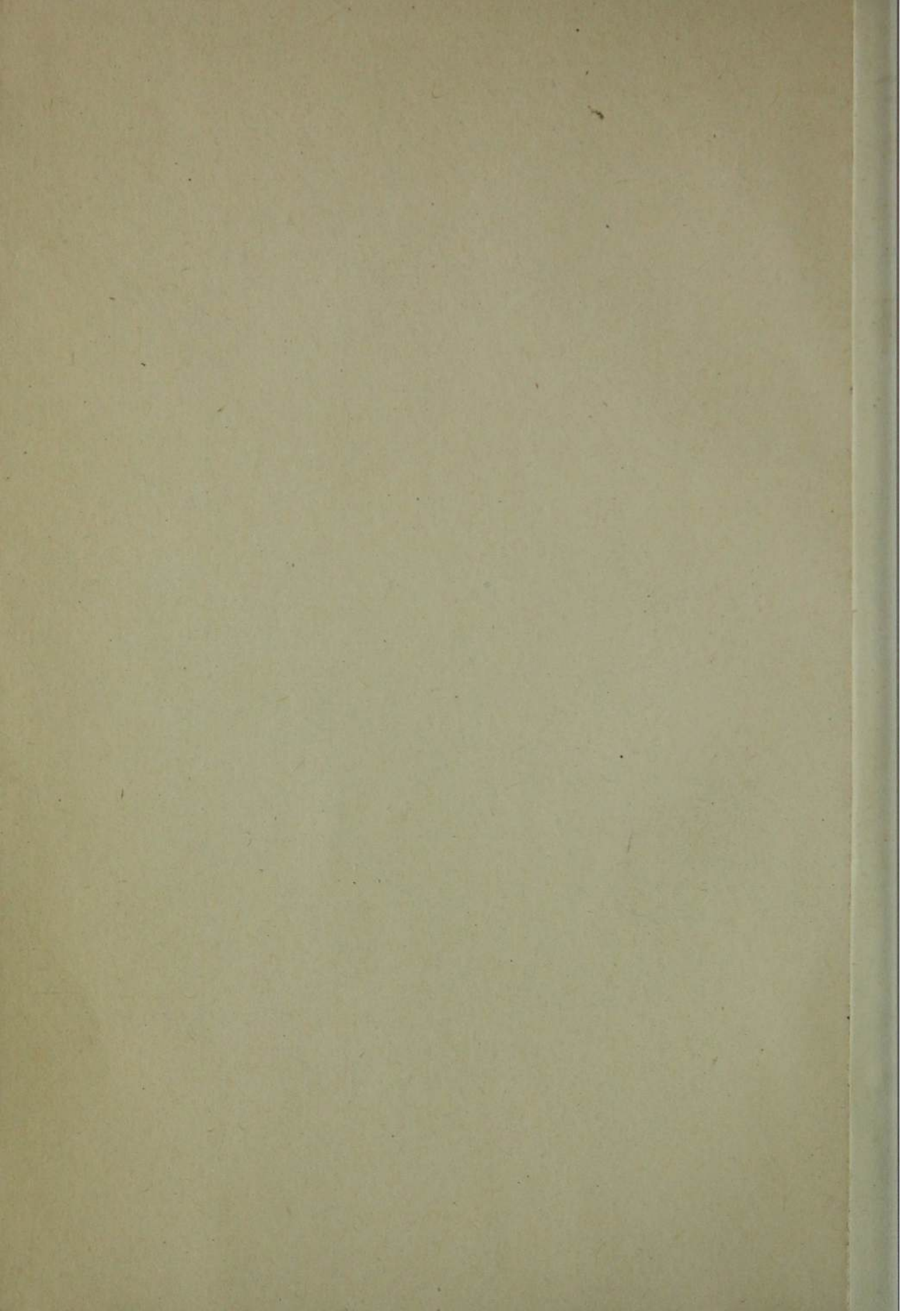

ВЪ СТРАНѢ
АМОНЪ-РА.

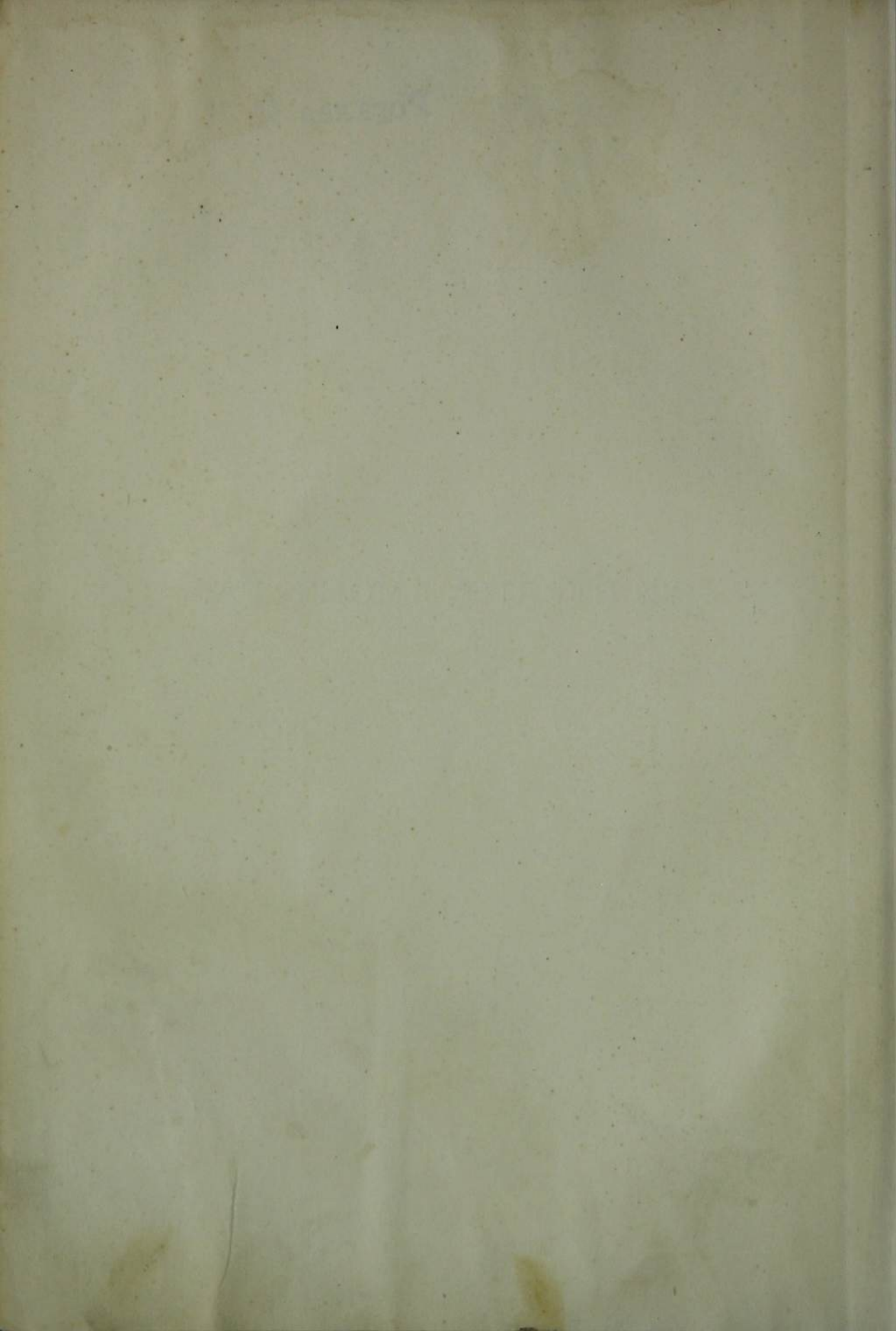

Рогалев Н. Н.

ВЪ СТРАНѢ АМОНЪ-РА.

Рогалев Н. Н.

ВЪ СТРАНѢ АМОНЪ - РА

(ОЧЕРКИ ЕГИПТА)

А. Н. ЛЬВОВА

СЪ 28 АКВАРЕЛЯМИ А. ЛЬВОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. БЕНКЕ, НОВЫЙ ПЕРВОУЛОКЪ № 2.

1911.

ГУМАНИТАРНЫЙ

Ц. НТБ

Г. ИРКУТСК

98143

ИКС

МБУК «ГЦ»	Историко-просветительский центр
--------------	--

МБУК «ГЦ»	ФОН	КИХ КНИГ
--------------	-----	----------

ОТЪ АВТОРА.

Предлагая вниманію благосклоннаго читателя настоящую мою книгу, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ о ней.

Книга эта, ближе всего, подходитъ къ тому роду литературы, который въ теоріяхъ словесности опредѣляется терминомъ «путешествія». Фундаментъ книги—мои личныя впечатлѣнія, и на этомъ фундаментѣ сдѣланы историческія надстройки.

Мнѣ казалось не безполезнымъ познакомить широкую публику съ чрезвычайно интересной и поучительной исторіей Египта, о которой неспеціалисты у насъ, въ Россіи, едва-ли что-нибудь знаютъ (не считая того, что изложено въ учебникахъ исторіи).

Въ этой (исторической) части своей работы широко пользуясь иностранными источниками, я не дѣлаю, однако, подстрочныхъ ссылокъ на нихъ, ибо для книги, не претендующей на роль научнаго изслѣдованія, это лишнее, а для читателя примѣчанія были-бы только помѣхой.

Особенно полезными для меня оказались замѣчательные труды проф. Масперо и Навиля,

а также прекрасная исторія Египта Брестеда. Кромѣ того, я пользовался изслѣдованіями, появлявшимися въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ и новыми очерками Масперо, которые продолжаютъ печататься въ газетахъ: «Journal des Débats» и «Le Temps».

Перечень источниковъ помѣщенъ въ концѣ книги.

А. Львовъ.

1 Сентября, 1910 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ГЛАВА I.	
Ассуанъ	I
ГЛАВА II.	
Въ глубь Нубии	16
ГЛАВА III.	
Луксоръ	27
ГЛАВА IV.	
Религія древнихъ египтянъ	34
ГЛАВА V.	
Θиванскій некрополь	46
ГЛАВА VI.	
Карнакъ	75
ГЛАВА VII.	
Долина царей	83
ГЛАВА VIII.	
Лунная ночь въ Карнакъ	96
ГЛАВА IX.	
Абидосъ	100

ГЛАВА X.

Телль-эль-Амарна	114
----------------------------	-----

ГЛАВА XI.

Каиръ	121
-----------------	-----

ГЛАВА XII.

Пирамиды Гизеа и Великій Сфинксъ	132
--	-----

ГЛАВА XIII.

Саккара	140
-------------------	-----

ГЛАВА XIV.

Мемфисъ	150
-------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Величье и упадокъ Оивъ	159
Источники	194

ПЕРЕЧЕНЬ АКВАРЕЛЕЙ.

	СТР.
1. Въ Ливійской пустынѣ	1
2. Видъ на Ассуанъ съ остр. Элефантины	4
3. Нилъ въ Нубіи	13
4. Храмъ Изиды въ Филе	16
5. Берега Нила въ Нубіи	20
6. Абу Симбель	24
7. Луксоръ	32
8. Колоссы Рамзеса въ Луксорскомъ храмѣ	38
9. Сакіе въ Оиванской равнинѣ	46
10. Колоссы Мемнона	50
11. Рамесеумъ	54
12. Храмъ царицы Хатасу въ Деиръ-Эль-Бахари	58
13. Въ Аравійской пустынѣ	66
14. Храмъ Консу въ Карнакѣ	74
15. Колонны Верхняго и Нижняго Египта въ Храмѣ Амона въ Карнакѣ	80
16. Долина царей	89
17. Священное озеро и развалины храма Амона въ Карнакѣ	94
18. Обелискъ Тутмеса въ храмѣ Амона въ Карнакѣ	98
19. Египетская фелуга	102
20. Внутренность храма Сети въ Абидосѣ	108
21. Деревня Абидосъ	112

	СТР.
22. Нилъ у Телль-эль-Амарны	116
23. Улица въ Каирѣ	122
24. Мушарабіе гаремовъ въ Каирѣ	126
25. Мавзолеи калифовъ	130
26. Пирамида Хеопса	134
27. Великій Сфинксъ	138
28. Пирамида со ступенями	142

*Акварели воспроизведены фирмою Adam & Charles Black,
въ Лондонѣ.*

Туда, на знойный югъ, къ струямъ священнымъ Нила,
Въ страну чудесъ,
Гдѣ туча, мать дождей, ни разу не мутила
Красы небесъ.

На западъ, на востокъ, — тамъ бурая пустыня
Дымясь, бѣжитъ.
На стражѣ въ ней стоитъ гигантская святыня —
Рядъ пирамидъ.

Великій Сфинксъ! Ты тамъ, загадочный хранитель
Предвѣчныхъ думъ,
Усмѣшкой горькою, безстрастный искушитель,
Смущаешь умъ.

Таинственный символъ ты племени иного,
Твой мудрый взоръ
Поверхъ толпы людской, за грань всего земного
Глядитъ въ упоръ.

Тамъ финиковыхъ пальмъ раскинулся широко
Прозрачный лѣсъ,
Подъ сѣнью ихъ лежитъ разбитый, одиноко,
Второй Рамзесъ.

Тамъ въ нѣдрахъ желтыхъ горъ, въ гробу своемъ, нетлѣнный
Спитъ фараонъ,
И сонмъ боговъ блюдетъ Властителя вселенной
Глубокій сонъ.

Средь ячменей сидитъ замолкшаго Мемнона
Колосъ нѣмой.

Тамъ лѣсъ колоннъ хранить въ святилищѣ Амона
Завѣтъ святой.

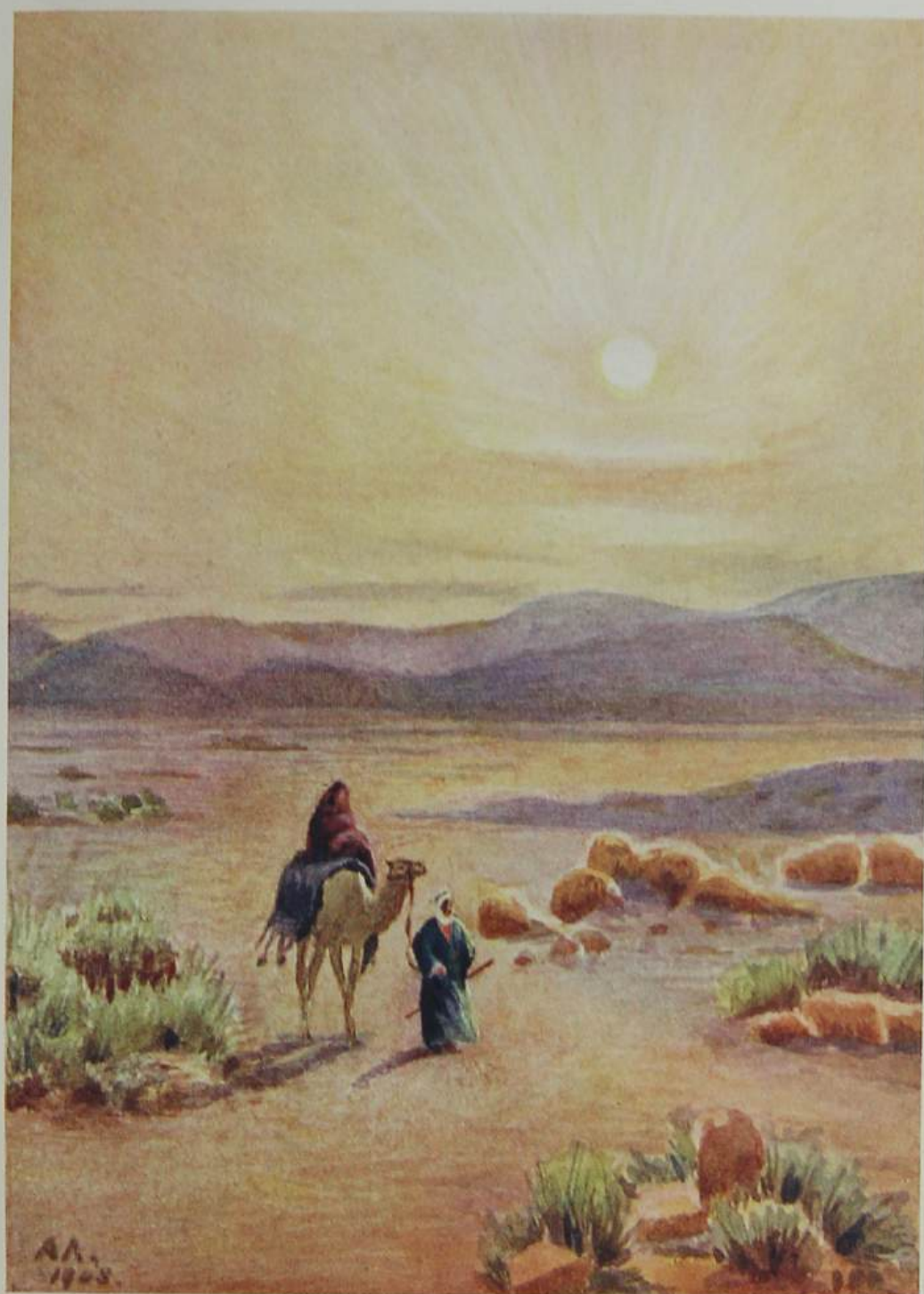
Затопленъ, высится, добыча разрушенья,
Изиды храмъ,
Гдѣ Озирисъ вѣшалъ о тайнѣ воскресенья
Своимъ жрецамъ.

Тамъ прошлое царить! Все вѣчностью сѣдою
Полно кругомъ, —
И храмы, и дворцы, и скалы надъ водою
Гласятъ о томъ.

Туда стремлюся я восторженной мечтою; —
Мемфисъ, Луксоръ
Въ сіяньи Амонъ-Ра за дымкой золотою
Влекутъ мой взоръ.

ВЪ ЛИВІЙСКОЙ ПУСТЫНѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ассуанъ.

1.

На далекомъ югѣ, близъ тропика Рака, зеленый Нилъ, сдавленный съ обѣихъ сторонъ базальтовыми утесами, бурлитъ и реветъ, скачетъ съ камня на камень, разбиваясь на десятки рукавовъ. Это—первые пороги. Высоко взмываютъ свою гриву валы; бѣлая пѣна искрится въ яркихъ лучахъ полуденнаго солнца. Гулъ стоитъ въ прозрачномъ, мягкомъ воздухѣ. Окрестная пустыня задыхается отъ зноя; пески ея сползли къ самому берегу и, изсушенные вѣковой жаждою, жадно пьютъ они живительную влагу...

На восточномъ берегу нѣсколько верстъ ниже пороговъ растянулся Ассуанъ. Вдоль набережной длинная линія европейскихъ домовъ пестритъ сквозь листву тѣнистыхъ акацій. Въ небольшихъ палисадникахъ невѣдомыя на югѣ Европы растенія: растрепанная листва гуммиакацій съ букетами желтыхъ цвѣтовъ; рядомъ темно-зеленые кусты, вродѣ бузины, клонятъ къ землѣ гроздья грязно-лиловыхъ цвѣтовъ, схожихъ съ нашей сиренью; а вотъ небольшое

Въ странѣ Амонъ-Ра.

деревцо, — на немъ ярко-пунцовыя лиліи; и, наконецъ, пальмы различныхъ породъ и вышины. Благоухаютъ апельсиновые и лимонные сады, бѣлые и розовые олеандры; изъ-за ограды высунулись неуклюжіе кактусы. Нѣжныя мимозы, перцовыя деревья и чинары разнообразятъ картину тропической растительности.

За европейскою декорациею слѣдуютъ дома мѣстныхъ арабовъ и восточный базаръ, а еще дальше раскинулись мазанки нубійской деревни и безконечная пустыня съ множествомъ безыменныхъ могилъ. Сѣрые, частью бѣлые, надгробные памятники разсѣялись по всѣмъ направленіямъ; между ними — кіоскообразныя павильоны надъ прахомъ мусульманскаго святого или шейха; а на горизонтѣ — бурые, каменистые холмы аравійской цѣпи.

По улицамъ тянутся медленнымъ шагомъ вереницы верблюдовъ, бѣгутъ мелкою рысцою маленькіе ослики, съ сѣдокомъ почти на самомъ хвостѣ. По тротуару идутъ бронзолицыя феллахи въ ярко-красныхъ фескахъ, по мостовой спѣшатъ коричневые нубійцы, въ длинныхъ, темныхъ балахонахъ и бѣлыхъ чалмахъ, и черные, какъ смоль, негры въ первобытномъ костюмѣ. Между пестрою толпою снуютъ туристы въ индійскихъ каскахъ и дамы въ цвѣтныхъ лѣтнихъ нарядахъ. Смѣсь всевозможныхъ нарѣчій, криковъ и возгласовъ, особенно въ арабскомъ кварталѣ. Группы покупателей спорятъ визгливымъ голосомъ у стола бакалейной лавочки; цѣлыя семьи расположились въ пескѣ на улицѣ;

Ассуанъ.

ребятишки съ гиканьемъ бѣгутъ за прохожими. Полицейскіе тростями разгоняютъ назойливыхъ нищихъ. Въ нубійскомъ кварталѣ спокойнѣе. Группы степенныхъ туземцевъ молчаливо сидятъ, поджавъ ноги, у дверей кофейни и курятъ кальянъ изъ длинныхъ чубуковъ. Женщины съ нагими дѣтьми, забравшись подъ тѣнь гигантской стѣны, грызутъ куски сахарнаго тростника. По улицамъ лѣнливо бродятъ черные бараны и длинноухія козы. Гдѣ-то вдаль лаетъ собака.

II.

Противъ Ассуана находится узкій, продолговатый островъ, носившій еще въ древности названіе Элефантины, такъ какъ на немъ, по преданію, египтяне впервые увидали африканскихъ слоновъ. За 3500 лѣтъ до Р. Хр. здѣсь царствовали феодальные князья, имѣвшіе на южной оконечности острова резиденцію, окруженную стѣною, — небольшая кирпичная крѣпость господствовала надъ порогами. Ассуанъ, будучи въ то время лишь предмѣстьемъ Элефантины, славился своими виноградниками и лѣсами финиковыхъ пальмъ. Здѣсь кончалась имперія фараоновъ, и жители ея встрѣчались на базарахъ съ нубійцами, суданскими неграми, кочевниками Ливійской и Аравійской пустынь.

Обладатели Элефантины были, между прочимъ, первыми изслѣдователями тропической Африки; правда, имъ удалось не особенно далеко проникнуть въ глубь чернаго материка;

МБУК «ГЦ»	Истор	-краеведч ектор	ий
--------------	-------	--------------------	----

98143

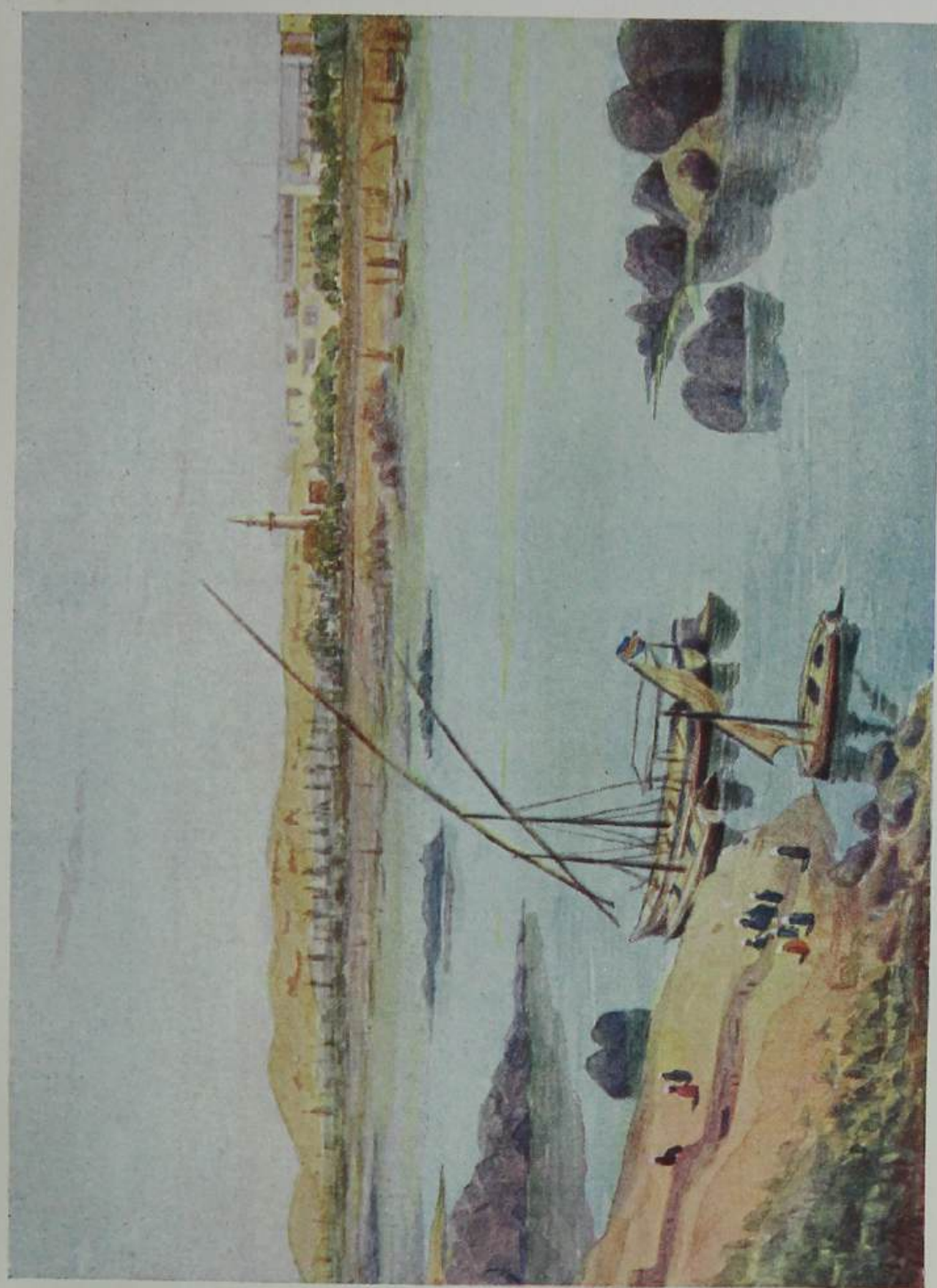
Въ странѣ Амонъ-Ра.

не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ тѣ отдаленныя времена экспедиціи были сопряжены съ многочисленными трудностями и серьезною опасностью, а потому князья Гиркуфъ, Меку и ихъ сподвижники справедливо гордились своими путешествіями въ сосѣднюю Нубію.

По свидѣтельству надгробныхъ надписей, эти князья предпринимали по приказанію фараона рядъ экспедицій вверхъ по Нилу. Они отправлялись къ африканскимъ племенамъ не съ цѣлью завоеванія, но ради мѣновой торговли, и везли съ собою: различныя блестящія бездѣлушки, дешевыя украшенія, ножи, духи и матеріи яркихъ цвѣтовъ, словомъ — все, что могло прельстить нубійскихъ дикарей, отъ которыхъ они получали взамѣнъ: золото въ порошокъ и слиткахъ, страусовыя перья, леопардовыя и львиныя шкуры, слоновую кость, черное дерево, ладанъ и мирру. Древними египтянами особенно цѣнились обезьяны, которыхъ мѣстные феодалы держали при своемъ дворѣ и въ дни торжественныхъ пріемовъ сажали на цѣпь у подножія трона, благодаря чему купцы охотно брали этихъ животныхъ и принимали всѣ мѣры, чтобы довести ихъ живыми до страны фараоновъ. Способъ путешествія отличался особливо медленностью, такъ какъ ѣхали исключительно на ослахъ; цѣлые мѣсяцы проводили въ пути тамъ, гдѣ теперь требуются сутки ѣзды на пароходѣ. Далѣе вторыхъ пороговъ элевантинскіе князья не отваживались подыматься. Здѣсь, по ихъ мнѣнію, божественная рѣка спу-

THE ACCOUNT OF THE

ВИДЪ НА АССУАНЪ СЪ ОСТР. ЭЛЕФАНТИНЫ.

Ассуанъ.

скалась съ неба на землю; за порогами шла волшебная страна, населенная полубогами, и тамъ же находился островъ, гдѣ обитали астральные тѣла усопшихъ людей.

Особенныя старанія путешественниковъ были направлены къ тому, чтобы добыть пигмея изъ центральной Африки. Первый пигмей, по имени Данга, появился при дворѣ фараона Асси (пятой династїи) почти за сто лѣтъ до путешествія Гиркуфа. Карликъ исполнялъ должность придворнаго шута, забавляя фараона особою пляскою, извѣстною подъ названіемъ «божественнаго танца»; Данга подражалъ мѣстному божеству, Бизу, которое также изображалось карликомъ съ длинною бородою и волосами, одѣтымъ въ леопардовую шкуру. Этотъ божокъ былъ одновременно свирѣпымъ и весельчакомъ, воякою и музыкантомъ; онъ передавалъ различныя настроенія своей души воинственной мимикой, съ мечомъ и щитомъ въ рукахъ, или же радостными движеніями подъ аккомпаниментъ небольшой треугольной арфы. Данга пользовался такимъ успѣхомъ у Асси, что въ послѣдствіи фараоны искали пріобрѣсти подобнаго же пигмея, но всегда тщетно. Можно себѣ представить, какое волненіе возбудило при дворѣ Піупи II извѣстіе, что Гиркуфъ везетъ съ собою новаго Дангу. Фараонъ поспѣшилъ дать подробныя инструкціи о мѣрахъ предосторожности, которыя надлежало принять, чтобы благополучно довести карлика до Мемфиса: «Когда Данга будетъ находиться съ тобою на

Въ странѣ Амонъ-Ра.

кораблѣ, — писалъ онъ Гиркуфу, — озаботься, чтобы рядомъ съ нимъ, по обѣ стороны судна, всегда дежурило по нѣсколько наиболѣе бдительныхъ сторожей, чтобы онъ не упалъ въ воду; когда онъ идетъ спать, пусть надежные люди ложатся съ нимъ въ кровать; смѣняй эту стражу десять разъ въ ночь»...

На встрѣчу Гиркуфу было отправлено судно царской флотиліи, и всѣ власти какъ гражданскія, такъ и военныя и духовныя, получили приказаніе доставлять ему необходимые жизненные припасы по пути.

Экспедиціи Гиркуфа и его послѣдователей имѣли въ результатъ распространеніе въ глубь Нубіи египетскаго вліянія. Передъ именемъ фараона начали преклоняться дикія племена Африки, и престижъ его божественности и всемогущества подготовилъ путь для постепеннаго завоеванія Нубіи египтянами. Покоренные ими народы вскорѣ воспринимали религію, нравы и языкъ побѣдителей.

III.

На мѣстѣ бывшей Элефантины производятся въ настоящее время дѣятельныя раскопки двумя археологическими комиссіями: французскою, отчасти на счетъ барона Ротшильда, и нѣмецкою. Высокій пригорокъ изрытъ по всѣмъ направленіямъ; на поверхности — остатки стѣнъ; груды камней, обломки колоннъ и карнизовъ, испещренныхъ іероглифами; но большинство

Ассуанъ.

зданій находится ниже поверхности земли, — нужно спуститься на нѣсколько ступеней, чтобы осмотрѣть основаніе храма, или частное жилище. Въ глубокой ямѣ видны гранитные саркофаги, гдѣ нашли муміи барановъ, посвященныхъ богу Кнуму, покровителю Элефантины. На вершинѣ пригорка возвышаются гранитныя ворота, ведшія когда-то къ святилищу Амона, сооруженныя Александромъ II Птоломеемъ.

Толпы нубійцевъ, мужчинъ и женщинъ, то и дѣло поднимаются и спускаются съ корзинами на головахъ; они носятъ песокъ и землю отъ расчищенныхъ зданій и сваливаютъ ихъ въ небольшіе вагончики, которые, затѣмъ, отвозятъ прахъ тысячелѣтій на западный берегъ острова. Раскопки эти представляютъ существенный интересъ не для одного Египта и его исторіи, но для всего человѣчества. Дѣло идетъ объ одной изъ страницъ ветхозавѣтной исторіи и затрагиваетъ вопросъ первостепенной библейской важности. Весною 1904 года туземцами было найдено на мѣстѣ древней Элефантины нѣсколько свитковъ папируса на арамейскомъ нарѣчій съ указаніемъ, что здѣсь, въ царствованіе персидскихъ царей Ксеркса, Артаксеркса и Дарія, существовала значительная колонія евреевъ. Папирусы обнимаютъ 60-тилѣтній періодъ, а именно съ 470 по 410 г. до Р. Хр., и касаются различныхъ частныхъ сдѣлокъ мѣстныхъ поклонниковъ Іеговы; они содержатъ не мало данныхъ относительно ихъ обычаевъ,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

общественныхъ учрежденій, вѣры, сношеній съ мѣстными властями и египетскимъ населеніемъ. Нѣсколько разъ упоминается имя Бога Израилева; вопреки позднѣйшей традиціи, Іеговою клянутся, какъ всякимъ инымъ мѣстнымъ божествомъ. Папирусы, между прочимъ, упоминаютъ, что здѣсь существовалъ въ то время храмъ, не уступавшій Іерусалимскому, не синагога, или молитвенный домъ, но настоящій храмъ Іеговы, гдѣ приносились жертвы и возскурался ѳиміамъ. Это внезапное открытіе, какъ и слѣдовало ожидать, взволновало ученый міръ; въ прошломъ году на Элефантинѣ начались систематическія раскопки, давшія блестящіе результаты и возбуждившія безграничныя надежды на дальнѣйшія, еще болѣе цѣнныя, находки. Нѣмецкая коммиссія откопала цѣлый еврейскій кварталъ, гдѣ въ одномъ изъ тайниковъ оказались свитки папируса. Главнѣйшій изъ нихъ, хорошо сохранившійся, относится къ царствованію Дарія, за 408 лѣтъ до Р. Хр., и заключаетъ прошеніе персидскому правителю Іудеи, — Багохи, а также и Іерусалимскому первосвященнику, — Іедоніаху, отъ имени еврейской общины Элефантины. Въ этомъ документѣ, призывая на Багохи благословеніе «Бога небесъ», просители излагаютъ слѣдующее: три года назадъ, во время отсутствія сатрапа Арсама, жрецамъ Кнума удалось исторгнуть у египетскаго губернатора Сіены, по имени Уйдранга, приказаніе разорить храмъ Іеговы на Элефантинѣ. «Храмъ нашъ, — говорятъ они, —

Ассуанъ.

былъ воздвигнутъ въ былыя времена отцами нашими; его пощадила Камбизъ, когда разрушалъ святилища египетскихъ боговъ». По описанію, храмъ былъ внушительныхъ размѣровъ. Во внутрь его вело семь монументальныхъ воротъ; онъ сооруженъ былъ изъ тесанаго камня, съ каменными же колоннами и крышею кедроваго дерева.

Приказаніе Уйдранга было выполнено въ точности. Войска съ помощью толпы разграбили и разрушили храмъ до основанія. Тогда еврейское населеніе Элефантины, мужчины, женщины и дѣти, облеклось въ глубокій трауръ, постилось и, посыпавъ главу пепломъ, взывало къ Іеговѣ. Со временемъ Уйдрангъ впалъ въ немилость и, кажется, погибъ насильственною смертію; исполнители его нечестивыхъ приказаній были умерщвлены. Тѣмъ не менѣе, сыны Израилевы долгое время не получали разрѣшенія возобновить уничтоженную святыню, а потому пребывали въ отчаяніи. Напрасно обращались они къ персидскому сатрапу, къ первосвященнику Іоханону и князьямъ іудейскимъ. Вотъ отчего просители еще разъ взываютъ къ милосердію Багохи, обѣщая молиться за него «Богу небесъ» и указывая, что въ случаѣ возстановленія храма доходъ отъ жертвоприношеній, около 1.000 талантовъ ежегодно, будетъ поступать въ его, сатрапа, пользу, не считая иныхъ даровъ серебромъ и золотомъ.

Изъ прочихъ папирусовъ, лишь отчасти разобранныхъ, видно, что, благодаря хлопотамъ

Въ странѣ Амонъ-Ра.

сатраповъ Іудеи и Самаріи, элѣфантинскіе евреи получили, въ концѣ концовъ, разрѣшеніе возстановить свой храмъ и начать въ немъ богослуженіе. Въ папирусахъ сообщаются многочисленные подробности относительно постройки и украшеній новаго святилища Іеговы. Имена — правителя Самаріи, Санабаллата, и первосвященника Іоханона, упоминается также въ Библии, а имя правителя Іудеи, — Багоха, у Іосифа Флавія, только въ греческомъ оборотѣ «Багоасъ».

Хотя производящимъ раскопки ученымъ до сихъ поръ не посчастливилось напасть на слѣды храма Іеговы, тѣмъ не менѣе они исполнены увѣренности, что желанная цѣль будетъ достигнута, что, быть можетъ, въ какомъ-нибудь тайникѣ (при раскопкахъ бываетъ столько неожиданностей) найдется экземпляръ пятикнижія Моисея, который явился бы старѣйшимъ дошедшимъ до насъ спискомъ. Послѣдствія такого открытія были бы неисчислимы.

IV.

На западномъ берегу Нила, противъ Элефантины, высѣчены, въ ослѣпительно желтомъ скатѣ холмовъ, усыпальницы мѣстныхъ владѣтельныхъ князей временъ Средней Имперіи VI династіи. Широкая лѣстница, окаймленная съ обѣихъ сторонъ каменною стѣною, вела когда-то къ нимъ отъ исчезнувшей давно набережной рѣки, — лѣстница, отчасти засыпанная пескомъ, отчасти разрушенная. На вершинѣ ея

Ассуанъ.

зѣяютъ темныя отверстія. Безсмертный Амонъ-Ра, выплывая на ладѣ изъ-за аравійскихъ горъ, всякое утро посылаетъ свои первые ласковые лучи во внутрь осиротѣлыхъ гробницъ; на минуту оживаютъ подъ его волшебною улыбкою эти оскверненныя жилища усопшихъ, и ярко выдѣляются на бѣломъ фонѣ ихъ расписныя изображенія. Прочно сооружали для себя вѣчное жилище первые обладатели Элефантины. Приблизительно на срединѣ холма расчищена небольшая площадка, а отъ нея — узкій, высокій входъ въ склепъ; здѣсь на первомъ планѣ довольно обширная зала; въ однихъ ипогеяхъ — она продолговата, въ другихъ растянулась въ ширину; потолокъ опирается на каменные столбы, или колонны, грубой работы, широкія у основанія и постепенно суживающіяся кверху; далѣе узкій коридоръ ведетъ въ комнату меньшихъ размѣровъ, гдѣ хранилась мумія; въ одной изъ усыпальницъ въ нишахъ коридора стоятъ каменные изваянія князя Реинусть въ обликѣ Озириса; въ этой же усыпальницѣ вполнѣ сохранились фрески, украшающія небольшую нишу, выдолбленную въ глубинѣ крайней стѣны; посреди изображенъ усопшій сидящимъ за обѣденнымъ столомъ; сынъ его подноситъ ему цвѣты; краски ярко выступаютъ на бѣломъ фонѣ; фигуры, хотя и писанныя условною манерою, полны жизни и выраженія; на правой стѣнѣ художникъ изобразилъ мать покойнаго, также за обѣденнымъ столомъ, а сына — почтительно стоящимъ передъ нею.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Усыпальницы далеко не всѣ откопаны, а потому отъ одной группы до другой приходится итти вдоль склона холма по узкой песчаной тропинкѣ. Но что за видъ отсюда! — Внизу медленно катить струи царственная рѣка, омывая два ярко-зеленые острова съ рощами пальмъ, гранатовыхъ деревьевъ, олеандровъ, акацій и мимозъ. Поверхность воды усѣяна темными скалами, и отмели кладутъ желтыя пятна на ея синюю гладь; она играетъ миріадами мелкихъ искорокъ; бѣлые паруса фелугъ развѣваются по всѣмъ направленіямъ; огненное солнце на зенитѣ бросаетъ съ сапфирнаго неба перпендикулярные лучи на благоухающую землю. На югѣ — бурья скалы обозначаютъ начало пороговъ; на востокѣ — цѣпь аравійскихъ холмовъ опоясываетъ бѣлѣющій Ассуанъ съ группами пальмъ и старинными укрѣпленіями въ золотистой дали...

V.

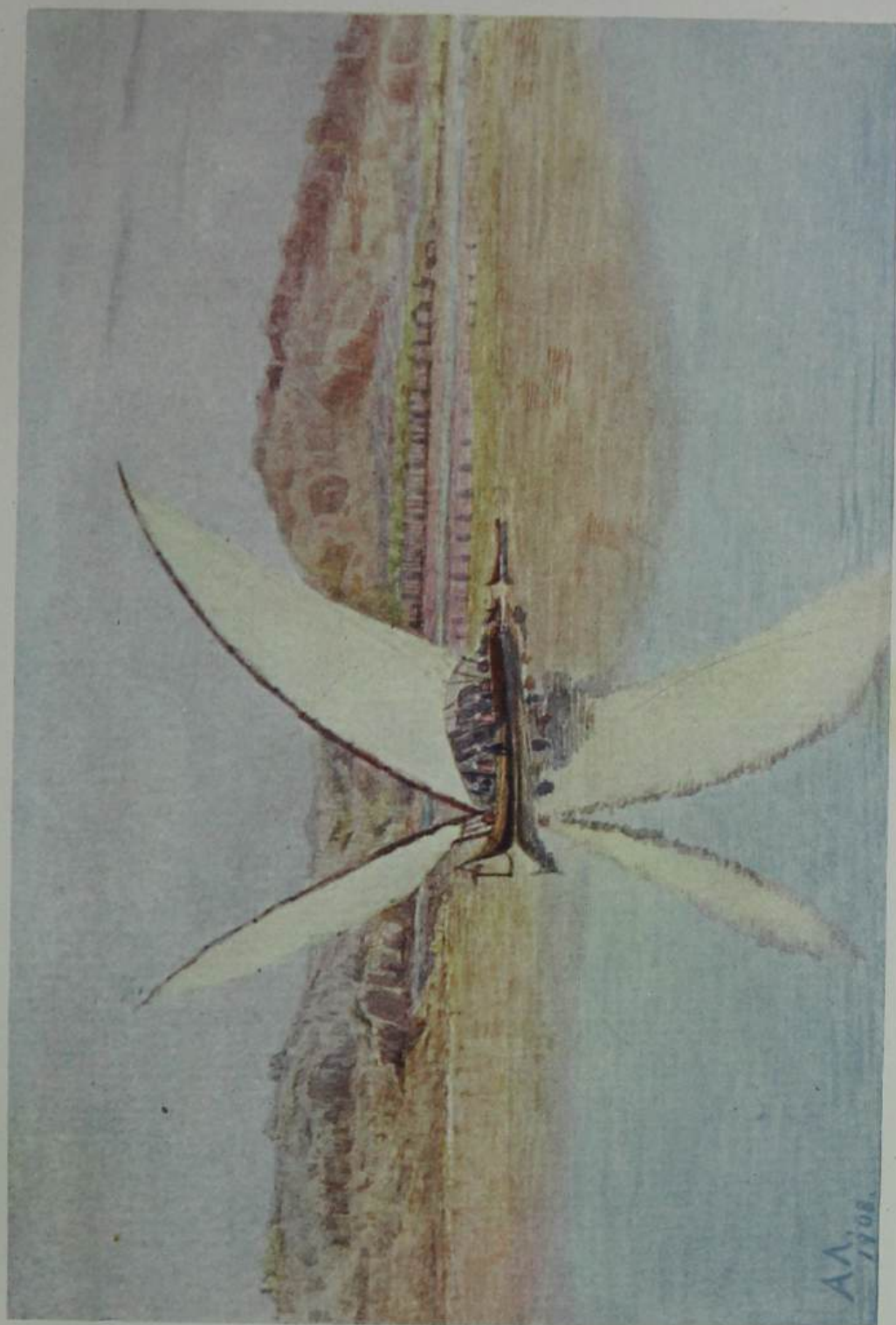
Вблизи Ассуана, въ сторону пороговъ, на скалистомъ берегу Нила возвышаются величественныя развалины монастыря св. Симеона — замѣчательный памятникъ зодчества первыхъ вѣковъ христіанства. Никакого историческаго воспоминанія не связано съ этими развалинами, даже само имя Симеона остается загадкою и не упоминается ни въ житіяхъ мѣстныхъ святыхъ, ни въ дошедшихъ до насъ документахъ того времени.

Въ странѣ Нубіи-Ри

Услышавъ, дабы не было слышно, а
поэтому отъ берега Нубіи до берега прихо-
дится идти самымъ опаснымъ путемъ по узкой пе-
ремозной тропинкѣ. Но что же было слышно! —
Внизу жаренно кипитъ море изъ толстыхъ рѣка,
сидя на дне ярко-желтой тропы съ рощами
пальм, гранатовъ, финиковъ, банановъ,
акации и яблонь. Вокругъ воды устья
зеленые холмы, и вдали виднѣются желтые
горы на ихъ вершинахъ. Все играетъ ириза-
цией, сверкаетъ и переливается. Сверху вѣетъ фелугъ
разносящая по всему воздуху пыль; огненное
солнце жжетъ. Вокругъ въ сѣверномъ небѣ
разнообразныя облака. Сидя на берегу жарю,
на вершине горы, вдали виднѣются горы по-
дальше, въ долине. **НИЛЬ ВЪ НУБІИ.** Вода Нилова
окрашена въ желтый цветъ. Вода Нилова
течетъ и слышится шумъ воды въ до-
лине доли.

Вблизи Асуана въ сѣверномъ морскомъ, на
скалистомъ берегу Нила живутъ велича-
тельные развалины монастыря св. Силвана —
замѣчательная памятникъ водчества первыхъ
христіанъ. Никакого историческаго
значенія не связано съ этими развалинами,
даже само имя Силвана остается забытымъ.
Он упоминается ни въ житіяхъ мѣстныхъ свя-
тыхъ, ни въ дошедшихъ до насъ документахъ
того времени.

Ассуанъ.

Медленно причаливаетъ наша фелуга къ крутому берегу, гдѣ въ глубинѣ небольшой бухты, пріютившейся подъ навѣсомъ прибрежныхъ скалъ, едва замѣтна извилистая тропинка, ведущая среди песковъ и камней вверхъ къ покинутой обители. Въ темныхъ ущельяхъ жалобно стонутъ зеленыя волны, словно поютъ подъ загадочный ритмъ старинную пѣсню про слезы Изиды; обильно льются слезы ея о безвременно падшемъ отъ руки братоубійцы любимомъ супругѣ, льются день и ночь изъ свѣтлыхъ очей безсмертной богини и даютъ начало священному Нилу! Знойный Камзинъ, подслушавъ въ уныломъ пѣніи великую тайну смерти и воскресенія, не одно тысячелѣтіе вѣщаетъ о ней сынамъ вѣчно юной страны фараоновъ.

Внимая мелодичнымъ звукамъ прибоя, тяжелымъ шагомъ поднимаемся мы въ гору. Вотъ между холмами показалась часть стѣны, сложенной изъ бураго кирпича, а надъ нею развалины, напоминающія сарацинскія сооруженія въ Сициліи; на самомъ верху, сквозь оконныя отверстія, привѣтливо свѣтитъ заходящее солнце. Подходя ближе, мы различаемъ отдѣленные одинъ отъ другого куски внѣшней стѣны, башни и бастіоны, темную пасть отверстій на сѣромъ фонѣ камней. Монастырь выстроенъ вдоль склона горы: когда глядишь на него снизу—онъ представляетъ величественное зрѣлище со своими тремя этажами, расположенными одинъ надъ другимъ, широкимъ дворомъ и

Въ странѣ Амонъ-Ра.

бастіонами, обнесенными наружною стѣною; надъ ними терраса съ многочисленными башнями и различными постройками, а посреди нея — высокая крѣпость съ монастырскими кельями, трапезою и церковью. Все осталось здѣсь на своемъ мѣстѣ въ теченіе вѣковъ, и по сю пору непоколебимо стоитъ громадная твердыня, такъ долго служившая надежнымъ убѣжищемъ для первыхъ христіанскихъ иноковъ, готовыхъ во всякую минуту отразить внезапное нападеніе дикихъ кочевниковъ. День и ночь одинъ изъ монаховъ дежурилъ на плоской крышѣ внутренней крѣпости. Что за чудный видъ открывается отсюда! — Серебристая лента Нила глубоко внизу горитъ золотистыми огоньками, темная масса пороговъ, прибрежная зелень и далекій берегъ — все, какъ флеромъ, окутано опаловой пылью, которую знойный вѣтеръ гонитъ изъ глубины пустыни.

Входъ въ монастырь проходитъ подъ аркою массивной башни; внутри груды камней — часть обвалившихся сводовъ и широкій коридоръ по направленію къ церковному двору.

По обѣ стороны его уцѣлѣли внутреннія стѣны (алтаря — съ сѣвера, и хоровъ — съ юга), украшенныя фресками и коптскими надписями. Расписной потолокъ ризницы даже сохранилъ свѣжесть красокъ. Отъ южной стѣны базилики крутая лѣстница, высѣченная въ скалѣ, ведетъ на террасу; здѣсь помѣщались монастырскіе амбары и другія хозяйственныя постройки, какъ-то: мельница, приводившаяся въ движе-

Ассуанъ.

не буйволами, хлѣбопекарня, конюшни, сараи и т. д. Посреди — высокая крѣпость заключала внутреннюю церковь, трапезу и кельи. Подыматься сюда приходится сквозь нижній проходъ подъ угловою башнею; направо — продолговатый залъ со сводами, ярко освѣщенный, благодаря провалившемуся потолку; но въ былое время дневной свѣтъ лишь скудно проникалъ сюда сквозь небольшія, крестообразныя отверстія. Штукатурка мѣстами сохранилась, такъ же, какъ и часть фресокъ у входа въ часовню. По обѣ стороны зала — темныя небольшія кельи, на половину загроможденные кирпичомъ и мусоромъ. Входъ въ нихъ до того низокъ, что нужно итти ползкомъ, чтобы проникнуть во внутрь. Здѣсь въ теченіе вѣковъ прошло не одно поколѣніе иноковъ, не оставившихъ по себѣ никакого слѣда. Всюду то же однообразіе безыменной, проведенной въ постѣ и молитвѣ жизни. Тотъ, кто вступалъ сюда, навсегда отрекался отъ своего «я», и сѣрыя стѣны, сѣрые своды погребали одинаково сѣрую жизнь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ глубь Нубии.

1.

Послѣдняя шлюза пройдена, и «Нубія» безшумнымъ полетомъ огромной чайки плавно понеслась вверхъ по тихому Нилу. Кругомъ хаосъ камней. Со всѣхъ сторонъ жмутся къ рѣкѣ базальтовые холмы; желтые пески Ливійской пустыни властно врываются въ ущелья, забиваются въ трещины и пушистымъ покровомъ стелятся вдоль откосовъ, по склонамъ и низинамъ вплоть до самаго берега. Среди ихъ ослѣпительной желтизны расплавленного золота глыбы базальта кажутся еще сумрачнѣе, еще чернѣе. Повсюду разбросаны скалы самой причудливой формы, точно тысячелѣтнія руины на половину потонули въ волнахъ, точно полчища сказочныхъ чудовищъ въ неудержимомъ натискѣ стремятся на приступъ каменныхъ твердынь. Рукава рѣки разбѣгаются по всѣмъ направлениямъ, голубою лентою опоясывая множество острововъ всевозможныхъ очертаній и размѣровъ — преддверіе первыхъ пороговъ. Изъ воды торчатъ обнаженные стволы и кудрявыя верхушки пальмъ; сооруженная въ 1902 году

Ротенберг Н. П.

МГ	К
«	»

ЧД РЕДК

НИГ

Въ глубь Нубіи.

громадная плотина настолько подняла уровень Нила, что оба берега на протяженіи многихъ сотенъ верстъ оказались затопленными и вмѣстѣ съ ними, увы, жемчужина Египта, островъ Филе, съ его знаменитыми языческими святынями. Весь островъ находится подъ водою; отъ колоннады, сооруженной Птоломеемъ Филопаторомъ, храмовъ Харсудотеса и Хатора, монументальныхъ арокъ Адріана и Августа — видны однѣ капители колоннъ; кіоскъ Тиверіа еще чаруетъ взоры своимъ верхнимъ павильономъ; онъ уцѣлѣлъ, благодаря возвышенному фундаменту, такъ же, какъ и храмъ Изиды, ничтожная часть котораго доступна осмотру. Наружныя стѣны пилоновъ покрыты крупными рельефными изображеніями Птолемея XIII, Несошь Діонисоса, поражающаго враговъ или совершающаго жертвоприношенія различнымъ божествамъ. Лодка «Нубія» останавливается у боковой двери второго пилона, гдѣ насъ подхватываютъ рослые нубійцы, по колѣна въ водѣ; они вносятъ насъ въ освѣщенный сверху залъ съ крытыми портиками по обѣ стороны и ставятъ на небольшую сухую площадку. Робко ластятся священные струи Нила къ подножію восьми пальмообразныхъ колоннъ, поддерживающихъ расписанный потолокъ, словно царственная рѣка свершаетъ млечное возліаніе душѣ усопшаго бога, какъ это изображено на одной изъ картинъ въ алтарѣ воскресенія Озириса. Стѣны зала покрыты рельефами мифологическаго содержания и іероглифическими надписями яркихъ

Въ странѣ Амонъ-Ра.

цвѣтовъ; краски хорошо сохранились; особенно красиво выглядятъ капители колоннъ: свѣтло-зеленые пальмовые листья съ голубыми тѣнями; коридоры, ведущіе къ залу, обратились теперь въ каналы.

Нубійцы снова несутъ насъ, минуя нѣсколько комнатъ, къ подножію узкой каменной лѣстницы и вверхъ по ней, на крышу святая святыхъ; съ западной части этой крыши, имѣющей форму террасы, нѣсколько ступеней ведутъ въ такъ называемыя «комнаты Озириса», гдѣ на стѣнахъ алтаря скромныхъ размѣровъ символически изображено воскресеніе бога. Ко времени расцвѣта культа Изиды, звѣзда древней религіи начинала меркнуть въ лучахъ нарождавшагося христіанства. Никогда еще пропасть, отдѣлявшая толпу отъ духовенства и посвященныхъ, не достигала подобной глубины. Между тѣмъ какъ міровоззрѣніе послѣднихъ становилось болѣе возвышеннымъ, и умъ ихъ проникалъ сокровенныя тайны мірозданія, народныя массы, пребывая въ грубомъ идолопоклонствѣ, даже не подозрѣвали, какія высокія истины таились за внѣшними изображеніями, которымъ они поклонялись. Евангельское откровеніе, обращенное къ этимъ массамъ, не только приподняло для нихъ край завѣсы съ тайны богопознанія жрецовъ Изиды, но и впервые возвѣстило міру о милосердіи и братствѣ, — добродѣтеляхъ, неизвѣстныхъ язычеству. Таинственные Озирисъ, Изида и Горусъ, высшее олицетвореніе божества, оставались безучаст-

Въ глубь Нубіи.

ными къ людскимъ страданіямъ и горю. Они изливали свой свѣтъ одинаково на злыхъ и на добрыхъ и съ тою же спокойною улыбкою взирали на массовыя избіенія плѣнниковъ, какъ на безкровныя жертвы у мраморныхъ алтарей.

Съ высоты террасы, гдѣ мы стоимъ, 2000 лѣтъ тому назадъ, въ ночь передъ посвященіемъ, неопфитъ внималъ словамъ іерофанта. Указывая на темное небо съ міриадами свѣтилъ, учитель раскрывалъ ему тайну вселенной: соотвѣтствіе макрокосма микрокосму, тройственный составъ того и другого и сокровенный смыслъ міѳа объ Озирисѣ, навѣки запечатлѣвая огненными буквами въ умѣ его, что душа безсмертна, что она прошла черезъ рядъ воплощеній и что ее ожидаетъ конечное сліянiе съ божествомъ.

Послѣ торжества христіанства при Константинѣ Великомъ еще долгое время продолжали стекаться на островъ Филе полуварварскія племена Нубіи и Ливійской пустыни. Лишь въ царствованіе императора Юстиніана была рѣшена участь послѣдняго языческаго храма въ Египтѣ, а беспощадная рука Запада завершила въ X вѣкѣ дѣло разрушенія знаменитой святыни.

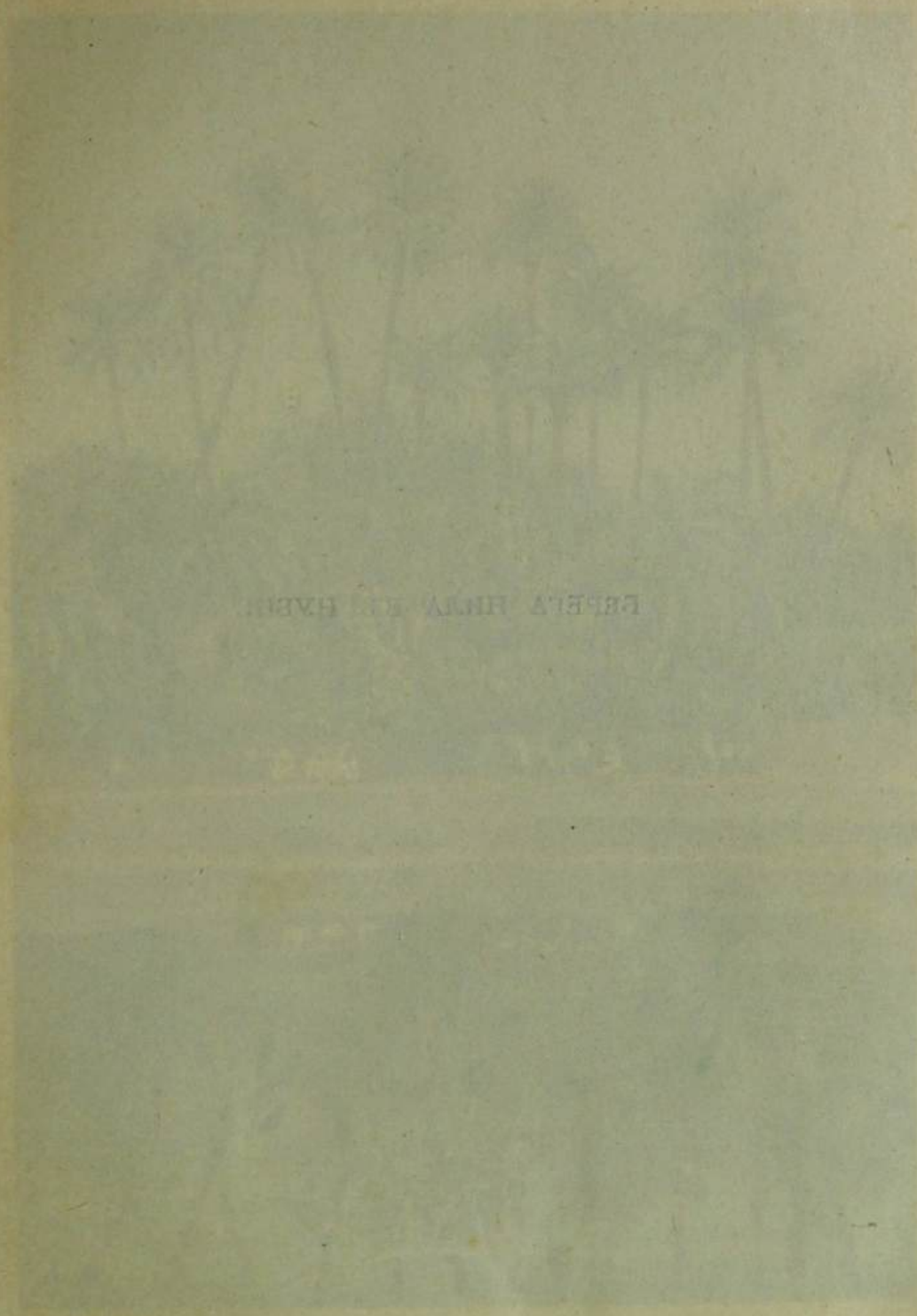
II.

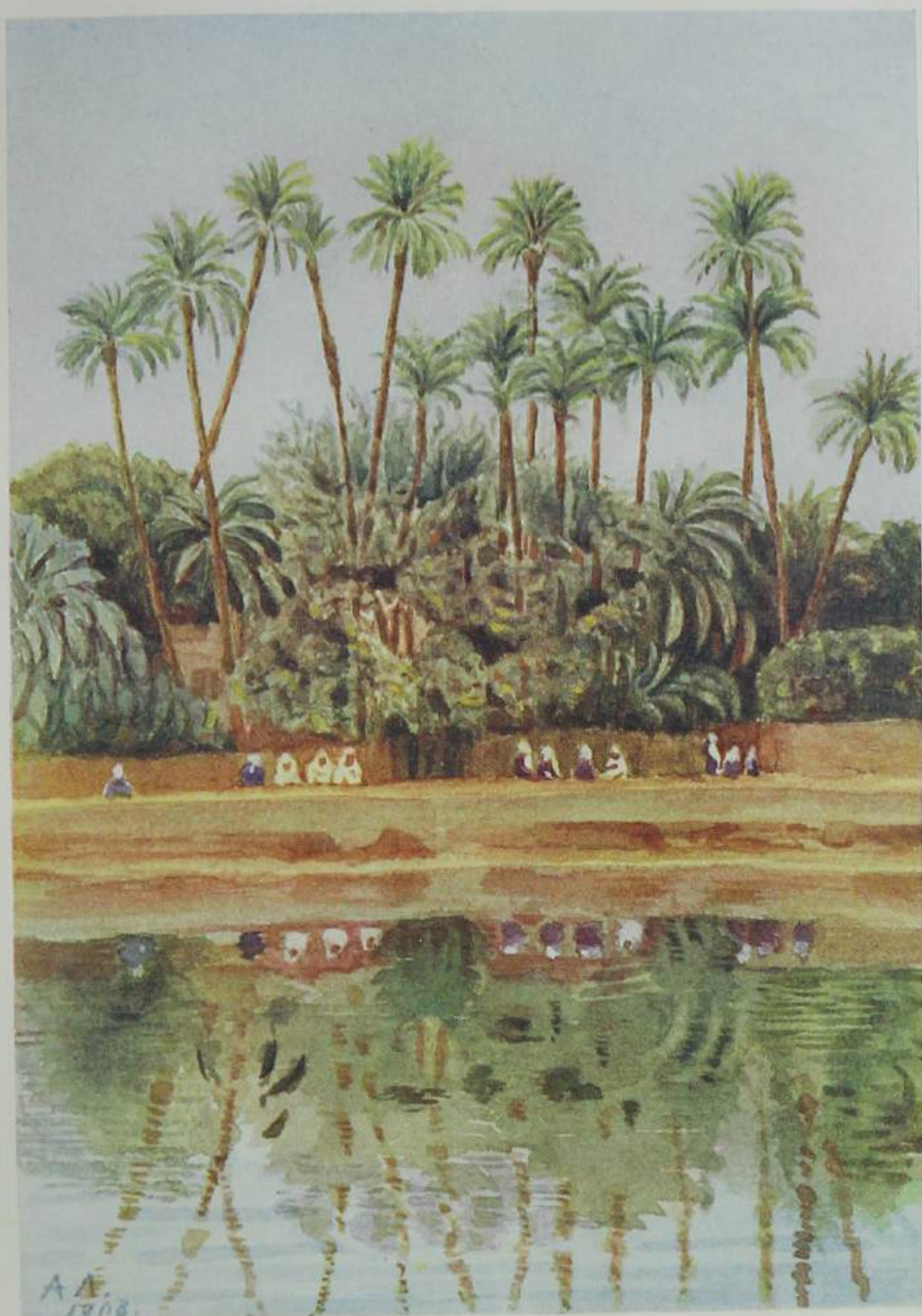
Миновавъ узкій проливъ между двумя островами, сохранившими остатки старинныхъ укрѣпленій—башенъ, стѣнъ и фортовъ,—«Нубія» причаливаетъ къ ливійскому берегу, гдѣ раскинулось въ голой пустынѣ мѣстечко Калабше.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

У самаго Нила, среди нубійской деревушки, находится храмъ временъ Августа. Храмъ этотъ значительныхъ размѣровъ; въ настоящее время онъ реставрируется, хотя не представляетъ серьезнаго интереса въ археологическомъ отношеніи. Толпа туземцевъ тѣснится у пристани; они, большею частью, высокаго роста, худощавы и хорошо сложены; цвѣтъ кожи темно-коричневый. Мужчины носятъ довольно длинные волосы и усы; одѣты они въ халаты чернаго, голубого или бѣлаго цвѣтовъ; на головѣ — бѣлый тюрбанъ; въ видѣ украшенія серебряныя браслеты и серьги; у женщинъ, кромѣ того, ожерелья изъ бусъ и широкія серебряныя бляхи на груди; въ уши и ноздри продѣты золотыя кольца. Одѣты онѣ всегда въ черное и часто закрываютъ себѣ лицо такого же цвѣта платкомъ. Дѣти бѣгаютъ совершенно нагіе. Одни изъ нихъ назойливо предлагаютъ длинныя ожерелья изъ оникса и корналина, или различныя серебряныя украшенія довольно грубой работы, другіе — предметы сомнительной древности, или же чучела маленькихъ крокодиловъ.

Почти немедленно за Калабше начинается тропикъ Рака, и подъ утро на горизонтѣ сіяетъ созвѣздіе «Южный Крестъ». Перемена въ климатѣ становится съ каждымъ часомъ замѣтнѣе, теряешь всякое ощущеніе холода послѣ захода солнца и до разцвѣта. Въ воздухѣ полное отсутствіе сырости, и, хотя мы проводимъ ночи на рѣкѣ, мягкость и тишина ихъ отъ этого ничуть не страдаютъ. Дыханіе пустыни, рас-

Въ глубь Нубіи.

каленной долгимъ солнечнымъ днемъ, жаркою струею врывается на палубу. Берега становятся все болѣе населенными, все чаще встрѣчаются нубійскія деревушки среди высокихъ пальмовыхъ рощъ. Стройныя деревья отчетливо выдѣляются на синемъ фонѣ неба со своими косматыми вершинами и тонкими стволами. Между пальмъ разбросаны акаціи и резиновыя деревья, вдоль берега — плантаціи рицины. На близкомъ разстояніи одна отъ другой возвышаются надъ Ниломъ водокачки «Саккіе», весьма незамысловатаго устройства, приводимыя въ движеніе парюю волонъ и придающія большое оживленіе и своеобразный характеръ пейзажу. На узкой изумрудной полосѣ поля усердно трудятся полунагіе нубійцы; ихъ бронзовыя спины лоснятся подъ палящими лучами солнца. Удивительно упорство, съ которымъ борется здѣсь человекъ за каждый клочокъ удобной земли, — какъ бы незначителенъ онъ ни былъ, — съ грозно надвигающимися на него песками пустыни. И какою дорогою цѣною покупаетъ онъ право на скудное существованіе!

Солнце склоняется къ западу. Нилъ становится кобальтоваго цвѣта, блѣдно-голубое небо постепенно переходитъ въ красноватое съ золотистымъ оттѣнкомъ. Легкія облачка, словно перышки, разбросанныя высоко надъ землею, все болѣе розовѣютъ. На востокъ сѣро-синій горизонтъ, по мѣрѣ того, какъ желтый солнечный дискъ опускается на ливійскія горы, становится сначала палевымъ, а потомъ лило-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

вымъ. Темно-сѣрое ущелье, съ деревушкою у входа, поражаетъ яркою зеленью посѣвовъ, лежащихъ въ его глубинѣ. Навстрѣчу намъ медленно плыветъ широкая фелуга; паруса ея, словно крылья гигантскаго фламинго, алѣютъ въ лучахъ заката. Солнце сѣло. Западъ испещренъ тонкими полосками розовыхъ облаковъ, между которыми сквозитъ синева неба, — краски съ каждою минутою дѣлаются ярче. На востокѣ лиловая вода сливается съ горизонтомъ, и прибрежныя скалы кладутъ на поверхность ея оранжевыя пятна.

Сумерки почти незамѣтны подъ тропиками. Ночь наступила. Не постепенно надвигалась она, какъ у насъ на сѣверѣ, но мракъ ея внезапно окуталъ землю, небо и царственный Ниль. Яркія звѣзды заблестѣли на ея бархатной ризѣ, и бурая пустыня погрузилась въ глубокій сонъ безъ сновидѣній.

III.

На слѣдующее утро поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, обратившійся вскорѣ въ песчаный вихрь. Со стороны пустыни помчалась мелкая пыль. Все вокругъ подернулось тонкою дымкою и приняло пепельный оттѣнокъ. Буря такъ и рветъ снасти судна, паруса встрѣчныхъ фелугъ. Между тѣмъ мы вѣзжаемъ въ самую живописную часть Нила, между 1-мъ и 2-мъ порогами. Суровыя скалы, отдѣленные одна отъ другой глубокими ущельями, тѣснятся на во-

Въ глубь Нубіи.

сточномъ берегу; на самой вершинѣ — развалины стариннаго укрѣпленія Казръ-Ибримъ; внизу онъ кажется городомъ привидѣній. Руина настолько сливается съ линіею горнаго хребта, что съ трудомъ отличаешь, гдѣ кончается первая, гдѣ начинается вторая. Вотъ отверстія оконъ, черезъ которыя глядитъ тусклый ликъ солнца; рядомъ какъ будто остовъ минарета и зубчатая стѣна, — искусственная или естественная? Богъ знаетъ. Горы самыхъ разнообразныхъ очертаній и размѣровъ: однѣ конусообразныя, другія имѣютъ форму усѣченной пирамиды, третьи съ вершиною вродѣ купола. На противоположной сторонѣ сквозь завѣсу ночи появляются холмы Абу-Симбель, съ высѣченными въ ихъ гранитной груди знаменитыми пещерными храмами, посвященными Амонъ-Ра и Хатору, — цѣль нашей поѣздки вверхъ по Нилу. Когда-то къ этимъ храмамъ вела широкая лѣстница отъ просторной пристани для судовъ, устроенной на берегу Нила. Но то было давно-давно... Время и человѣкъ разрушили здѣсь все, что можно было разрушить. Заботливая пустыня, однако, бережно сохранила для насъ внутренность храмовъ, засыпавъ ихъ пескомъ. Такъ стояли они въ теченіе вѣковъ и лишь въ 1817 году были откопаны Бельцони. Храмы отдѣлены одинъ отъ другого узкою балкою, вдоль которой ползутъ сыпучіе пески, такъ что часть фасада, главнаго изъ нихъ, снова начинаетъ исчезать подъ желтымъ саваномъ, хотя послѣдняя расчистка была про-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

изведена въ 1892 году. Крутая тропинка ведетъ вверхъ на площадку къ святилищу Амонъ-Ра.

Монументальный фасадъ украшенъ четырьмя колоссальными статуями Рамзеса II, сидящаго на тронѣ съ коронами верхняго и нижняго Египта на головѣ и попирающаго ногами цѣпь плѣнныхъ сирійцевъ и эфіоплянъ. Статуи высѣчены въ скалѣ; изъ нихъ находятся въ цѣлости 1-я, 3-я и 4-я, а у второй отвалилась голова и часть туловища, лежащія опрокинутыми на площадкѣ. Отличительныя черты лица фараона переданы мастерски и поражаютъ красотой и величіемъ; руки его оперлись на бедра; по правую и лѣвую сторону отъ колосса, а также и между его ногами, помѣщаются сравнительно небольшія статуи принцевъ и принцессъ царской крови.

Узкій, высокій проходъ, высѣченный какъ разъ по срединѣ скалы, ведетъ внутрь храма. Къ сожалѣнію, осматривать его при дневномъ свѣтѣ нѣтъ возможности, такъ какъ въ огромныхъ залахъ, за исключеніемъ двухъ часовъ послѣ восхода солнца, царитъ глубокій мракъ, и лишь первые ряды гигантскихъ колоннъ, въ формѣ мумій Озириса, находящихся у входа въ Спеосъ, слабо освѣщены косыми лучами удаляющагося солнца. Сюда намъ еще придется вернуться съ наступленіемъ темноты, когда внутренность пещеры бываетъ освѣщена электрическими лампочками, повсюду укрѣпленными въ потолкахъ залъ.

Въ глубь Нубіи.

IV.

Ночью, вверхъ по узкой тропинкѣ, къ окутанному глубокимъ мракомъ храму.

Понемногу глаза привыкаютъ къ темнотѣ, и притрепетномъ мерцаніи звѣздъ начинаютъ выдѣляться на черномъ фонѣ сперва очертанія колоссовъ, а затѣмъ даже рельефныя фигуры плѣнныхъ сирійцевъ и эфіоплянъ. Пламя одинокаго факела то разгорается, то потухаетъ въ глубинѣ храма; его неровный, красноватый свѣтъ озаряетъ суровые лики каменныхъ Озирисовъ, безстрастно взирающихъ съ высоты на людскихъ пигмеевъ, прислонившихся къ ихъ подножію. Зловѣщія тѣни протянулись отъ одной колонны къ другой и сливаются съ общимъ мракомъ залы.

Жутко! Мерещутся косматыя чудовища, выползающія изъ угловъ и грозящія костлявыми руками. Въ огромномъ храмѣ глубокое молчаніе нарушается полетомъ надъ нашими головами летучихъ мышей, напуганныхъ огнемъ. Въ этотъ залъ собиралась въ былыя времена, быть можетъ, въ такую же темную ночь, толпа богомольцевъ въ ожиданіи восхода солнца. Едва первый лучъ загорался на вершинѣ аравійскихъ горъ, какъ двери, ведшія въ святая святыхъ, настезь растворялись, и огненная стрѣла Амонъ-Ра, пронизавъ внутренность храма, падала на жертвенникъ къ подножію каменной статуи сидящаго бога. Хоръ жрецовъ привѣтствовалъ знаменитымъ гимномъ Амону воскресшее свѣтило, и клубы фиміама напол-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

няли благоуханіемъ пробудившееся святилище. Не долго, однако, оно пребывало въ ликующемъ сіяніи великаго Ра, всего 2 — 3 часа, а затѣмъ, по мѣрѣ удаленія солнца, сумерки внутри его сгущались, и храмъ постепенно погружался во мракъ до слѣдующаго утра.

Вдругъ вспыхнули электрическія лампочки, и залы засіяли, какъ при дневномъ свѣтѣ. Очарованіе, увы, отлетѣло, но взамѣнъ его явилась возможность вдоволь налюбоваться цвѣтными рельефами, покрывающими стѣны и колонны: Рамзесъ II, пѣшій или стоя на колесницѣ, поражаетъ враговъ. Фигура фараона всюду исполинскихъ размѣровъ: на одной сторонѣ онъ совершаетъ жертвоприношенія различнымъ божествамъ, а на другой — охотится на дикихъ звѣрей; за первымъ заломъ слѣдуетъ второй, меньшихъ размѣровъ; расписной потолокъ его поддерживаютъ четыре колонны; по обѣ стороны этихъ залъ расположены восемь низкихъ комнатъ различныхъ размѣровъ, служившихъ ризницею и складами для приношеній; въ нихъ сохранились каменные скамьи вдоль стѣнъ. Въ глубинѣ храма святое святыхъ, всю крайнюю стѣну котораго занимаютъ четыре сидячія статуи выше роста человѣческаго, — это троякое изображеніе верховнаго бога солнца: Амонъ-Ра, Характе и самого Рамзеса II. Статуи эти были когда-то раскрашены въ цвѣта: бѣлый, черный, синій и желтый. Передъ ними жертвенникъ для возліянія воды, вина и воскуренія фиміама.

ГЛАВА ТРЕТЯ.

ЛУКСОРЪ.

1.

«Луксоръ!» раздается сверху протяжный крикъ рулевого, и вслѣдъ за этимъ ко мнѣ въ каюту входитъ драгоманъ въ длинномъ шелковомъ темно-синяго цвѣта халатѣ, съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ и въ красныхъ сафьяновыхъ бабушахъ. «Спѣшите на палубу, говоритъ онъ, мы подъѣзжаемъ къ стовратымъ Оивамъ». Полдень... Солнце жжетъ... Вода блеститъ, льется медленно вокругъ бортовъ парохода точно горячее масло. Широкая, зеленая равнина по обѣ стороны; съ запада и востока ее окаймляютъ оранжевыя горы.

Мы минуемъ нѣсколько виллъ въ арабскомъ вкусѣ, потонувшихъ среди пальмовыхъ рощъ. «Гдѣ же знаменитый храмъ Амона?» въ недоумѣніи спрашиваю я. «Мы его не увидимъ, — отвѣчаетъ драгоманъ, — онъ лежитъ ниже, къ сѣверу, а вотъ, смотрите «Winter Palace». Громадный, неуклюжій караванъ-сарай въ стилѣ модернъ выростаетъ передъ нами на берегу Нила. Какое разочарованіе! Его новый, бьющій на эффектъ фасадъ съ террасою и монументаль-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

ною лѣстницею такъ мало подходитъ къ окружающему. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ «Winter Palace», на холмѣ, расположена арабская деревушка, ослѣпительно бѣлая на блѣдномъ фонѣ неба. Она кажется игрушечною въ сравненіи съ громадою Palace'a и смежными современными зданіями, въ которыхъ помѣщаются лавки всякой всячины во вкусѣ туристовъ.

II.

Полуденный зной смѣнила вечерняя прохлада, и жизнь снова забила ключемъ въ задремавшемъ, было, Луксорѣ.

По Нилу плывутъ вверхъ и внизъ многочисленныя фелуги, до бортовъ нагруженные различнымъ товаромъ, или же перевозящія толпы туземцевъ; у берега на якорѣ стоятъ пароходы и баржи. Разноцвѣтный, разноязычный людъ снуетъ вдоль набережной, переноса на плечахъ тяжелые тюки, или полные воды бурдюки, а то и просто глазѣя на причаливающія дахабіэ.

Высоко надъ пристанью, поверхъ набережной временъ римлянъ, красуется величественная руина огромнаго храма, нѣкогда посвященнаго Оиванской тріадѣ: Амону, Мутъ и Консу. Въ стройную линію вытянулась длинная колоннада, изъ-за которой, точно воздушное марево, вся розовая въ лучахъ заходящаго солнца, выростаетъ арабская мечеть. У входа въ храмъ расположились торговцы различными бездѣлушками: бусами, фальшивыми древностями и су-

Луксоръ.

данскими издѣліями. Они осаждаютъ пріѣзжихъ, бранятся, торгуются, почти силою навязываютъ свой товаръ; миролюбивые полисмены лишь издали грозятъ имъ бамбуковою тростью. Тутъ же цѣлый эскадронъ осѣдланыхъ осликовъ ждетъ ошеломленного общимъ гамомъ туриста. «Не хотите ли въ Карнакъ», кричитъ смуглый юноша въ бѣломъ халатѣ. «Нѣтъ со мною», перебиваетъ другой. «Мой оселъ извѣстенъ всему Луксору», старается перекричать третій — и начинается перебранка... Едва успѣетъ туристъ освободиться отъ преслѣдованія молодыхъ феллаховъ, какъ тѣ, лихо вскочивъ на своихъ животныхъ, пускаютъ ихъ во всю прыть, перегоня другъ друга, гордые своею ловкостью и бѣшеною скачкою послушныхъ осликовъ.

Съ западной и сѣверной сторонъ храма расположены многолюдные кварталы Луксора, гдѣ цѣлый день кипитъ своеобразная дѣятельность: у входа въ мазанки туземцы плетутъ циновки изъ пальмовыхъ жилъ, или куютъ мѣдную посуду, группы женщинъ, облеченныхъ въ темныя одежды, съ покрытымъ до глазъ лицомъ, присѣвши на корточки, оживленно бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ. Толпы дѣтей, полунагихъ, грязныхъ, съ взъерошенными волосами бѣгутъ съ крикомъ и визгомъ за прохожимъ иностранцемъ, прося «бакшишъ». Изъ ближайшаго переулка медленно выходитъ на залитую солнцемъ площадку мечтательный буйволъ и лѣниво ложится въ густую желто-бурую пыль. Стада черныхъ, длинноухихъ козъ и косматыхъ овецъ

Въ странѣ Амонъ-Ра.

бродятъ вдоль улицъ въ поискахъ скудной пищи. Откуда-то доносится пѣсня; отъ нея вѣетъ далекимъ-далекимъ прошлымъ, словно въ этихъ звукахъ, однообразныхъ и заунывныхъ, ищетъ вылиться великая скорбь вѣками стонущаго феллаха.

Съ вершины холма, въ западномъ кварталѣ, открывается очаровательный видъ на внутренность храма во всемъ его великолѣпїи: исполинскія башни пилона, два ряда величественныхъ колоннъ, знаменитый обелискъ изъ красного гранита и черная гранитная статуя Рамзеса II-го — все видно какъ на ладони. Направо отъ пилона гордо стоитъ колоссъ великаго фараона, налѣво — такой же въ сидячемъ положенїи, а нѣсколько поодаль — третїй, по грудь засыпанный землею. Полные невозмутимаго спокойствїя взираютъ эти гиганты на суетливую жизнь вокругъ умершаго святилища, и мнится имъ, мало что измѣнилось въ долину Нила за канувшія въ вѣчность тысячелѣтїя: ту же пѣсню тянетъ феллахъ на шадуфѣ, тѣмъ же способомъ обрабатываетъ онъ кормилицу землю, тѣми же амулетами увѣшаны его жены и дочери, все это давно, давно знакомо фараону...

III.

Главная часть храма, — святая святыхъ съ сосѣдними часовнями, ипостильный залъ и обширный дворъ съ двойнымъ рядомъ папирусообразныхъ колоннъ, — была сооружена за 1500 лѣтъ

Луксоръ.

до Р. Хр. фараономъ Аменготепомъ III-мъ. Рамзесъ II-ой значительно расширилъ храмъ, прибавивъ къ нему колоннаду и передній дворъ, окруженный крытыми портиками, гдѣ въ простѣнкахъ между пилястрами, точно исполинскіе воины выступаютъ впередъ, съ правой ноги, колоссальныя статуи фараона. Имъ же былъ воздвигнутъ монументальный пилонъ и два обелиска, изъ которыхъ одинъ украшаетъ въ настоящее время площадь Согласія въ Парижѣ.

О внѣшнемъ видѣ храма въ эпоху XVIII династїи можно судить по прекрасно сохранившемуся на юго-западной стѣнѣ двора Рамзеса рельефу, съ изображеніемъ праздничной процессїи, которая направляется къ святилищу Амона: князья и знатныя лица съ ихъ свитою, жертвенныя животныя, украшенныя гирляндами цвѣтовъ, священнослужители длинною вереницею подходятъ къ башнямъ пилона; передъ каждою изъ башенъ помѣщается по три колоссальныхъ статуи фараона и по обелиску изъ сіенскаго гранита.

IV.

Сѣдой муэдзинъ появляется на минаретѣ и, нагибаясь черезъ перила, громкимъ голосомъ созываетъ правовѣрныхъ на молитву: «Великъ Богъ, великъ Богъ; нѣтъ иного Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ Его». Медленнымъ шагомъ обходитъ старикъ розовѣющую башню минарета; снова и снова взываетъ «Великъ Богъ,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

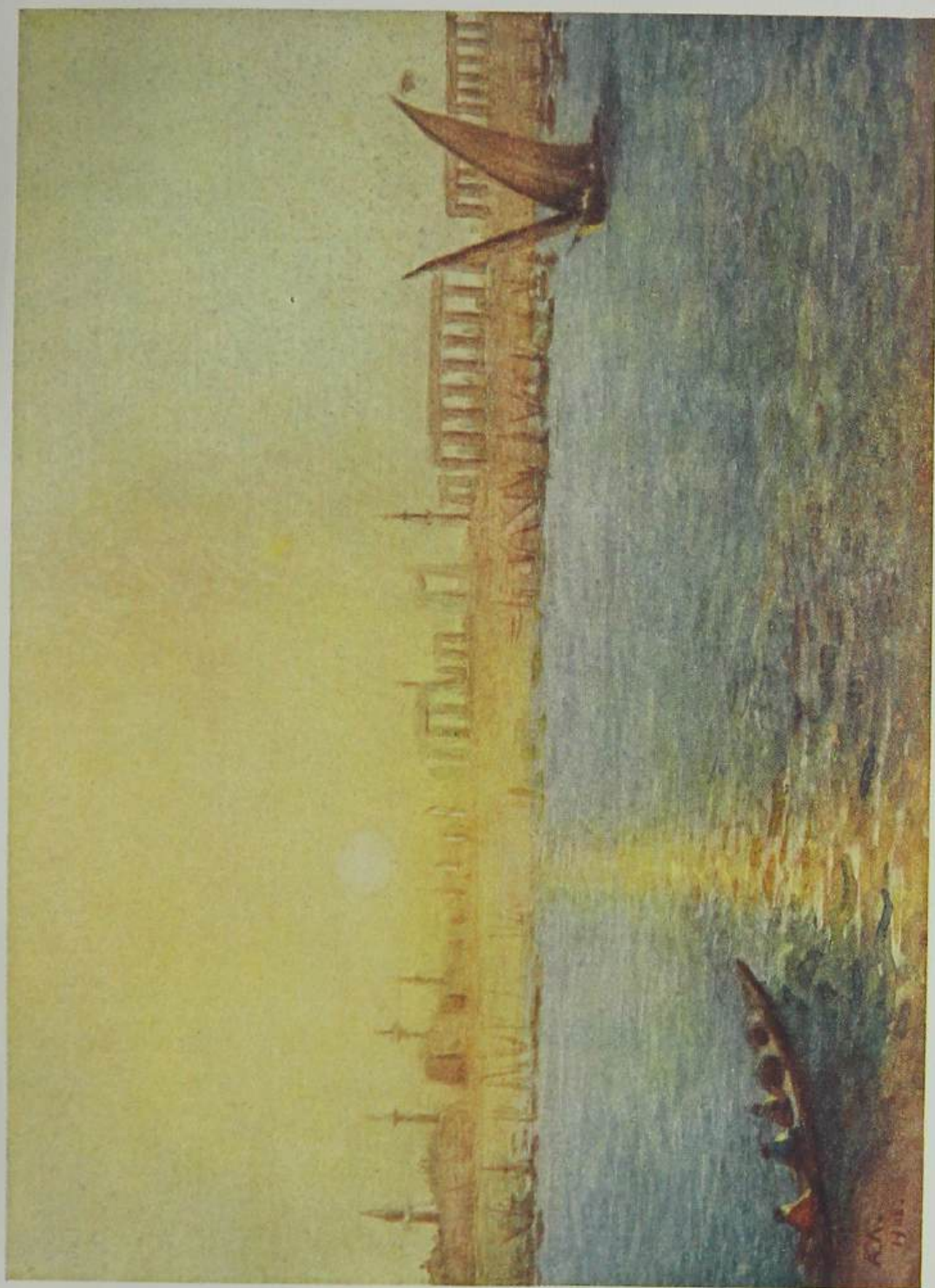
великъ Богъ». Съверный вѣтерокъ подхватываетъ священныя слова, разноситъ ихъ по Иванской равнинѣ, и стогласное эхо слабо вторитъ имъ въ вечернемъ сумракѣ. Умерли старые боги, умерли навсегда! Разоренное святилище ихъ оглашается призывомъ къ единому Богу ислама.

Быстро гаснетъ яркій свѣтъ дневной. Желтая окраска линяетъ на стѣнкахъ и колоннахъ; длинныя тѣни ложатся отъ нихъ на гранитныя плиты. Все ниже склоняется солнце въ объятія далекихъ ливійскихъ горъ; съ его послѣдними лучами пульсъ жизни постепенно слабѣетъ, и наконецъ вовсе прекращается его бѣненіе. Тихій ангелъ безшумными крылами вѣетъ надъ безмолвнымъ святилищемъ Амона.

Мракъ сгущается въ часовняхъ и узкихъ проходахъ, хоронится за выступами колоннъ и оттуда осторожно ползетъ по всѣмъ направленіямъ. Съ наступленіемъ темноты ожили старые боги и завладѣли своимъ жилищемъ. Изъ бездны тысячелѣтій звучитъ ихъ торжественный призывъ къ молитвѣ. Старые боги, освященные горячею вѣрою, орошенные страстными слезами многихъ поколѣній людей, — нѣтъ, вы не умерли, вы бессмертны, вѣчныя символы великихъ тайнъ мірозданія!

Сумракъ, окутавшій залы и дворы храма, внезапно озаряется красноватымъ сіяніемъ, которое расширяется, становится ярче, заливаєтъ темный бархатъ неба, образуя на востокѣ свѣтящійся полукругъ. Алое пламя, разгораясь за

JACOB P.

Луксоръ.

ближайшимъ холмомъ, принимаетъ все болѣе форму раскаленнаго шара, который выкатывается изъ-за группы домовъ, и полная луна торжественно подымается надъ Луксоромъ. Пурпурный оттѣнокъ ея становится оранжевымъ, переходитъ въ желтый, потомъ въ молочный и наконецъ въ свѣтлый, серебристый. Вотъ она, красавица полночи, раскинула блестящія сѣти вдоль замороженнаго ею храма. За массивнымъ пилономъ весь полувоздушный, гранитный обелискъ Рамзеса, точно призракъ, нависъ надъ облакомъ опаловой пыли, и совсѣмъ близко бѣлый силуэтъ мечети кажется волшебнымъ видѣніемъ, поднявшимся изъ таинственной глубины священныхъ струй Нила.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Религія древнихъ египтянь.

I.

Въ чемъ заключались религіозныя вѣрованія древнихъ Египтянь? Вопросъ, на который отвѣтить не легко, такъ какъ эти вѣрованія лишены были всякаго однообразія, и мы не встрѣчаемъ систематичнаго изложенія ихъ ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ священныхъ книгъ временъ фараоновъ. Египтяне вообще не отличались философскимъ складомъ ума: какъ логическій способъ мышленія, такъ и живые, поэтическіе образы были одинаково чужды имъ. Они глубоко прониклись сознаніемъ вѣчнаго, чувствомъ неизмѣннаго; но, отдавшись всецѣло идеѣ абсолютнаго, они, въ то-же время, не сумѣли создать стройной религіозной системы, или облечь свои вѣрованія въ форму волшебнo-очаровательныхъ мифовъ, подобно Эллинамъ. Выработывая свое духовное міросозерцаніе, Египтяне никогда не рѣшались разстаться съ пережитками прошедшаго. Къ старымъ формуламъ пріобщались новыя; противорѣчіемъ однихъ другимъ они нисколько не смущались. Не слѣдуетъ также упускать изъ

Религія древнихъ Египтянъ.

вида, что царство фараоновъ просуществовало свыше 4000 лѣтъ и что за столь продолжительный періодъ времени религія Египтянъ не могла избѣжать измѣненій; она прошла черезъ различныя стадіи развитія; постепенно очищаясь отъ первобытной грубости, она достигла полного расцвѣта въ эпоху Оиванской монархіи; съ ея упадкомъ возвышенное ученіе жрецовъ Амона начало постепенно вырождаться и, въ концѣ концовъ, обратилось при послѣднихъ династіяхъ въ невообразимую смѣсь грубыхъ предразсудковъ, магическихъ формулъ и пышныхъ церемоній, лишенныхъ всякаго внутренняго содержанія.

II.

Съ незапамятныхъ временъ Египтяне обоготворяли силы природы, преимущественно: солнце, дарующее жизнь, и Нилъ, оплодотворяющій землю. Кромѣ того, всякій городъ и даже деревня имѣли мѣстнаго бога-покровителя, въ защиту котораго они твердо вѣрили; этимъ богамъ, съ теченіемъ времени, были приданы извѣстныя свойства, заимствованныя, отчасти, изъ окружающаго животнаго міра; въ такомъ случаѣ богъ изображался въ видѣ соотвѣствующаго животнаго. Число боговъ, неограниченное въ началѣ, стало постепенно сокращаться; появляются божественныя группы, изъ среды которыхъ выдѣляются великіе боги; первое мѣсто принадлежитъ солнечному культу Ра,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

центромъ котораго сталъ Геліополисъ, или «Онъ» по египетски. Жрецы Ра, славившіеся глубокою мудростью, произвели первый опытъ введенія извѣстнаго однообразія въ различные мѣстные культы, упрощенія ихъ, созданія прочной теогоніи и опредѣленія взаимныхъ отношеній между богами, людьми и вселенной. Въ началѣ, поучали они, была бездна водяная, содержащая въ себѣ всѣ прообразы «Ну». Изъ этой бездны собственной волею вышло солнце — «Ра». Ра пожелалъ творить, и слово его давало жизнь. Первыми сотворилъ онъ боговъ «Шу» и жену его «Тафнутъ», т. е. воздушное пространство, отдѣляющее небо отъ земли, и огонь или свѣтъ; они, въ свою очередь, дали жизнь «Кебу» и «Нутъ», или небу и землѣ, отъ которыхъ произошли Озирисъ и Сетъ, — Изида и Нефитисъ, ихъ жены, — прародители рода человѣческаго. Озирисъ и Изида означали доброе начало среди людей, а въ символикѣ природы — Ниль и орошаемую имъ землю; Сетъ и Нефитисъ, находившіеся въ борьбѣ съ ними, являлись олицетвореніемъ каменистой, безплодной пустыни и знаменовали злое начало. Въ духовномъ отношеніи Озирисъ и Изида — символъ человѣчности, а Сетъ — животнаго міра. Совокупность перечисленныхъ боговъ составила первую эннеаду, т. е. группу девяти, отъ которыхъ пошли вселенная, боги, люди, вся природа.

Ра почитался таинственнымъ богомъ, непостижимымъ для ума человѣческаго. Истина была жизнью Ра; онъ родилъ ее, и она служила ему

Религія древнихъ Египтянъ.

тѣломъ. Ра по собственной волѣ могъ облекаться въ любую оболочку. Наиболѣе распространенное изображеніе его—скарабей, въ знакъ того, что онъ самъ производитъ себя, что онъ свой сынъ, т. е. что ему нѣтъ конца, такъ какъ онъ будетъ бесконечно возрождаться изъ собственного естества. Творческое слово—главный атрибутъ его могущества, которымъ онъ, тѣмъ не менѣе, дѣлится съ небесными богами, его-же твореніями.

III.

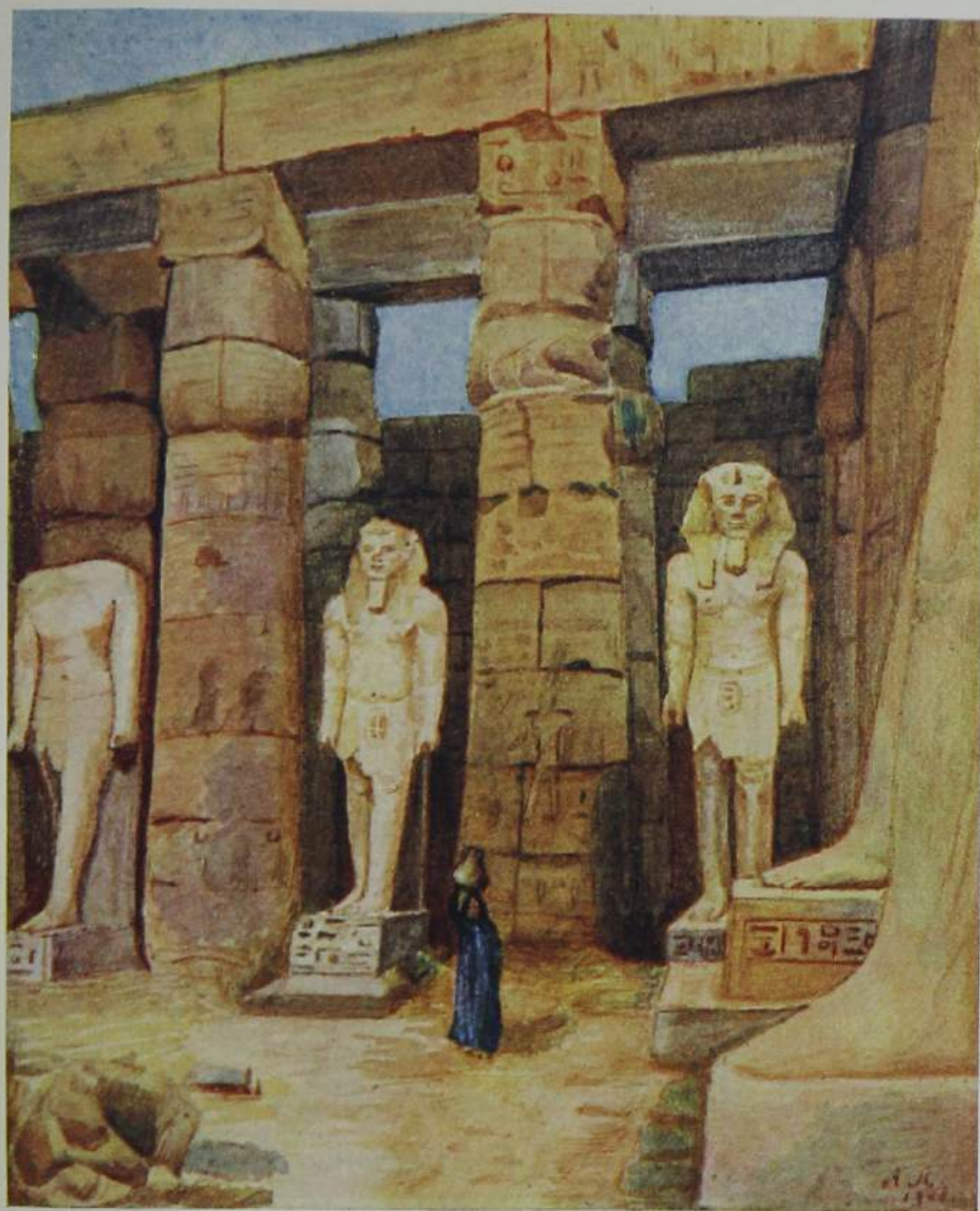
Съ образованіемъ Оиванской монархіи культъ Ра былъ приобщенъ къ культу Амона, который считался тоже богомъ солнца, хотя и подъ инымъ названіемъ. Съ этихъ поръ Ра и Амонъ сливаются въ Амонъ-Ра, единого творца вселенной, изображеніе котораго — солнечный дискъ. Геліополитанская эннеада уступаетъ мѣсто Оиванской тріадѣ: Амонъ-Мутъ-Консу, т. е. отецъ, мать и сынъ. Въ глубинѣ своихъ храмовъ жрецы Амонъ-Ра пошли еще дальше: они вѣрили, что Богъ единъ, что только проявленія его безчисленны, также какъ имена и свойства. «Твой тронъ всюду, гдѣ Ты пожелаешь», говорится въ гимнѣ Амону, «по волѣ Твоей Ты умножаешь имена Твои». Допуская, такимъ образомъ, поклоненіе различнымъ богамъ, жрецы Амона учили, что верховный богъ ихъ носить различныя имена, соотвѣтственно той мѣстности, гдѣ онъ обитаетъ и гдѣ ему воздаются почести.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

«Начало всего сущаго, единый, единственный, творящій всякую плоть. Всѣ люди произошли отъ взора очей Твоихъ, а боги отъ слова устъ Твоихъ. Ты даешь ростъ травѣ, жизнь рыбамъ рѣчнымъ и птицамъ небеснымъ, дыханіе зародышу... Поклоняемся Тебѣ, Творецъ всего, единый, единственный, рукамъ котораго нѣсть числа; Ты почишь и вмѣстѣ съ тѣмъ бодрствуешь надъ людьми, печешься о благѣ животныхъ. О, Амонъ, поддерживающій жизнь въ твореніи! Тумъ и Хармакисъ обожаютъ Тебя, во всѣхъ рѣчахъ своихъ взывая: «Поклоняемся Тебѣ, сущему въ насъ». Всѣ сферы привѣтствуютъ Тебя: въ вышинѣ небесъ, на поверхности земли, въ глубинѣ морей. Боги поверглись во прахъ передъ величіемъ Твоимъ, они прославляютъ душу Творца своего, ликуютъ передъ лицомъ зачавшаго ихъ и поютъ: «Гряди въ мирѣ, отче отцовъ всѣхъ боговъ, утвердившій сводъ небесный надъ землею, начало сущаго, Творецъ всякой плоти, Владыка Всевышній, Глава боговъ, мы обожаемъ духъ Твой»...

Приведенныя строфы одного изъ священныхъ гимновъ даютъ наглядное представленіе о томъ, какимъ именно почитался Амонъ-Ра сынами древняго Египта за полторы тысячи лѣтъ до Р. Хр. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ основаніи ученія еиванскихъ жрецовъ лежалъ догматъ единобожія, хотя онъ не проникъ въ народныя массы, для которыхъ на первомъ планѣ продолжали оставаться мѣстныя божества и оли-

Религія древнихъ Египтянъ.

цетворявшіе ихъ кумиры. Глубокая бездна лежала, благодаря аристократическому характеру Египтянъ, между правящими классами и остальнымъ народомъ, препятствуя всякой религіозной реформѣ на почвѣ высшихъ духовныхъ началъ. Примѣромъ можетъ служить судьба, постигшая смѣлую попытку Аменготепя IV-го утвердить въ долинѣ Нила культъ единого Бога. Хотя фараонъ не вносилъ чего либо новаго въ ученіе, которое втайнѣ исповѣдывалось самими жрецами Амонъ-Ра, и ограничился воспрещеніемъ служить инымъ богамъ, кромѣ Атону,—древнѣйшему символу «солнечнаго диска»,—но египетскій народъ не пожелалъ разстаться со своими богами, и реакція противъ реформы Аменготепя IV приняла со временемъ разрушительный характеръ. Съ возстановленіемъ культа Амона, жрецы его, продолжая втайнѣ поклоняться единому Богу, вынуждены были, изъ вниманія къ заблужденіямъ толпы, воздавать почести также инымъ, издревле чтимымъ богамъ египетскаго пантеона.

IV.

Особое мѣсто въ религіи Египтянъ принадлежитъ миѳу объ Озирисѣ и Изидѣ; возникновеніе его относится еще къ доисторическимъ временамъ, но въ драматическую форму этотъ миѳъ былъ облеченъ жрецами Амона; онъ красною нитью прошелъ сквозь всю исторію земли фараоновъ, и значеніе его никогда не

Въ странѣ Амонъ-Ра.

умалялось, хотя внутренній смыслъ мѣа неоднократно мѣнялся сообразно съ различными эпохами въ духовномъ развитіи египетской аристократіи.

Озирисъ, сынъ Неба и Земли, царствовалъ надъ Египтомъ со своею небесною сестрою, Изидою, ставшею ему женою во плоти; оба они были мудрые и благіе правители; вся земля радовалась ихъ великой, взаимной любви и счастію. Они первые научили людей земледѣлію и письму. Устроивъ свое царство, Озирисъ отправился въ Азію просвѣщать варваровъ, а Изиду оставилъ управлять государствомъ. Между тѣмъ, злой Сетъ, завидуя славѣ брата, задумалъ погубить его. Онъ приказалъ женѣ своей, Нефтисъ, принять образъ Изиды и, по возвращеніи Озириса на родину, заманить его въ свое ложе. Когда хитрость эта удалась, Сетъ умертвилъ брата во время сна, а трупъ разсѣкъ на 14 частей и бросилъ въ священные воды Нила. Узнавъ о смерти любимаго супруга, съ плачемъ и стенаніями выбѣжала Изида изъ дворца и отправилась въ поиски за тѣломъ Озириса. Одинъ за другимъ нашла она всѣ члены его и бережно положила ихъ въ приготовленный изъ дерева гробъ; когда же она коснулась губами устъ погибшаго, глаза его разверзлись, лучъ ихъ проникъ въ утробу богини и она зачала сына—Горуса. Между тѣмъ, Сетъ завладѣлъ Египтомъ, и бѣдствіямъ несчастной страны не было конца. Но маленькій Горусъ росъ, сильный духомъ и тѣломъ, подъ

Религія древнихъ Египтянъ.

присмотромъ матери, въ Абидосѣ; съ годами онъ успѣлъ приобрѣсти многочисленныхъ сторонниковъ, и даже сама Нефтисъ выражала сочувствіе юному племяннику. Когда Горусу минуло 18 лѣтъ, онъ во главѣ сильной арміи выступилъ противъ Сета, побѣдилъ его послѣ тяжелой и упорной борьбы и раненаго захватилъ въ плѣнъ. Къ тому времени Изида собрала въ Оивахъ весь сонмъ боговъ и въ присутствіи ихъ вскрыла гробъ съ бранными останками Озириса. Едва она, вмѣстѣ съ Горусомъ, распростерла руки надъ тѣломъ царя-мученика, какъ свершилось великое чудо: Озирисъ воскресъ изъ мертвыхъ и, преобразившись въ ослѣпительномъ блескѣ, вознесся на небо вмѣстѣ съ Изидою, у которой внезапно выросли крылья, а лазурное сіяніе увѣнчало голову богини. Горусъ, воплощенное божественное слово, остался на землѣ и долго, счастливо правилъ Египтомъ.

Въ началѣ Озирисъ почитался лишь владыкой потусторонняго міра, верховнымъ судьей умершихъ. Съ теченіемъ времени Озирисъ, Изида и Горусъ явились выраженіемъ божественной троицы, замѣнивъ Оиванскихъ Амона, Мутъ и Консу. Озирисъ былъ надѣленъ всѣми атрибутами Амонъ-Ра. Изида стала олицетвореніемъ безсмертной природы, а въ Горусѣ выразилось торжество добраго начала надъ злымъ; побѣдитель Сета, укротитель хищныхъ звѣрей, онъ постепенно слился въ понятіи Египтянъ съ божественнымъ Логосомъ; во времена рим-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

скаго господства культъ Горуса былъ преобладающимъ въ долинѣ Нила, ему приписывалась побѣда надъ дракономъ, а съ введеніемъ христіанства онъ былъ отождествленъ со св. Георгіемъ, который долгое время изображался въ тѣхъ-же точно чертахъ, какъ сынъ Озириса и Изиды.

V.

Нельзя обойти молчаніемъ секретную доктрину, несомнѣнно существовавшую у Египтянъ. О ней намъ мало что извѣстно достовѣрнаго, такъ какъ тайны ея не открывались никому, кромѣ посвященныхъ, которые, подъ угрозою смерти, не смѣли передавать того, чему они были свидѣтелями въ глубинѣ таинственныхъ святилищъ. Все, что мы знаемъ объ этихъ тайнахъ, крайне отрывочно, выражено намеками. Вѣроятно, однако, посвященными познавались великія истины, если такіе выдающіеся умы какъ Солонъ, Пифагоръ, Платонъ и др. совершали нарочно путешествіе въ Египетъ, чтобы ознакомиться съ мудростью тамошнихъ жрецовъ. Св. Климентъ Александрійскій упоминаетъ въ Строматахъ (стр. 166): «Не всякому открывали Египтяне свои тайны и сообщали познанія о предметахъ божественныхъ, а лишь тѣмъ, кому предстояло царствовать, или же лицамъ «духовнымъ, — наиболѣе достойнымъ по происхожденію, воспитанію и мудрости». Весьма существенно также, что тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о секретной доктринѣ,

Религія древнихъ Египтянъ.

происхожденія, сравнительно, поздняго, когда царство фараоновъ быстро клонилось къ упадку и когда многіе изъ познаній древности были давно утрачены, а скрытый смыслъ таинственныхъ писаній, особенно же символики, становился все менѣе понятнымъ большинству священнослужителей.

VI.

Послѣднія книги, слабо отражающія вѣрованія древнихъ Египтянъ, — такъ называемыя книги Гермеса, трижды Величайшаго, — сохранились лишь въ короткихъ отрывкахъ «Пемандръ», — въ греческомъ переводѣ, и діалогъ «Асклепій» — въ латинскомъ.

Содержаніе ихъ поразительно схоже съ древнѣйшими священными гимнами въ честь Амона, или Ра. «Богъ все», говорится въ «Пемандрѣ», «все полно имъ, нѣтъ ничего во вселенной», что не было-бы отъ бога. Всѣ имена «подобаютъ ему, какъ отцу вселенной»; или въ другомъ мѣстѣ: «Все—частица бога, такимъ образомъ богъ есть все; творя, онъ творитъ себя». Замѣнивъ слово богъ, словомъ Амонъ, мы получимъ одинъ изъ гимновъ временъ Рамзеса II-го. Хотя въ книгахъ Гермеса легко обнаружить вліяніе іудейства и христіанства, тѣмъ не менѣе суть ихъ остается глубоко египетскою; онѣ, повидимому, редактированы лицомъ, посвященнымъ въ тайны жрецовъ Изиды, среди которыхъ до царствованія Θεодосія Великаго

Въ странѣ Амонъ-Ра.

упорно держалась «старая вѣра». Въ діалогѣ «Асклепій» одинъ изъ послѣднихъ адептовъ религіи, просуществовавшей слишкомъ 4000 лѣтъ, въ такихъ словахъ пророчить о будущемъ: «Наступятъ времена, когда покажется, будто «Египетъ напрасно служилъ богамъ съ такимъ «благочестіемъ, будто преклоненіе передъ ними «осталось безплоднымъ. Божество покинетъ «землю и вернется на небо, оставивъ ее вдово-«вицею вѣры, лишенною присутствія боговъ. «Чужеземцы наводнятъ Египетъ и не только «старинные обряды останутся въ пренебреженіи, «но, что еще тяжелѣе, вѣра, благочестіе, бого-«почитаніе будутъ преслѣдоваться и караться «закономъ. Тогда земля эта, освященная столь-«кими храмами, покроется могилами и мертве-«цами. О, Египетъ, Египетъ, отъ вѣрованій «твоихъ ничего не останется, кромѣ смутныхъ «преданій, которымъ потомство перестанетъ «вѣрить, слова вырѣзанныя на камнѣ, свидѣтели «твоего благочестія! Въ Египтѣ поселятся скиѣы, «индусы, или иные варвары, божество вернется «на небо; человѣчество, покинутое на произволъ «судьбы, погибнетъ, и Египетъ обратится въ «пустыню, оставленную богами и людьми. Къ «тебѣ обращаюсь я, священная рѣка, тебѣ пре-«дрекаю грядущее: потоки крови осквернятъ «твои божественныя воды и зальютъ берега; «число мертвыхъ превыситъ число живыхъ, а «уцѣлѣвшіе лишь по языку будутъ считаться «египтянами, но по нравамъ своимъ обратятся въ «чужеземцевъ. Ты плачешь, Асклепій? Настанутъ

Религія древнихъ Египтянъ.

«еще худшія времена. Самъ Египетъ впадетъ
«въ отступничество, эту тягчайшую изъ бѣдъ;
«святая земля, любимая богами за ея набож-
«ность, станетъ вертепомъ разврата; эта школа
«благочестія будетъ служить примѣромъ жесто-
«кости. Тогда люди, полные отвращенія, пере-
«станутъ питать благоговѣніе къ чему либо на
«землѣ или на небѣ».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Өиванскій некрополь.

І.

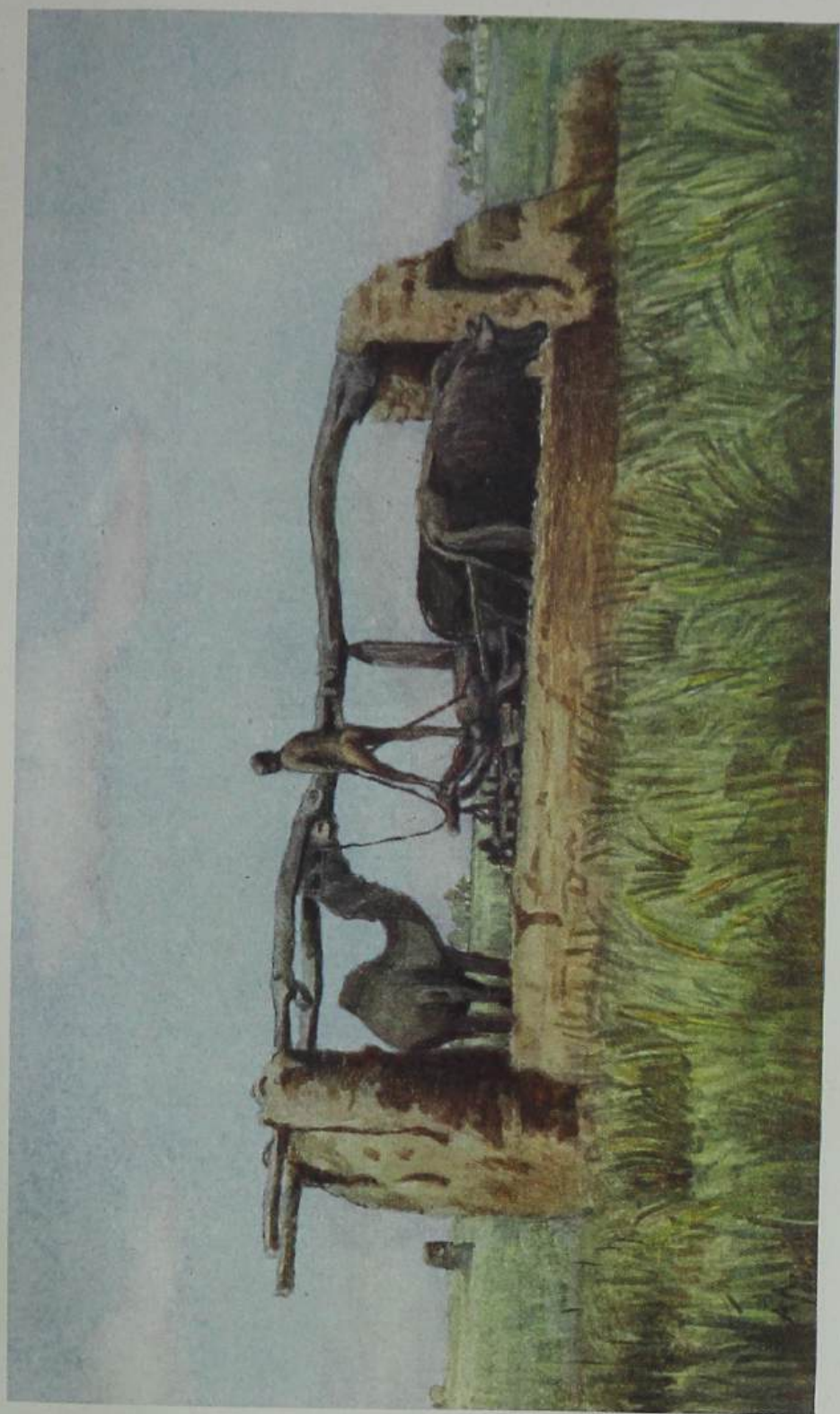
Вдоль лѣваго берега Нила, противъ Луксора, тянется широкая песчаная отмель, заливаемая въ половодье рѣкою; она граничитъ съ каналомъ Фадиміе, за которымъ начинается плодородная Өиванская равнина, блестящая на солнцѣ изумрудными полями ячменя и богатыми посадками сахарнаго тростника. Какою свѣжестью вѣетъ отъ этой растительности въ удушливый египетскій день! Точно прохладная струя ароматнаго воздуха врывается въ раскаленную печь. Мелкой рысцой бѣгутъ наши ослики; рядомъ съ ними — темнокожіе погонщики. Среди полей сооружены многочисленныя сакіе, подымающія изъ колодцевъ необходимую для орошенія воду; сѣтъ узкихъ каналовъ проводитъ живительную влагу по всѣмъ направленіямъ. Какъ живописны эти примитивныя сакіе! — Огромное деревянное колесо съ зубцами приводится въ движеніе парюю воловъ; на колесѣ стоитъ, точно бронзовая статуэтка, совершенно нагой мальчикъ-феллахъ и палкою погоняетъ животныхъ.

СВЯТЫЙ БЫ СЛАВНОГО РАБИННА

ПЛАНА ПУТА

ЛЮБОМІРІЙ ВІСНОВИ

САКІЕ ВЪ ОИВАНСКОЙ РАВНИНѢ.

Оиванскій некрополь.

На западъ потянулись Ливійскія горы: высокій съ юга хребетъ постепенно понижается, приближаясь къ сѣверу, и, наконецъ, вовсе исчезаетъ на горизонтѣ. Ярко-желтыя, съ бурыми тѣнями отъ нависшихъ утесовъ, онѣ хранятъ въ нѣдрахъ своихъ многія поколѣнія отошедшихъ въ вѣчность сыновъ древняго Египта, начиная съ фараоновъ и кончая городскими жителями стовратыхъ Оивъ. Полоса плодородной земли кончается у подножія ихъ, и, съ началомъ подъема, предъ взоромъ открывается грустная картина безконечнаго кладбища; среди хаоса камней и дикой пустыни — разрытыя могилы, остовы гигантскихъ храмовъ, обломки колоннъ и колоссальныхъ статуй, живописныя руины самыхъ причудливыхъ формъ, — жалкіе остатки отъ пышной столицы! Всѣ фараоны еще при жизни сооружали себѣ надгробные храмы, гдѣ послѣ смерти воздавались божескія почести земнымъ сынамъ Амонъ-Ра. Тогда какъ усыпальницы скрывались въ горныхъ ущельяхъ и не были доступны простымъ смертнымъ, непрерывная цѣпь надгробныхъ храмовъ тянулась параллельно некрополю, начиная съ Мединет-Хабу, — на югѣ, и кончая Ел-Курна, — на сѣверѣ; вокругъ нихъ выросли цѣлыя пригороды, населенные священнослужителями, съ библіотеками и школами; пышные сады съ искусственными озерами давали имъ тѣнь и прохладу; многочисленныя постройки, гдѣ помѣщалась стража и жили различные мастеровые, отдѣляли городъ мертвыхъ отъ города живыхъ;

Въ странѣ Амонъ-Ра.

особенно многочисленны были цехи специалистовъ по бальзамированію труповъ, благодаря искусству которыхъ въ Египтѣ сохранились милліоны мумій, дающія наглядное представленіе о томъ, какими были его обитатели нѣсколько тысячелѣтій назадъ.

Изъ всѣхъ храмовъ заслуживаетъ наибольшаго вниманія Мединет-Хабу, воздвигнутый Рамзесомъ III, рядомъ съ его дворцомъ, отъ котораго уцѣлѣли: такъ называемый павильонъ въ два этажа, съ небольшимъ дворомъ между двумя гранитными воротами, и помѣщеніе для дворцовой стражи. Остальная часть дворца была сложена изъ необожженаго кирпича, и на мѣстѣ ея остались однѣ груды мусора. Главный пилонъ храма помѣщается въ сѣверной части широкаго двора, устланнаго каменными плитами; затѣмъ идетъ первый залъ, окруженный съ двухъ сторонъ крытыми портиками, изъ которыхъ правый опирается на 7 столбовъ; во всю вышину ихъ стоятъ колоссы фараона въ формѣ Озириса, устремивъ неподвижный, каменный взоръ на возвышающіяся напротивъ 8 папирусообразныхъ колоннъ, составлявшихъ когда-то фасадъ царскаго дворца. Всѣ стѣны храма какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, его колонны, многочисленные комнаты и пилоны испещрены рельефными изображеніями и іероглифами. Въ Мединет-Хабу поражаетъ какъ глубоко высѣченъ рисунокъ въ каменныхъ глыбахъ, благодаря чему получается внутри храма невиданная въ Египтѣ картина: черныя тѣни отъ впа-

Θиванскій некрополь.

динъ рельефа, ложась на гранить, отчетливо обрисовываютъ всѣ контуры, и храмъ кажется покрытымъ свѣжими фресками.

Какъ красивы эти приземистыя колонны съ капителями, на подобіе цвѣтовъ лотоса! Іероглифы, отчасти, скрываютъ ихъ неуклюжую форму и точно покрываютъ ажурною пеленою! За колоннами слѣдуетъ новый залъ, окруженный съ четырехъ сторонъ портиками и заканчивающійся террасою. Здѣсь на стѣнахъ изображены, рѣдко встрѣчающіяся въ египетскихъ храмахъ, сцены старинныхъ празднествъ въ честь боговъ, — съ одной стороны бога жатвы — Мина, съ другой — богини Птахъ-Секеръ.

II.

Нѣсколько далѣе стоялъ надгробный храмъ Аменготепы III, отъ котораго уцѣлѣли два колосса, извѣстные подъ именемъ «статуй Мемнона». Одиноко возвышаются они среди полей ячменя, и со всѣхъ концовъ необъятной равнины видны ихъ искалѣченныя фигуры. Первые лучи великаго Амонъ-Ра золотятъ ихъ каменное чело, когда окрестныя пажити и пески еще окутаны ночнымъ сумракомъ, а проѣзжіе феллахъ дремлетъ, прислонившись къ ихъ подножію; и послѣдній привѣтъ свой посылаетъ безсмертный богъ, опускаясь за зубчатые вершины Ливійскаго хребта, все тѣмъ-же, какъ онъ, безсмертнымъ исполинамъ, пурпуромъ и янтаремъ облекаетъ ихъ разбитые вѣнцы, и

Въ странѣ Амонъ-Ра.

долго холодный песчаникъ хранить горячіе слѣды поцѣлуя владыки вселенной.

Оба гиганта, высѣченные каждый изъ одной каменной глыбы, изображаютъ фараона Аменготепы III, и мать его, царицу Метемуйе, сидящихъ на тронѣ верхняго и нижняго Египта; они стояли когда-то на стражѣ у преддверія роскошнаго храма рядомъ съ двумя обелисками; длинная аллея каменныхъ шакаловъ вела отъ храма къ берегу Нила. Многочисленные статуи огромныхъ размѣровъ украшали дворы и колоннады святилища; стѣны и потолокъ его были украшены золотыми и серебряными рельефами; массивная каменная плита, выложенная золотомъ и усыпанная драгоценными камнями, обозначала «царское мѣсто», куда становился фараонъ во время торжественнаго богослуженія, исполняя обязанности верховнаго жреца; на другой, подобной-же, плитѣ, были перечислены труды Аменготепы во славу Амонъ-Ра. Обломокъ одной изъ нихъ по сей день лежитъ среди груды камней, и на немъ можно разобрать: «Мое величіе создало этотъ храмъ на миллионы лѣтъ. Я знаю, что онъ простоятъ на землѣ» Увы, этимъ гордымъ словамъ не суждено было осуществиться!

Во время землетрясенія, въ 27 году по Р. Хр., одна изъ статуй раскололась на двое; верхняя часть ея упала и разбилась, только нижняя удержалась на мѣстѣ. Но вотъ — по всей странѣ разнеслась необыкновенная вѣсть; отъ одного къ другому, изъ города въ городъ, отъ святи-

КОЛОСЫ МЕНЮА.

Θиванскій некрополь.

лица къ святилищу промчалась она съ быстрою молніи, повергая въ священный трепеть глубоко преданное своимъ богамъ населеніе долины Нила. Всякое утро, гласила эта вѣсть, при восходѣ солнца, разбитый колоссъ издаетъ печальные звуки, будто рыдаетъ внезапно порвавшаяся струна треснувшей арфы. Толпы любопытныхъ со всѣхъ сторонъ земли начали стекаться въ стовраты Θивы — подивиться небывалому чуду; особенно многочисленны были греки, которые къ этому времени поселились на плодородной дельтѣ нижняго Египта, и ими была создана легенда по поводу разбитой статуи Аменготепа. Статую эту они обратили въ Мемнона Эфіоплянина, сына Тиѳона и Авроры, который послѣ смерти Гектора поспѣшилъ на выручку Пріама и палъ отъ руки Ахиллеса.

«Всякое утро,—говорили эллины.—Мемнонъ «привѣтствуетъ мелодичнымъ пѣніемъ нѣжно «любимую мать — утреннюю зарю. Богиня, «услыша грустный призывъ безвременно погибшаго сына, проливаетъ горькія слезы, и слезы «эти падаютъ предразсвѣтной росой на разбитое «тѣло юнаго героя».

Около середины второго вѣка императоръ Адріанъ съ императрицею Сабиною предприняли путешествіе по верхнему Египту, чтобы услышать чудесное пѣніе; съ этого-же времени множество греческихъ и латинскихъ надписей покрываютъ пьедесталъ и ноги колосса.

Слава Мемнона росла съ каждымъ годомъ, и почитатели его добивались, чтобы статуя бога

Въ странѣ Амонъ-Ра.

была возстановлена. Императоръ Септимій Северъ удовлетворилъ, наконецъ, народному желанію; по его приказанію, туловище колосса было поднято съ земли и поставлено на прежнее мѣсто, но, съ этой минуты, вопреки ожиданію, Мемнонъ замолкъ навсегда.

III.

За храмомъ Аменготепа III тянулась, по направленію къ сѣверу, непрерывная цѣпь надгробныхъ храмовъ фараоновъ XVIII, XIX и XX династій. Отъ большинства изъ нихъ не осталось камня на камнѣ и, кромѣ разбросанныхъ по полямъ обломковъ колоннъ и статуй, каменныхъ глыбъ отъ пилоновъ и стѣнъ, ничто не свидѣтельствуетъ о быломъ величіи этихъ сооружений, служившихъ какъ-бы цвѣтною завѣсою Ѳиванскому некрополю и приводившихъ въ изумленіе греческихъ путешественниковъ своимъ архитектурнымъ совершенствомъ и роскошью украшеній. Невольною грустью сжимается сердце при мысли о томъ, сколько безцѣнныхъ художественныхъ сокровищъ навѣки утеряно для человѣчества; но въ то-же время нельзя не удивляться, какимъ образомъ могло еще уцѣлѣть въ долинѣ Нила столько безсмертныхъ шедевровъ, нѣмыхъ свидѣтелей давно угасшей цивилизації, если вспомнить, съ какимъ усердіемъ люди занимались ихъ истребленіемъ? Хотя землетрясенія также сокрушили не мало гробницъ и храмовъ, воздвигнутыхъ,

Оиванскій некрополь.

чтобы простоять тысячелѣтїя, но что все это въ сравненїи съ неистовствами какого-нибудь Камбиза, который ради одного развлеченїя уродовалъ попадавшіеся ему на пути памятники искусства? Да и первые христїане не мало потрудились на этомъ поприщѣ, стирая іероглифическіе рельефы, какъ печать сатаны, отсѣкая головы у статуй, замазывая стѣнные фрески и покрывая ихъ грубо писаными иконами. Въ концѣ концовъ явились мусульмане съ ихъ фанатическою ненавистью ко всякому внѣшнему изображенію божества и до основанїя разрушили артистическія произведенїя сотенъ людскихъ поколѣній.

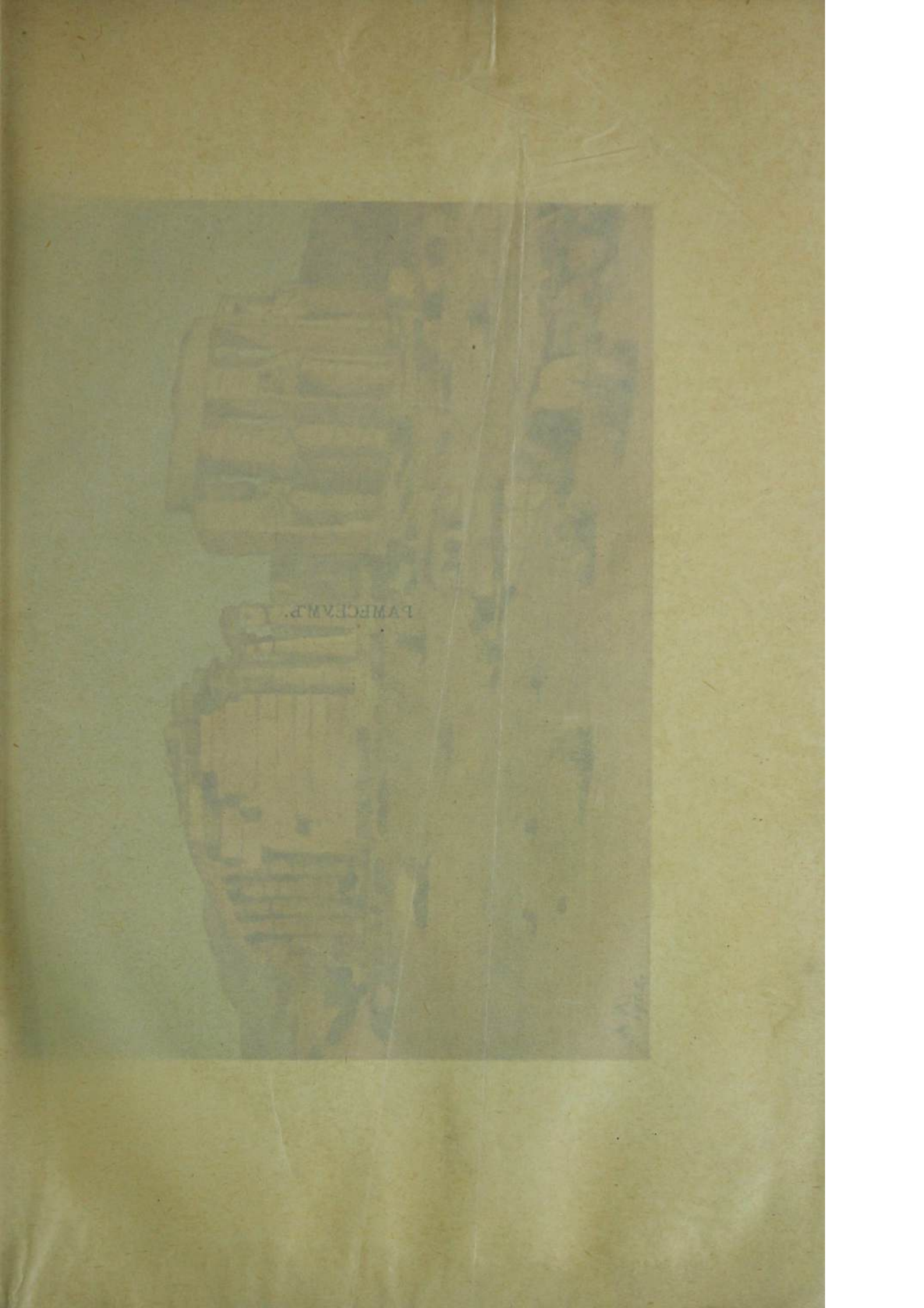
Съ такими-то думами въ жаркое апрѣльское утро подѣзжалъ я верхомъ къ надгробному храму Рамзеса II, извѣстному подъ именемъ «Рамесеума»; развалины его заслонены группою африканскихъ акацій и финиковыхъ пальмъ. Но вотъ зелень раздвинулась, и я очутился передъ самымъ пилономъ. Да полно, пилонъ-ли эта каменная лавина, застывшая въ своемъ стремленїи внизъ съ высотъ исполинской руины? Громоздящїяся одна надъ другой, отесанныя или просто выломанныя глыбы песчаника образовали искусственный холмъ, который господствуетъ надъ окрестными нивами.

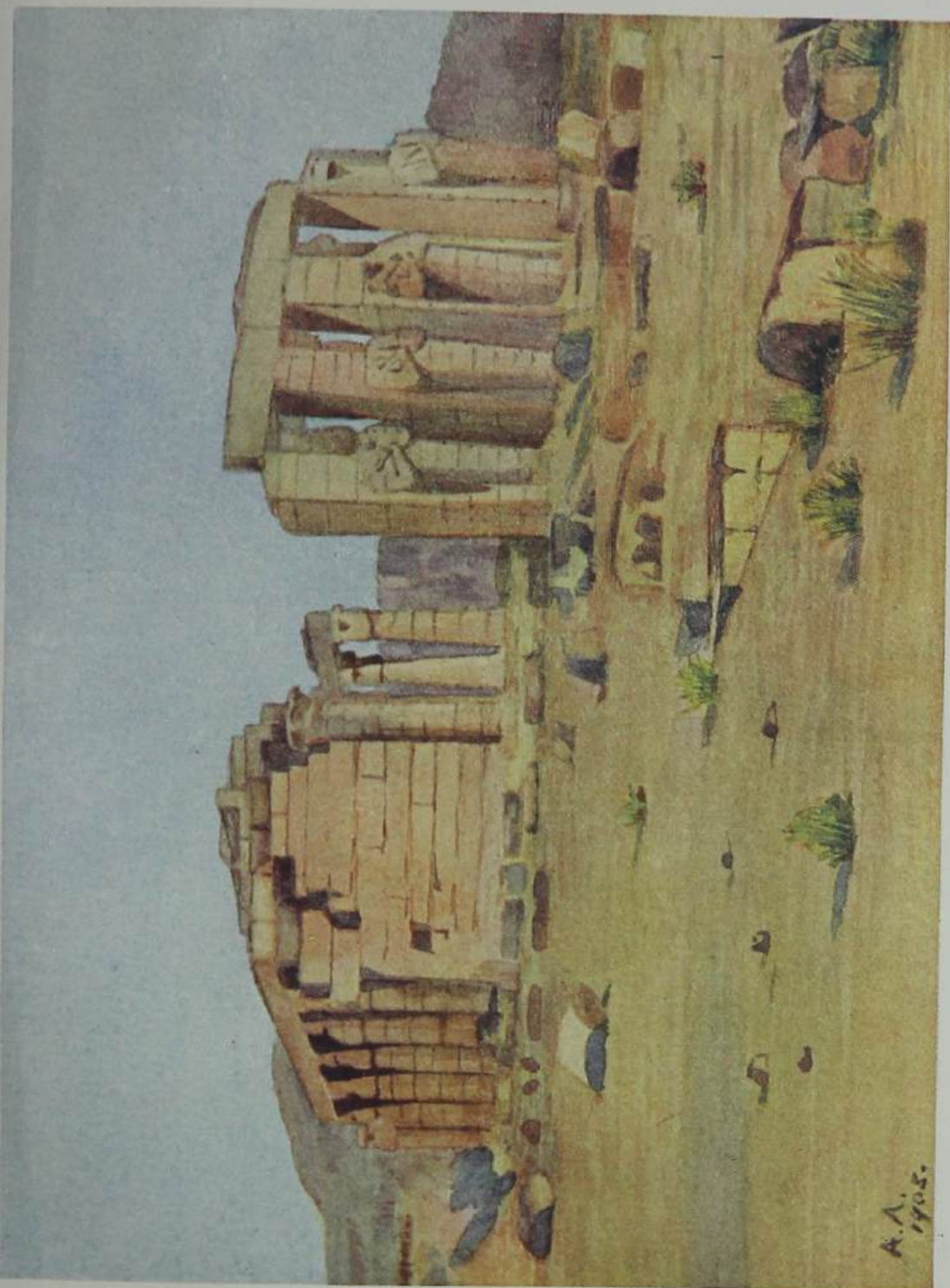
Внутренняя часть пилона, впрочемъ, сохранилась довольно хорошо, и со всѣхъ сторонъ покрыта художественно исполненными рельефами. Сцены изъ войны съ Гиттитами слѣдуютъ одна за другой, полныя величїя и прелести:

Въ странѣ Амонъ-Ра.

разбитый на голову врагъ стремится къ берегамъ Оронта; фараонъ по пятамъ преслѣдуетъ его, поражая бѣгущихъ; среди убитыхъ знатные царедворцы; братъ царя Великой Кеты, Мизраимъ, успѣлъ переправиться вплавъ черезъ рѣку, но князь Алепскій едва не утонулъ; его вытащили на берегъ полумертваго и держать головой внизъ, чтобы дать возможность вылиться водѣ, которою князь захлебнулся. Хотя манера изображенія въ этой серіи картинъ условная, тѣмъ не менѣе она обнаруживаетъ въ артистѣ большую долю наблюдательности и стремленіе, какъ можно ближе подойти къ дѣйствительности. Стоитъ только взглянуть на гиттитскіе батальоны, выстроившіеся на берегу, готовые поддержать бѣглецовъ, или на движеніе Рамзеса, управляющаго боевою колесницею! Какая, почти сверхъестественная фигура! Понятнымъ становится, что стоило фараону появиться, и врагъ бѣжалъ передъ его величіемъ

За пилономъ слѣдуетъ широкій дворъ, совершенно разрушенный, кромѣ одной части западной стѣны, передъ которою поверженъ на землю величайшій изъ колоссовъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ; это — гигантская статуя Рамзеса II, отъ которой уцѣлѣли: грудь, часть руки и ноги; отъ головы осталось нетронутымъ одно ухо, длиною въ 1,05 метра; по нему можно судить о размѣрахъ колосса, имѣвшаго не менѣе 17 1/2 метровъ въ вышину. Черезъ пробоину въ стѣнѣ мы входимъ во 2-ой дворъ, нѣсколько лучше сохранившійся; о колон-

Оиванскій некрополь.

нахъ его съ каріатидами упоминается у Діодора. Въ настоящемъ его видѣ онъ, однако, не даетъ надлежащаго понятія о томъ, чѣмъ былъ когда-то. Рядъ муміеобразныхъ озирисовъ съ отсѣченными, въ большинствѣ случаевъ, головами возвышается вдоль западной стѣны, на которой еще сохранилась часть рельефовъ съ изображеніемъ побѣды фараона надъ Гиттитами.

IV.

За этими храмами, глубоко въ горахъ, между Рамесеумомъ и Курна, высѣченъ гигантскій мавзолей, пріобрѣтшій всемірную извѣстность подъ именемъ Деиръ-Эль-Бахари.

Миновавъ узкое, мрачное ущелье, вы видите поразительное зрѣлище: горы на подобіе цирка окружаютъ каменистую котловину; отвѣсныя скалы ярко оранжеваго цвѣта, точно сталактиты, нависли надъ нею; щетинистый кряжъ рельефно обрисовываетъ свою изогнутую линію на темно-синемъ сапфирѣ неба; вдоль склона его выются тропинки, исчезая за вершиною, и спускаются по ту сторону въ унылую, безплодную долину съ усыпальницами фараоновъ.

Какъ разъ напротивъ насъ, у подножія великановъ, раскинулось полное граціи и таинственнаго величія трехъэтажное зданіе съ колоннадами, террасами, портиками и пилонами; это — Деиръ-Эль-Бахари, храмъ, сооруженный за 1500 лѣтъ до Р. Хр. царицею Хатшепсуетъ, перешедшей въ исторію подъ сокращеннымъ

Въ странѣ Амонъ-Ра.

именемъ Хатасу, дочерью Тутмеса I-го и жены его царской крови Ахмесь. Со смертью родныхъ братьевъ Хатасу была объявлена соправительницею фараона, такъ какъ сыновья его отъ другихъ браковъ, не равныхъ по рожденію, не имѣли правъ на Египетскій престолъ; въ то же время царица была обвинена со своднымъ братомъ Тутмесомъ II.

Еще при жизни престарѣлаго монарха въ царской семьѣ произошли раздоры, имѣвшіе послѣдствіемъ возстаніе младшаго сына его отъ простой наложницы, также Тутмеса по имени.

Посвященный съ молодыхъ лѣтъ въ санъ великаго пророка при храмѣ Амона въ Карнакѣ честолюбивый юноша сумѣлъ склонить на свою сторону могущественное сословіе жрецовъ, которые обѣщали ему поддержку ихъ бога для достиженія царской власти. И вотъ, въ одинъ изъ великихъ праздниковъ, когда священная ладья Амона совершала, при пѣніи гимновъ и звукахъ литавровъ, торжественное шествіе вокругъ святилища, слышался голосъ съ небесъ, повелѣвавшій процессіи остановиться передъ колѣнопреклоненнымъ царственнымъ пророкомъ и объявившій его фараономъ. Захвативъ верховную власть, Тутмесъ III вступилъ въ упорную борьбу съ приверженцами Хатасу; побѣжденный ими, онъ принужденъ былъ, въ концѣ концовъ, уступить престолъ царицѣ и ея мужу Тутмесу II-му. Недолго, однако, процарствовалъ новый фараонъ, — не болѣе 3 лѣтъ, и преждевременно сошелъ въ могилу, не оста-

Оиванскій некрополь.

вивъ мужскаго потомства. Тогда умная и властолюбивая Хатасу взяла въ свои руки бразды правленія; ей предстояло, прежде всего, обезпечить себя отъ возможныхъ происковъ со стороны молодого Тутмеса; и, вотъ, царица рѣшается выйти замужъ за своего заклятаго врага, сдѣлавъ его соправителемъ; тѣмъ не менѣе, въ теченіе 20-ти лѣтняго царствованія, она не перестаетъ систематически отстранять фараона отъ управленія государствомъ, возлагая на него исполненіе чисто внѣшнихъ обязанностей, связанныхъ съ величіемъ царскаго сана*).

Хатасу правила Египтомъ со славою, мудро и энергично; внѣшніе враги не дерзали нарушать безмятежное спокойствіе могучей имперіи; благосостояніе народа росло съ развитіемъ торговли и промышленности. Золото стекалось въ царскую казну въ изобиліи, благодаря дани подвластныхъ племенъ. Царица воздвигала храмы, реставрировала пришедшіе въ упадокъ и щедро одаряла святилище Амона въ Карнакѣ. Два гигантскихъ обелиска, изъ которыхъ одинъ и по сю пору красуется среди развалинъ двора Тутмеса I-го въ Карнакскомъ храмѣ, передаютъ отдаленному потомству память о юбилеѣ Хатасу. Продолжительное царствованіе ея служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, впервые записаннымъ на страницахъ исторіи, что геніальная женщина, будучи главою государства, можетъ доставить славу великому народу и обезпечить его процвѣтаніе.

*) Составлено по Breasted «History of Egypt» New York. 1905.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

По вступленіи на престолъ Тутмесъ III жестоко выместилъ на памяти усопшей царицы невольное подчиненіе ей, которое онъ съ такимъ негодованіемъ и обидою вынужденъ былъ терпѣть въ теченіе долгихъ лѣтъ. Фараонъ повелѣлъ разбить повсюду изображенія и стереть надписи своей великой жены. Вотивныя плиты на пьедесталахъ обелисковъ были задѣланы штукатуркою; даже въ храмахъ далекой Нубіи были уничтожены барельефы, напоминавшіе о ненавистной новому владыкѣ царицѣ и ея сподвижникахъ; гробницы ихъ были осквернены, а Деиръ-Эль-Бахари обратился въ мавзолей Тутмеса III-го.

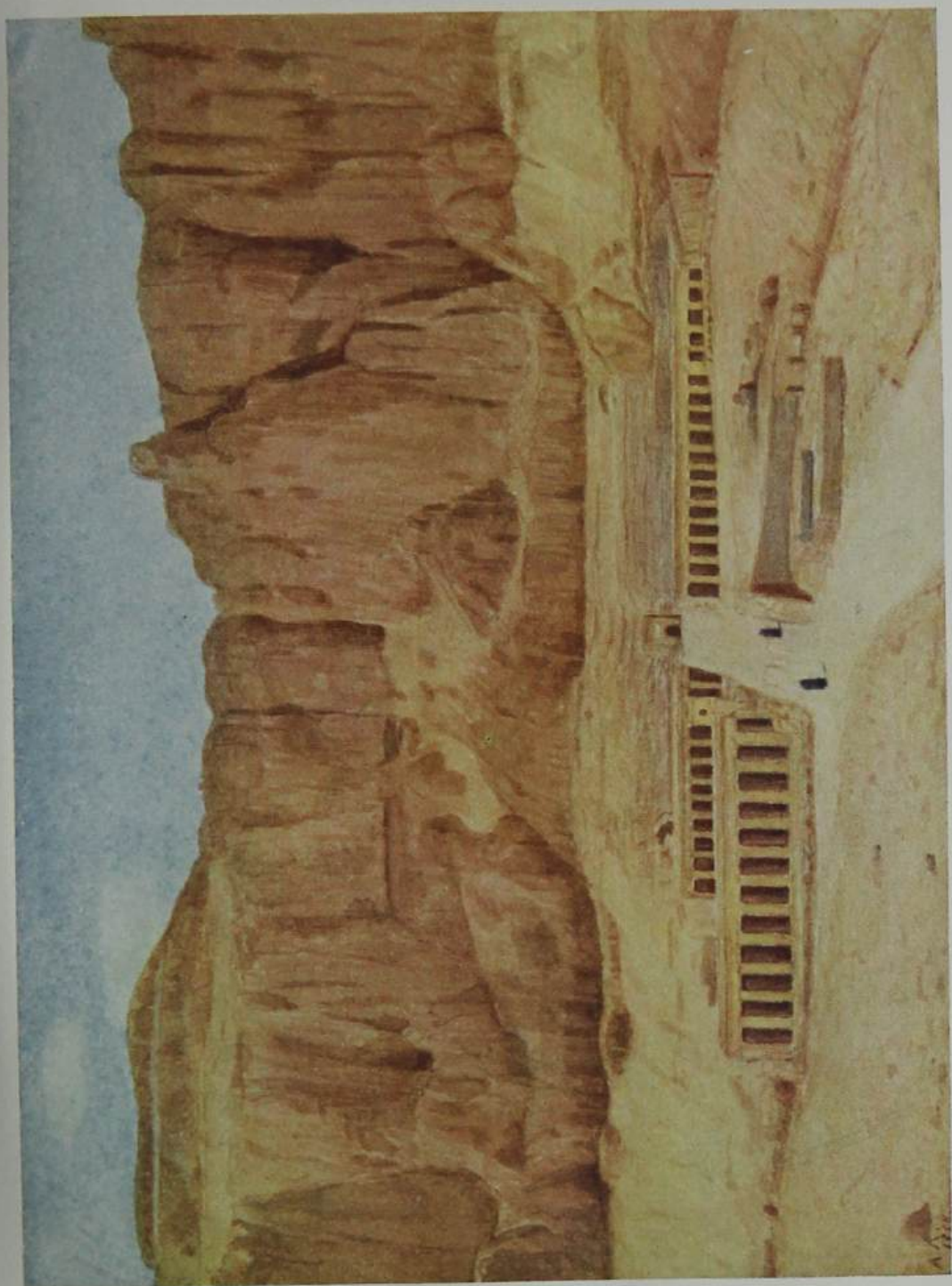
v.

Въ былое время длинная аллея сфинксовъ вела къ монументальному пилону, черезъ который проникали во внутрь храма; все это давно исчезло, и даже нижняя терраса представляетъ изъ себя полуруины. Портикъ ея былъ возобновленъ два года тому назадъ; отъ надписей и рельефовъ почти ничего не сохранилось; они, повидимому, были посвящены описанію юбилея царицы и сооруженія ею обелисковъ въ храмѣ Амона.

Средняя терраса пострадала значительно меньше, сохранивъ свою первоначальную красоту; она дѣлится дорогою «en pente douce» на двѣ равныя части, съ портиками и часовнями по обѣ стороны. Стѣны и колонны какъ тѣхъ, такъ и другихъ покрыты рядомъ цвѣтныхъ

STAMP DATED BY JERRY-ONE-DAVAP

ХРАМЪ ЦАРИЦЫ ХАТАСУ ВЪ ДЕИРЪ-ЭЛЬ-БАХАРИ.

Оиванскій некрополь.

рельефовъ. Сѣверный портикъ посвященъ рождению царицы Хатасу. На одномъ изъ рельефовъ Амонъ-Ра, подъ видомъ фараона-супруга, вляется ночью въ опочивальню царицы. Послѣдствіемъ чудеснаго посѣщенія было рожденіе у царицы дочери, которой суждено было стать величайшею изъ владыкъ древняго Египта, Вмѣшательство бога въ семейныя дѣла Тутмеса I-го потребовалось по той причинѣ, что въ жилахъ его текла лишь на половину «солнечная кровь»,—мать его была простою наложницею; между тѣмъ, жена его, Ахмесь, происходила отъ брака между братомъ и сестрою,—фараономъ Аменготепомъ и царицею Ахотпу II. Надлежало возстановить чистоту крови въ царскомъ семействѣ; тогда-то на помощь своему земному сыну явился Амонъ-Ра.

Дальнѣйшіе рельефы изображаютъ царицу Ахмесь передъ родами; богиня-покровительница роженицамъ бережно подводитъ ее къ ложу страданій. Въ чертахъ царицы выраженіе муки; гибкая фигура ея какъ бы падаетъ отъ усталости. Удивительно художественный реализмъ обнаруживаетъ руку опытнаго мастера. Потомъ идутъ картины: Хатасу, встрѣчаемая при появленіи на свѣтъ добрыми геніями; въ воспитаніи ея принимаютъ ближайшее участіе небожители, награждая царственного ребенка всѣми качествами мужчины; она — наслѣдница престола; Тутмесь I представляетъ дочь избраннымъ отъ всего Египта людямъ, перечисляетъ ея высокія качества и возлагаетъ на голову

Въ странѣ Амонъ-Ра.

царевны двойной вѣнецъ Нижняго и Верхняго Египта. Отнынѣ она—фараонъ тщательно скрываетъ свой полъ. Во время церемоній она облекается въ мужской нарядъ и даже прикрѣпляетъ искусственную бороду.

Рядомъ съ «портикомъ рожденія» находится часовня Анубиса съ рельефными изображеніями религіознаго характера, отлично сохранившими свои цвѣта.

Стѣнные рельефы южнаго портика представляютъ огромный историческій интересъ. Это—рядъ сценъ, иллюстрирующихъ морское плаваніе египетскихъ судовъ въ страну благовоній. «Однажды въ святая святыхъ храма Амонъ-Ра въ Карнакѣ раздался голосъ бога, приказывавшаго изслѣдовать пути, ведущіе въ Пуанить и предпринять экспедицію къ берегамъ, гдѣ добывается ладанъ». Особенно цѣнился въ Египтѣ, какъ пріятный богамъ, запахъ благовоннаго дерева, растущаго и по сіе время исключительно въ землѣ Сомалиевъ; «никто изъ со-временныхъ Египтянъ не бывалъ у этихъ береговъ, и если слава о нихъ еще жила въ народѣ, то по рассказамъ дѣдовъ и прадѣдовъ». Согласно точному описанію Амономъ пути въ эту волшебную страну, царица отправила туда «пять прочно построенныхъ кораблей, снабдивъ ихъ надежнымъ экипажемъ и нагрузивъ различными предметами для мѣновой торговли съ дикарями Пуанита».

Рельефы даютъ наглядное описаніе устья Слоновой рѣки, куда пристали Египтяне послѣ

Θиванскій некрополь.

2¹/₂ лѣтъ плаванія, внѣшняго вида мѣстныхъ негровъ, ихъ костюма, домашней обстановки и т. д. Мореплаватели высадились на берегъ вблизи построенной на сваяхъ деревни и разложили привезенные ими товары. Въ палатку къ нимъ явился мѣстный князекъ и, получивъ подарки, разрѣшилъ начать торговлю. Товары раскупались на расхватъ, а сдѣлки сопровождались пирами; уплата за каждую покупку происходила натурою въ моментъ полученія туземцами закупленныхъ предметовъ. Когда запасы истощились, посланцы царицы Хатасу собрались въ обратный путь. Они нагрузили суда самыми разнообразными продуктами Пуанита; тутъ находились, кромѣ 31 дерева ладана съ корнями и землею для посадки въ садахъ Амона, слоновая кость, черное дерево, золото, мирра, обезьяны, шкуры леопардовъ, быки, гончія собаки, пантеры и, наконецъ, рабы. Царица назначила особое торжество по случаю благополучнаго исхода морской экспедиціи; на встрѣчу морякамъ выступила городская милиція Θивъ, царская флотилія сопровождала ихъ до пристани въ Карнакѣ. Деревья были посажены на террасахъ храма Амонъ-Ра въ Деиръ-Эль-Бахари, гдѣ и теперь можно указать мѣста нахожденія драгоцѣнныхъ растений. Амонъ получилъ въ даръ большую часть сокровищъ, «и небесный Θиміамъ, не оскверненный прикосновеніемъ нечистыхъ рукъ, клубами поднялся къ подножію его трона».

Рядомъ съ южнымъ портикомъ сооружена часовня въ честь богини Хаторъ, владѣлицы

Въ странѣ Амонъ-Ра.

неба, источника радости и любви. Оба портика разрушены, но во внутренней части святилища, высѣченной въ скалѣ, сохранились барельефы тончайшей работы съ изображеніемъ царицы Хатасу, которая приносить жертву священной коровѣ Хаторъ или, стоя на колѣняхъ, пьетъ прямо изъ вымени ея молоко, дарующее жизнь вѣчную.

Третья, верхняя, терраса окружена невысокою стѣною, покрытою съ внутренней стороны рядомъ цвѣтныхъ рельефовъ; къ ней ведетъ монументальная дверь розоваго гранита, родъ пилона, черезъ который вступали въ ипостильный залъ занимавшій когда-то мѣсто по срединѣ террасы; въ глубинѣ ея высѣченъ, внутри отвѣсной скалы, обширный склепъ съ куполообразнымъ потолкомъ. Здѣсь кончается земной міръ и начинается міръ небесный, гдѣ все гласитъ о безсмертіи. По стѣнамъ—изображенія боговъ загробнаго царства, къ сожалѣнію, сильно пострадавшія отъ продолжительнаго хозяйничанія коптскихъ монаховъ, устроившихъ въ склепѣ христіанскую церковь; его стѣнные украшенія, впрочемъ, далеко не равнаго достоинства. Часть изъ нихъ, исполненная при Птоломѣѣ Еввергетѣ II-мъ, стоитъ въ художественномъ отношеніи несравненно ниже рельефовъ эпохи XVIII династіи.

Съ обѣихъ сторонъ террасы расположено по придѣлу; въ одномъ изъ нихъ совершались жертвоприношенія Амонъ-Ра, и здѣсь еще возвышается подъ открытымъ небомъ широкій

Оиванскій некрополь.

каменный жертвенникъ, на верхъ котораго ведетъ лѣстница въ 10 ступеней. Это одинъ изъ рѣдкихъ въ Египтѣ случаевъ, что жертвенникъ устоялъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ. Другой придѣлъ предназначался для храненія приношеній богамъ, о чемъ можно судить по фрескамъ, отчасти уцѣлѣвшимъ на стѣнахъ.

VI.

Съ незапамятныхъ временъ, едва выйдя изъ мрака варварства, египетскій народъ уже вѣрилъ въ загробную жизнь; вѣра его, разумѣется, была весьма примитивною и ограничивалась признаніемъ въ человѣкѣ двоякаго рода тѣлесной оболочки: кромѣ видимаго, физическаго тѣла, подверженнаго разложенію послѣ смерти, продолжаетъ жить другое тѣло, тоже физическое, которое египтяне называли КА, или двойникъ. Оно во всемъ соотвѣтствуетъ, говорили они, тѣлу смертному, рождается и живетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ и по смерти его, выдѣляясь въ нѣчто «лучистое», продолжаетъ въ загробномъ мірѣ тотъ же образъ жизни, который оно вело на землѣ, т. е. господинъ остается господиномъ, рабъ — рабомъ, воинъ — воиномъ и т. д. Оно нуждается въ пищѣ и питьѣ, одеждѣ, слугахъ, принимаетъ участіе въ любимыхъ развлеченіяхъ трудится или отдыхаетъ. КА живетъ въ гробницѣ, въ сосѣдствѣ съ трупомъ умершаго и не можетъ отлучаться отъ него на продолжительное время, особенно ночью, изъ опасенія по-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

пасть во власть злыхъ духовъ, скитавшихся по Египту. Послѣдствіемъ такого взгляда явился культъ двойника и обильныя приношенія всякаго рода, дабы поддержать существованіе его за гробомъ. Въ началѣ все необходимое для жизни КА доставлялось родственниками и друзьями почившаго въ его надгробную часовню; этотъ обычай, однако, будучи крайне обременительнымъ для кармана, вышелъ постепенно изъ употребленія. Яства, питье, одежда, рабы, различныя домашнія принадлежности и т. д. стали замѣняться соотвѣтственными изображеніями изъ камня, глины, дерева или металла, а въ послѣдствіи просто писаться на стѣнахъ часовенъ и гробницъ. Благодаря заклинаніямъ и чарамъ, всѣ эти предметы, по вѣрованію египтянъ, пріобрѣтали свойства настоящихъ и, вѣчно возобновляясь тѣмъ же способомъ, не переставали обезпечивать КА беззаботное существованіе въ загробномъ мірѣ.

По той же причинѣ трупы покойниковъ бальзамировались, такъ какъ двойникъ не могъ обойтись безъ своей земной оболочки и съ уничтоженіемъ ея погибалъ безвозвратно. Вотъ почему египтяне столь тщательно оберегали свои муміи отъ оскверненія и прятали ихъ въ различныхъ тайникахъ. Особенныя мѣры предосторожности принимались въ отношеніи мумій фараоновъ—какъ воплощенія божества на землѣ ихъ клали не только внѣ официальныхъ надгробныхъ храмовъ, но часто даже не въ приготовленныхъ ими при жизни роскошныхъ,

Θиванскій некрополь.

тайныхъ склепахъ, а гдѣ-нибудь въ пустынномъ и неприступномъ мѣстѣ, о которомъ и догадаться было-бы нелегко. Благодаря этому обстоятельству почти всѣ царскія муміи XVIII и XIX династій сохранились неповрежденными до нашихъ дней.

Съ теченіемъ времени представленіе о загробной жизни стало болѣе духовнымъ, особенно, среди высокообразованнаго класса жрецовъ; помимо КА было признано существованіе въ человѣкѣ души, или БА, которая не находилась въ зависимости отъ его земнаго тѣла; освобождаясь послѣ смерти, она направлялась на западъ, по теченію солнца, въ загробную страну, черезъ узкій проходъ въ Ливійскихъ горахъ, вблизи Абидоса. Здѣсь БА приходилось пройти черезъ рядъ ужасовъ; доступъ туда былъ оберегаемъ различными чудовищами, пропускавшими лишь тѣ души, которыя посредствомъ магическаго ключа были въ состояніи отпереть запертыя двери въ царство Озириса; съ этой цѣлью въ изголовье мумій клался свитокъ папируса, заключавшій необходимыя заклинанія.

Въ извѣстный часъ, наконецъ, душа оказывалась въ присутствіи Озириса, передъ судомъ котораго ей надлежало немедленно-же предстать и по дѣламъ своимъ получить воздаяніе. СХХV глава «Книги Мертвыхъ» такимъ образомъ описываетъ эту замѣчательную сцену; оба конца зала охраняются «владыками истины»; здѣсь покойникъ видитъ Озириса, окруженнаго судъ-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

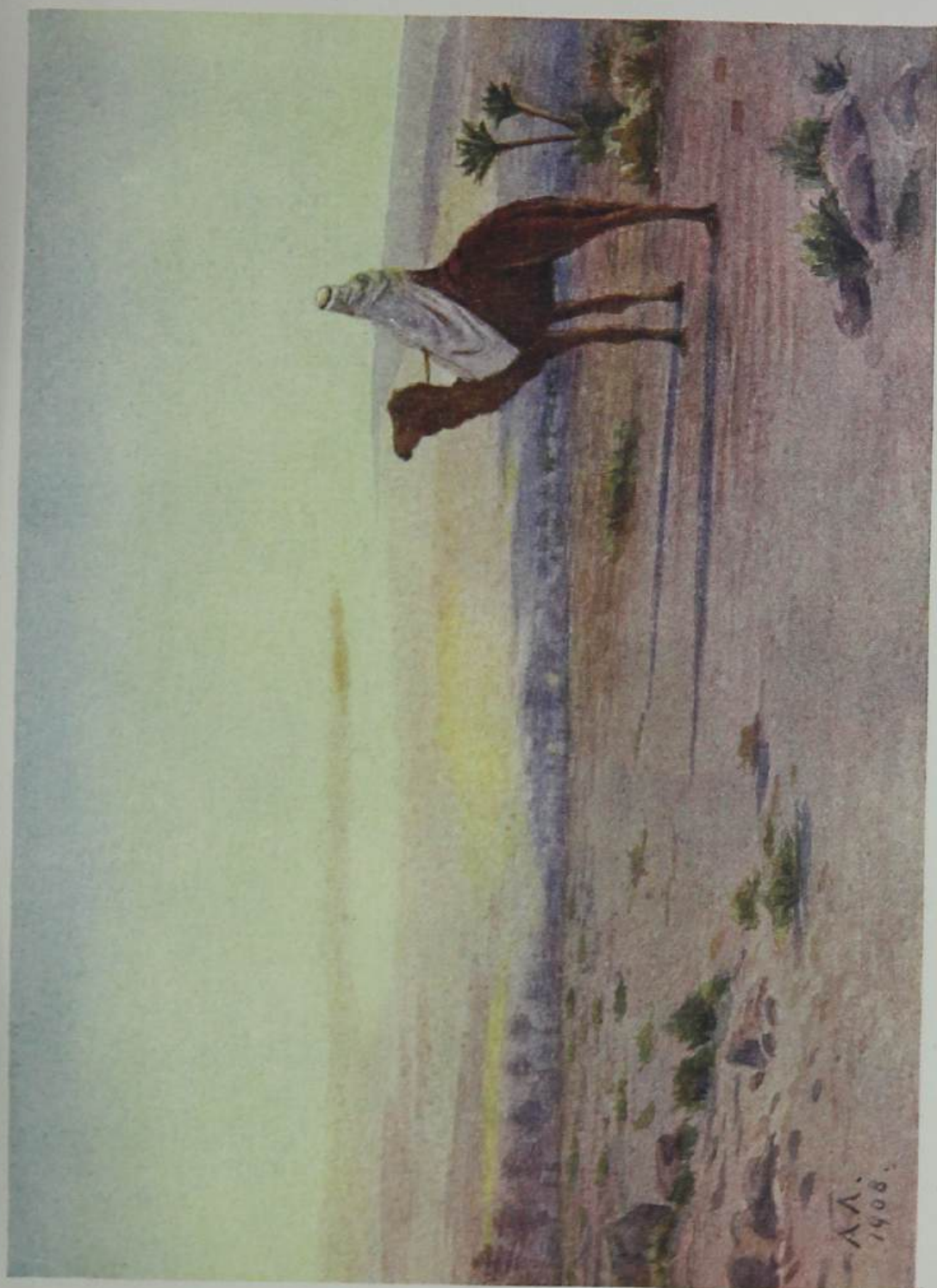
ями и направляется къ нимъ, поднявъ руки въ знакъ обожанія. Передъ входомъ онъ творить молитву:

«Радуйся всемогущій Господь справедливости! «Я знаю Тебя, я знаю имена 42 боговъ, которые пожираютъ творившихъ зло, которые «пьютъ ихъ кровь въ судный день. Вотъ я «предсталъ предъ Тобою, я приношу Тебѣ одну «правду, устраняю ложь».

Послѣ краткаго перечня грѣховъ, Анубисъ вводитъ покойника въ залъ, гдѣ засѣдаетъ Озирисъ подъ пурпуровымъ наметомъ между 4 геніями; передъ нимъ помѣщаются вѣсы, правильность которыхъ повѣряетъ Тотъ, божественный писецъ; кругомъ стоятъ 42 бога, пожирающіе виновныхъ. Тогда душа произноситъ отрицательную исповѣдь, т. е. перечисляетъ тѣ 42 грѣха, въ которыхъ она неповинна и которые влекутъ за собою осужденіе (изъ нихъ многіе вошли въ послѣдствіи въ 10 заповѣдей Моисея). «Я никому не дѣлалъ зла, — говоритъ подсудимый, — я не говорилъ неправды, я не «творилъ неугоднаго богамъ, я не оклеветалъ «слугу передъ господиномъ, я не убивалъ и не «посылалъ убивать, я не причинялъ страданій «ближнему, я не прелюбодѣйствовалъ, я не «обмѣривалъ и не обвѣшивалъ, я не кралъ «и т. д... Я чистъ».

Едва исповѣдь закончена, какъ усопшій чувствуетъ, что изъ груди у него вынуто сердце; онъ видитъ его въ одной чашкѣ вѣсовъ, а въ другой — статуэтку богини Истины. Невольный

В. П. АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ИСТОРИЧ.

Оиванскій некрополь.

крикъ вырывается у него: «О сердце, которое
«я получилъ отъ матери, сердце мое, когда я
«былъ въ живыхъ, не поднимайся, свидѣтель-
«ствую противъ меня; не будь мнѣ врагомъ
«передъ божественнымъ судьей; не вѣсь въ мое
«осужденіе передъ стражемъ вѣсовъ; не осуди
«меня передъ богомъ Аменти».

Въ это время Тотъ успѣлъ свѣсить сердце
и сообщить о результатѣ судьбы. Если покойный
оказался невиновнымъ въ смертныхъ грѣхахъ,
Озирисъ произноситъ: «Да побѣдитъ усопшій
«всѣ препятствія на своемъ пути, да направится
«онъ, по своему выбору, въ любую страну, гдѣ
«обитаютъ духи и боги; его не отвергнутъ
«стражи при дверяхъ Запада!».

Изъ приведенной исповѣди видно, какую
роль играла совѣсть въ дѣлѣ осужденія или
оправданія, такъ какъ участь покойника рѣша-
лась его собственнымъ сердцемъ. Въ случаѣ,
если статуэтка богини Истины перевѣшивала
сердце, ему предстояло, смотря по тяжести
грѣховъ, или полное уничтоженіе, такъ назы-
ваемая «вторая смерть», или же муки чистилища
и затѣмъ новое воплощеніе на землѣ въ видѣ
искупленія. Вѣчности мученій религія египтянъ
никогда не допускала.

Все касающееся загробной жизни подробно
описано въ т. н. «Книгѣ мертвыхъ», клавшейся
въ гробъ вмѣстѣ съ муміею. Извѣстныя части
ея, по выбору, воспроизводились на стѣнахъ
погребальныхъ часовенъ и склеповъ, особенно
въ царскихъ ипогеяхъ. Смыслъ этой замѣча-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

тельной книги остается до сихъ поръ неразгаданнымъ. Содержаніе ея, подчасъ вовсе несообразное, или дѣтски-наивное, имѣетъ несомнѣнно тайный смыслъ; подъ различными символами и магическими словами здѣсь скрываются высокія истины безсмертія и перевоплощенія, которыя сообщались неофиту въ таинственныхъ подземельяхъ храмовъ посвященными жрецами, и не были доступны толпѣ.

VII.

Египетъ, какъ извѣстно, въ теченіе лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ затопляется Ниломъ, вслѣдствіе чего жители его во всѣ времена хоронили умершихъ въ горахъ, или въ пустынѣ. Такимъ образомъ, они не только избѣгали наводненія кладбищъ, но предупреждали опасность заразы, которая, въ обратномъ случаѣ, не замедлила-бы появиться въ періодъ низкаго стоянія воды.

Земля для погребенія въ Оиванскихъ горахъ принадлежала либо фараону, либо великому Амонъ-Ра и была приписана къ его храму въ Карнакѣ. Участки обходились дорого, а потому бѣдныхъ жителей пышной столицы хоронили за городскими стѣнами въ пустынѣ. Иногда фараоны, желая наградить вѣрныхъ слугъ, дарили имъ склепы, уже вполне готовые, даже съ расписанными внутри стѣнными изображеніями, соотвѣтственно заслугамъ каждаго. Вслѣдствіе геологическаго состава горныхъ породъ и особенностей мѣстнаго извест-

Оиванскій некрополь.

няка, стѣны гробницъ не могли быть покрыты рельефами; приходилось довольствоваться живописью поверхъ толстаго слоя штукатурки. Съ этою цѣлью въ Оивахъ существовали при храмахъ специальные цехи: каменотесовъ, архитекторовъ, живописцевъ и т. д. Всѣ гробницы сооружены по опредѣленному плану и отличаются одна отъ другой только размѣрами. Фасадомъ для нихъ служила гладкая поверхность горы съ небольшою площадкою передъ входомъ, довольно низкимъ. За нимъ, — параллельно наружной стѣнѣ, шла узкая, продолговатая комната, отъ середины ея коридоръ, перпендикулярный входной двери, велъ къ небольшой нишѣ въ стѣнѣ для статуй боговъ. Этимъ заканчивалась, такъ сказать, внѣшняя часть усыпальницы, ея надгробная часовня: сюда, по опредѣленнымъ днямъ, собирались для молитвы родственники и друзья покойнаго и приносили ему поминальные дары. Мумія же изъ опасенія кражи скрывалась глубоко подъ землю. Доступъ къ тайнику, гдѣ ее полагали, затруднялся всѣми возможными способами, и входъ туда тщательно маскировался. Въ тайникъ проникали черезъ низкую, наклонную галлерею, или же спускались въ глубокой, сухой колодезь, отверстіе котораго скрывалось въ одной изъ комнатъ, въ самомъ неожиданномъ мѣстѣ.

Городъ мертвыхъ составлялъ существенную часть стовратыхъ Оивъ. Высокая стѣна Ливійской цѣпи обозначала его западную границу;

Въ странѣ Амонъ-Ра.

она была изрыта по всѣмъ направленіямъ склепами и коридорами, изъ которыхъ одинъ былъ отдѣленъ отъ другого простѣнками иногда лишь въ нѣсколько вершковъ толщины. Это было нѣчто вродѣ исполинскаго улья: повсюду виднѣлись черныя отверстія ипогеевъ, — склоны горы, сверху до низу, были усѣяны ими. Монахи-копты, поселившіеся въ нихъ съ конца V столѣтія по Р. Хр. уничтожили тонкія простѣнки, чтобы удобнѣе было сообщаться другъ съ другомъ. Землетрясенія глубокими трещинами избороздили поверхность Ливійскихъ горъ; тяжесть верхнихъ пластовъ не переставала давить гробницы, и потолки въ нихъ, не выдержавъ, обвалились. Цѣлыя скалы обрушились въ долину и снесли къ подножію горъ обломки сотенъ гробницъ.

Почти всѣ усыпальницы давно разграблены; археологамъ, впрочемъ, удастся, отъ времени до времени, напасть на мѣста погребенія, частью нетронутыя, частью же сохранившія стѣнную живопись. Большинство таковыхъ находится среди арабскаго села Шейх-абд-эль-Курна. Здѣсь похоронены Оиванскіе князья, министры, государственные мужи и великіе жрецы Амонъ-Ра временъ XVIII династіи.

Усыпальницы эти особенно интересны. Хотя по размѣрамъ своимъ и художественному исполненію украшеній имъ далеко до царскихъ, тѣмъ не менѣе сцены, изображенныя на стѣнахъ ипогеевъ, даютъ болѣе богатый матеріалъ для выясненія условій домашней жизни ихъ хо-

Оиванскій некрополь.

зьевъ. Цвѣта красокъ ничуть не поблекли, рисунокъ менѣе условенъ, нежели въ гробницахъ фараоновъ; видно, что фрески до мелочей отражаютъ дѣйствительность. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не встрѣчаешь цѣлыхъ залъ съ изображеніемъ на стѣнахъ фараоновъ XVIII и XIX династій передъ тѣмъ или инымъ іератическимъ изваяніемъ божества. Особенно хорошо сохранились превосходныя фрески въ усыпальницахъ князей Минна, Сенефера и Некта.

Въ первой изъ нихъ, открытой два года тому назадъ, фрески писаны точно вчера, до того живо выдѣляются всѣ цвѣта на бѣломъ фонѣ штукатурки. Вотъ сидитъ самъ князь (всегда большихъ размѣровъ, нежели окружающіе), среди своей семьи; двѣ дочери его смотрятся въ зеркало. Прислуга ждетъ лишь приказанія, чтобы исполнить малѣйшее желаніе хозяина. Заложенная колесница готова къ выѣзду. Рядомъ — сцена сельско-хозяйственныхъ работъ: пахота, сѣвъ, сѣнокосъ серпами; рядъ жнецовъ убираетъ ячмень, за ними женщины подбираютъ упавшіе колосья. Одинъ рабочій сидитъ на камнѣ и вынимаетъ изъ подошвы занозу, у другого засорился глазъ, а товарищъ внимательно смотритъ, что случилось? Невдалекѣ сидитъ еще рабочій; этотъ о чемъ-то задумался, облокотивъ голову на усталую руку.

Вотъ поймали вора, и тутъ-же, на мѣстѣ преступленія, бьютъ его палкою; наказывающій, вѣроятно, дѣйствуетъ черезчуръ усердно, и несчастному грозитъ смерть, или серьезное увѣчье,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

такъ какъ за него заступается одинъ изъ слугъ, умоляя прекратить истязаніе.

Въ коридорѣ, заканчивающемся, по обыкновенію, нишею, написаны съ особенною живостью: прогулка хозяина въ лодкѣ съ восемью гребцами; на палубѣ для него приготовлена постель, на которой лежитъ подушка; сцены удачной охоты, судя по множеству пойманныхъ силками птицъ. На дерево, между прочимъ, взбирается дикая кошка полакомиться яйцами изъ опустѣлыхъ гнѣздъ; рядомъ—рыбная ловля и много другихъ подобныхъ же сценъ изъ частной жизни князя. Но выдающійся интересъ въ усыпальницѣ Минна представляетъ крайняя угловая картина,—судъ Озириса. Князь изображенъ стоящимъ въ полной достоинства позѣ. Подземный богъ сидитъ на тронѣ, а передъ нимъ ибисообразный Тотъ заноситъ въ книгу жизни покойнаго всѣ дѣла его какъ добрыя, такъ и худыя. Между тѣмъ ястребоголовый Горусъ держитъ въ рукахъ вѣсы; на одной тарелкѣ лежитъ сердце князя Минна, а на другой статуэтка богини Истины.

Въ данномъ случаѣ обѣ тарелки стоятъ на одномъ уровнѣ; значитъ, князь Минна велъ жизнь праведную и можетъ занять мѣсто въ ладѣ Амонъ-Ра.

Въ усыпальницѣ Накта, кромѣ сценъ, подобныхъ описаннымъ, заслуживаетъ вниманія рядъ картинъ, изъ гаремной жизни: женщины слушаютъ слѣпого арфиста (зрячій въ гаремъ не былъ-бы допущенъ). Извѣстная, по много-

Оиванскій некрополь.

численнымъ воспроизведеніямъ, группа танцовщицъ, съ лирами въ рукахъ, также находится въ этой гробницѣ. Реалистическое изображеніе нагихъ женщинъ, и при томъ легкаго поведенія, можетъ показаться неумѣстнымъ въ могильномъ склепѣ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что взгляды древнихъ египтянъ на нравственность, особенно въ отношеніи физическомъ, значительно разнились отъ нашихъ. То, что мы считаемъ непристойнымъ, или развратнымъ, они находили естественнымъ. Въ голову благочестиваго сына долины Нила не приходила мысль, что для раздѣтой танцовщицы, исполняющей передъ нимъ рядъ нумеровъ своего репертуара, не мѣсто въ погребальной комнатѣ, куда придутъ, со временемъ, его родные и друзья съ цѣлью жертвоприношенія и молитвы. Ко всѣмъ актамъ обыденной жизни онъ относился просто, безъ задней мысли, и даже въ храмахъ своихъ, наиболѣе священныхъ, допускалъ изображеніе сценъ, которыя, по нашимъ понятіямъ, должны быть признаны безнравственными.

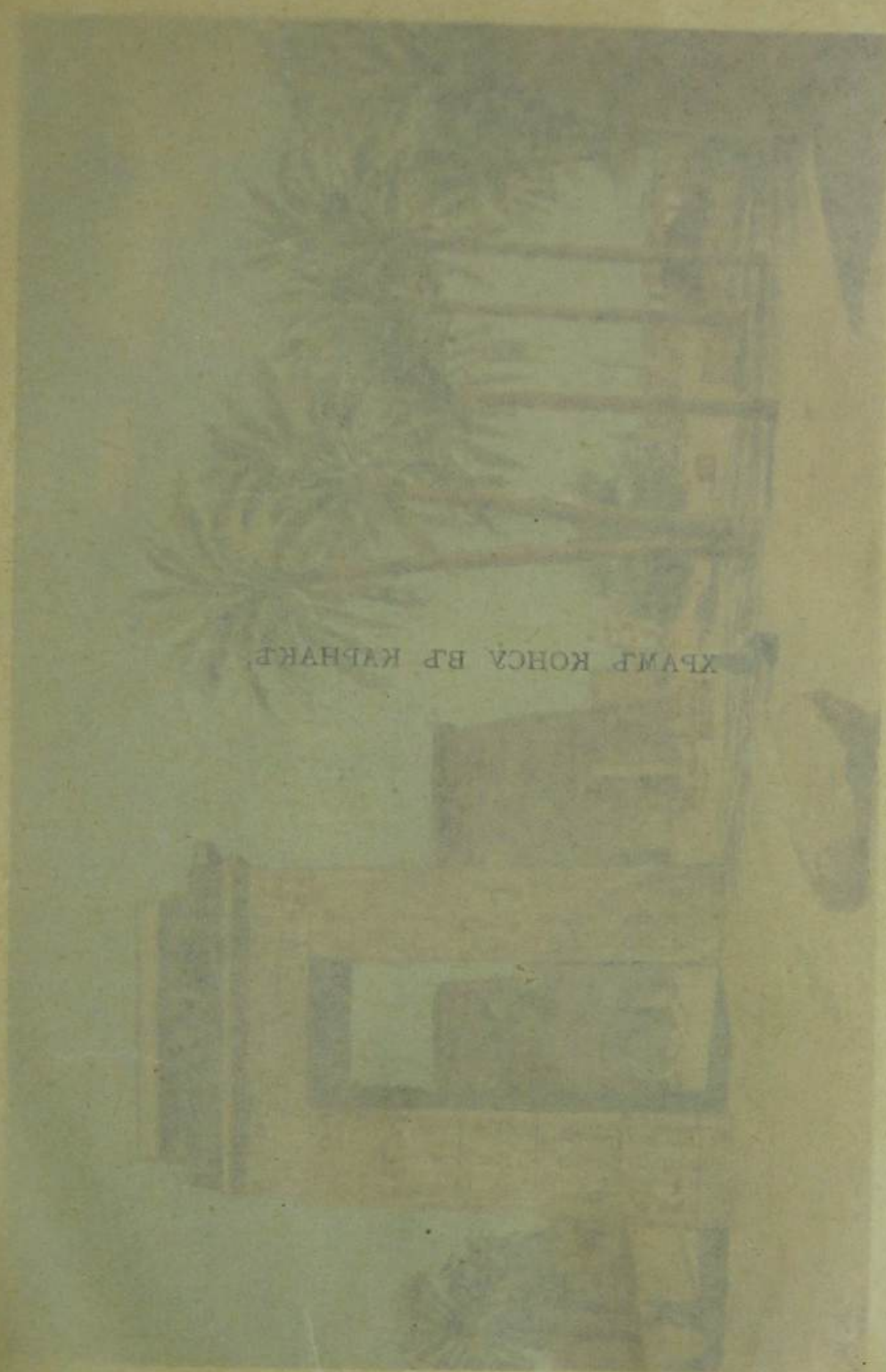
VIII.

Обратный путь снова лежитъ среди роскошныхъ ячменей; куда не оглянешься, тѣ же гигантскія развалины уныло возвышаются надъ Оиванскою равниною; вотъ Рамесеумъ—точно остовъ допотопнаго чудовища; вдали слабо очерченъ воинственный силуэтъ надгробнаго храма Рамзеса III; колоссы Мемнона, точно жи-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

вые, окидываютъ спокойнымъ взоромъ зеленѣющую окрестность. Въ яркихъ лучахъ догорающаго свѣтила алѣютъ вѣчные камни; длинныя тѣни пали на изумрудъ полей, и отходящая ко сну земля струитъ тонкій фиміамъ къ подножію престола лучезарнаго Амонъ-Ра.

Въ торжественный часъ вечера, созерцая безсмертные памятники давно минувшихъ эпохъ, чище становишься сердцемъ, духъ возвышается, время исчезаетъ подъ наплывомъ великихъ воспоминаній. Мединетъ-Хабу-Рамесеумъ, Деиръ-ель-Бахари, нѣмые свидѣтели величія и паденія, рокового удѣла всякаго творенія рукъ человѣческихъ—все въ васъ громадно, все выходитъ за предѣлы обыденнаго! Куда бы не занесла меня судьба скитальца, часто буду я мысленно возвращаться къ вашему героическому прошлому,—нѣкогда пышные мавзолеи отошедшихъ въ вѣчность владыкъ таинственнаго Египта!

ХРАМЪ КОСЦА БГ КАРНАКЪ

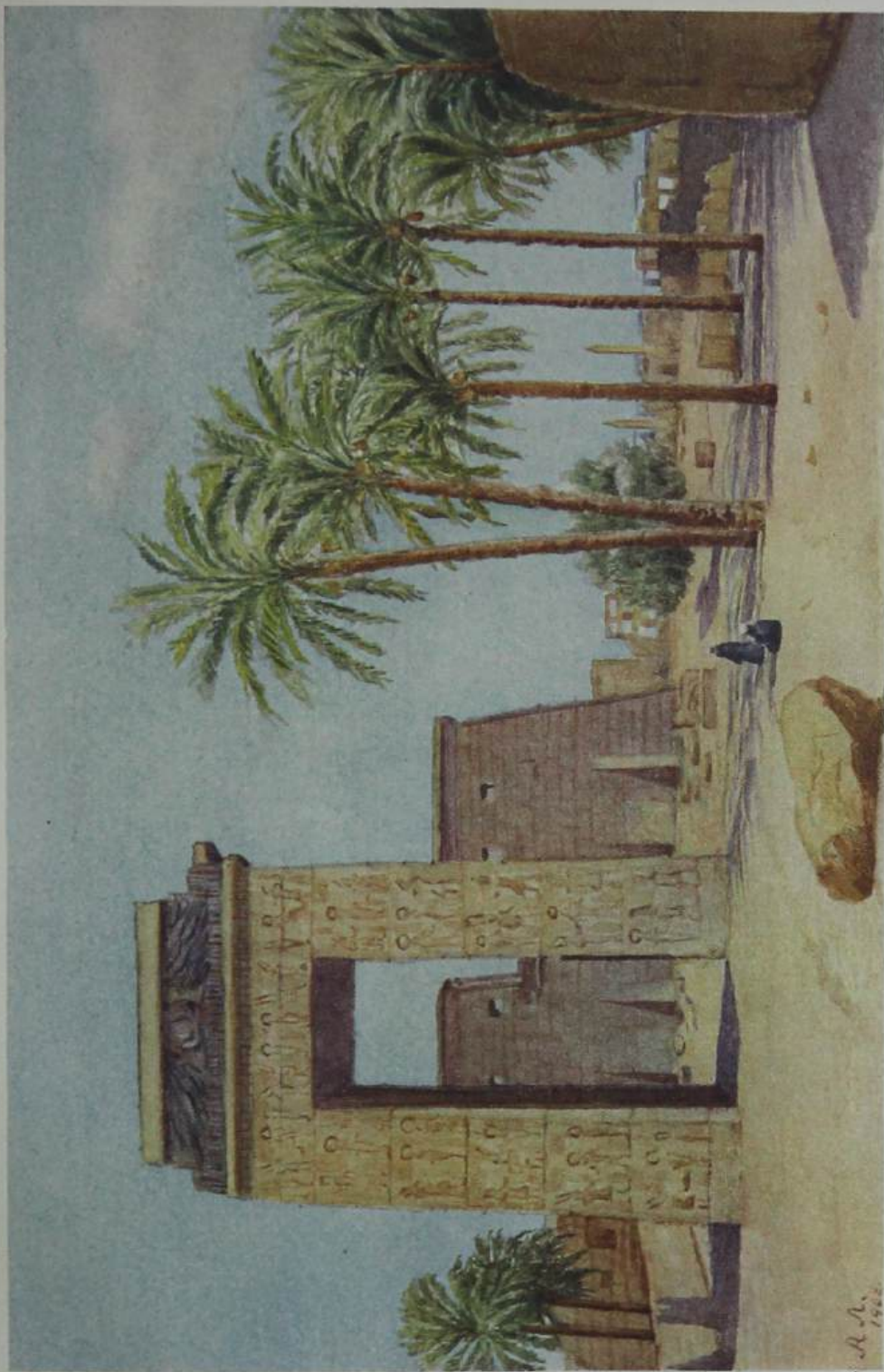
Въ странѣ Амонъ-Ра.

иже, обильнѣе, оживленѣе взоромъ зеленѣ-
ющую окрестность. Въ краяхъ лучахъ дого-
рѣннаго свѣта изъбѣгающе ичущае, длин-
ныя тѣни идя на загибавъ полѣхъ, и отходя-
ще на оныя жиды, струить тонкой дымомъ къ
подвѣсному престолу божественнаго Амонъ-Ра.

Изъ торжественной тишины вечера, возмущая без-
смертную таинственность давно минувшаго вѣка,
иже, оживленѣе, оживленѣе взоромъ зеленѣ-
ющую окрестность. Въ краяхъ лучахъ дого-
рѣннаго свѣта изъбѣгающе ичущае, длин-
ныя тѣни идя на загибавъ полѣхъ, и отходя-
ще на оныя жиды, струить тонкой дымомъ къ
подвѣсному престолу божественнаго Амонъ-Ра.

ХРАМЪ КОНСУ ВЪ КАРНАКЪ.

иже, оживленѣе, оживленѣе взоромъ зеленѣ-
ющую окрестность. Въ краяхъ лучахъ дого-
рѣннаго свѣта изъбѣгающе ичущае, длин-
ныя тѣни идя на загибавъ полѣхъ, и отходя-
ще на оныя жиды, струить тонкой дымомъ къ
подвѣсному престолу божественнаго Амонъ-Ра.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КАРНАКЪ.

1.

Въ 20-ти минутахъ ѣзды отъ Луксора находятся развалины храма Амонъ-Ра въ Карнакѣ. Не посѣтивъ его, нельзя составить себѣ даже приблизительнаго понятія о размѣрахъ этой совокупности огромнѣйшихъ въ мірѣ сооружений. Въ Карнакѣ насчитывается до 16 различныхъ храмовъ въ развалинахъ, изъ которыхъ каждый въ свое время былъ соединенъ съ сосѣднимъ длинною аллеею гранитныхъ барановъ и сфинксовъ колоссальныхъ размѣровъ; между тѣмъ здѣсь въ древности былъ расположенъ лишь одинъ изъ кварталовъ священной части стовратыхъ Оивъ. Нужно признать, что египтяне умѣли чтить своего бога. Святилище Амонъ-Ра даетъ намъ, насколько это возможно въ предѣлахъ земныхъ понятій, наиболѣе разительное представленіе о мощи и вѣчности Творца Вселенной. Если и теперь насъ еще давитъ громада развалинъ, какое величественное зрѣлище, невиданное ни до, ни послѣ него, долженъ былъ представлять изъ себя этотъ городъ храмовъ украшенныхъ бо-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

гатымъ орнаментомъ изъ полированного гранита, лаписъ-лазури, малахита и оникса?

Роскошь внутреннихъ украшеній не знала предѣла. Двери были изъ кедроваго дерева, или бронзовыя, покрытыя листами чистаго золота; полъ устланъ серебряными плитами; стѣны украшены стелями съ инкрустаціею изъ золота и драгоценныхъ камней.

Оивы были посвящены Геліополитанской Тройцѣ, и каждое изъ лицъ ея имѣло свои святилища съ особымъ штатомъ священнослужителей. Но надо всѣмъ царилъ Амонъ-Ра, Вседержитель, Творецъ видимыхъ и невидимыхъ міровъ. Издалека видны были его пилоны и обелиски, а слава его гремѣла далеко за предѣлами Египта.

Храмъ не есть созданіе одного лица, или даже одного поколѣнія. Онъ сооружался столѣтіями, разрастаясь во всѣ стороны, и цѣлыя династіи фараоновъ соревновали одна съ другою въ красотѣ, разнообразіи и величіи воздвигаемыхъ ими алтарей. Такимъ образомъ стремились они увѣковѣчить память о подвигахъ своихъ въ лучахъ безсмертнаго Амона, начертавъ на каменныхъ скрижаляхъ длинную лѣтопись одержанныхъ ими побѣдъ и принесенныхъ въ даръ богу сокровищъ. Въ теченіе тысячелѣтій вѣрно хранилъ гранитъ повѣствованія о давно минувшихъ великихъ дѣлахъ, и по сіе время еще ярко горятъ причудливые іероглифы въ лучахъ полуденнаго солнца.

Карнакъ.

Вотъ въ бурномъ натискѣ несется боевая колесница Сети I-го. Въ ужасѣ бѣгутъ отъ него толпы хананеянъ, или смиренно молятъ о пощадѣ. Вотъ триумфальное шествіе побѣдителя по завоеванной Палестинѣ среди уничиженныхъ князей ея, а дальше — возвращеніе фараона съ удачнаго похода въ Сирію и посвященіе имъ добычи Амонъ-Ра. Битвы и снова битвы: Рамзеса II, Тутмеса, Аменготепа и другихъ; снова плѣнные и жертвоприношенія. Всѣ стѣны храма какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, его пилоны, часовни и обелиски сверху до низу покрыты изображеніями многочисленныхъ боговъ древняго Египта, подвиговъ и благочестивыхъ дѣяній царей его, а также безконечными іероглифическими надписями; цвѣтная масса, которою они когда-то были выложены, давно исчезла, яркія краски рельефовъ полиняли, сами изображенія частью искалѣчены, частью обрушились, но тѣ, что сохранились, полны неподражаемой свѣжести, дышатъ жизнью и страстью, давятъ исполинскими размѣрами.

II.

Къ главному пилону ведетъ, со стороны Нила, аллея гранитныхъ сфинксовъ и священныхъ барановъ, держащихъ въ переднихъ ногахъ статуэтку Рамзеса II-го. Хотя громадный пилонъ, постройка котораго была начата въ эпоху Птоломеевъ, никогда не былъ оконченъ, но духъ захватываетъ взглянуть на вершину

Въ странѣ Амонъ-Ра.

его! Сквозь сравнительно узкія ворота вступаешь въ открытый дворъ; здѣсь — груды всевозможныхъ обломковъ колоннъ, карнизовъ, испещренныхъ іероглифами гранитныхъ глыбъ. Съ восточной стороны двора находился передъ 2-мъ пилономъ монументальный кіоскъ эфіопскаго фараона Тахарка; изъ 10 колоннъ его уцѣлѣла всего одна, достойная гигантскаго храма — высотой въ 21 метръ. На югъ и на сѣверъ отъ двора расположено по придѣлу — цѣлые, вполнѣ законченные храмы Рамзеса III-го и Сети I, изъ которыхъ первый реставрированъ, имѣетъ свой собственный открытый дворъ съ рядомъ колоссовъ фараона, ипостильный залъ и погруженное во мракъ святая святыхъ; храмъ же Сети I-го лежитъ до сихъ поръ въ развалинахъ.

Второй пилонъ, сооруженный Ливійскою династією фараоновъ, съ прилежащимъ къ нему дворомъ Бубастисовъ, представляетъ изъ себя цѣлый водопадъ рушащихся камней, и только на южной стѣнѣ его сохранился исполинскій барельефъ, изображающій принесеніе въ жертву Амону 156 плѣнныхъ евреевъ, изъ которыхъ каждый означаетъ какой-нибудь городъ Палестины, взятый фараономъ Шесхонгомъ, покорителемъ Іерусалима. За вторымъ пилономъ начинается знаменитый ипостильный залъ, исполинскій лѣсъ 134 колоннъ, расположенныхъ въ 16 рядовъ, изъ которыхъ среднія 12 не меньшихъ размѣровъ, нежели колонны Вандомская, или Троянова. Колонны папирусообразной

К а р н а к ъ.

формы поддерживаютъ часть каменнаго потолка, сохранившаго мѣстами старинную окраску. Густыя тѣни ложатся на каменные плиты пола, а горячее солнце льетъ потоки лучей сквозь отверстія II-го яруса надъ боковыми рядами меньшихъ колоннъ.

III.

Созерцая эти почти сверхчеловѣческія сооруженія, задаешь себѣ вопросъ, какимъ образомъ древніе египтяне, при ихъ незнакомствѣ съ усовершенствованными машинами, оказались въ состояніи воздвигать подобныя гигантскія колонны? Способъ построекъ ихъ, оказывается, былъ весьма несложенъ, но за то остроуменъ и практиченъ.

Строительный матеріалъ въ видѣ каменныхъ глыбъ подвозился изъ Сіэны водою, такъ какъ всѣ безъ исключенія храмы стояли на берегу Нила. На мѣсто постройки глыбы доставлялись на веревкахъ по смазаннымъ масломъ стволамъ финиковыхъ пальмъ, которыя съ этою цѣлью клались параллельно на землѣ. Какъ только камни, служившіе пьедесталомъ были установлены, залъ засыпался землею до уровня воздвигавшихся колоннъ. На созданный, такимъ образомъ, искусственный холмъ подымали новыя глыбы; размѣстивъ ихъ по предназначеннымъ мѣстамъ, залъ снова засыпали землею. Этотъ способъ примѣняли до тѣхъ поръ, пока не достигали вершины зданія.

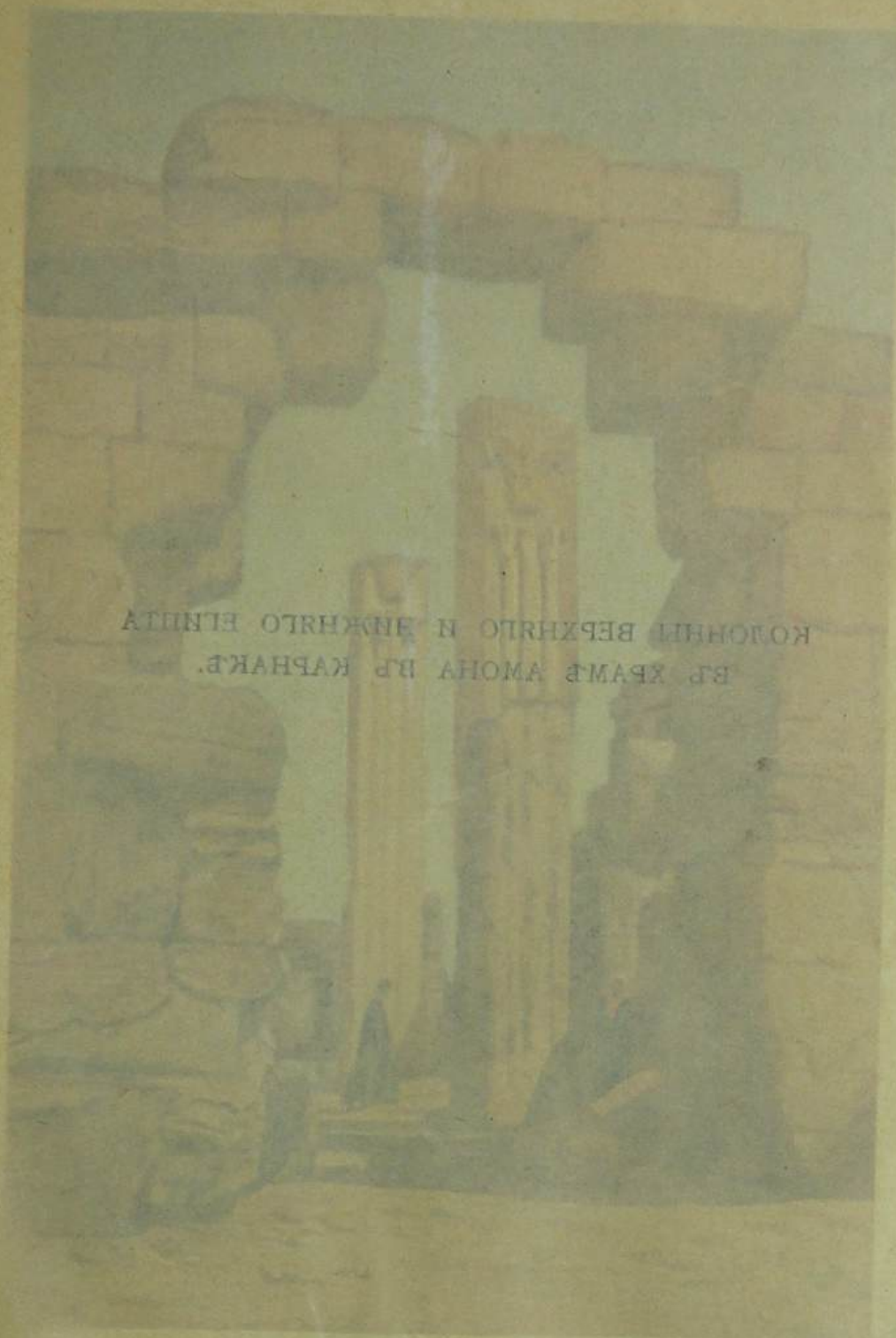
Въ странѣ Амонъ-Ра.

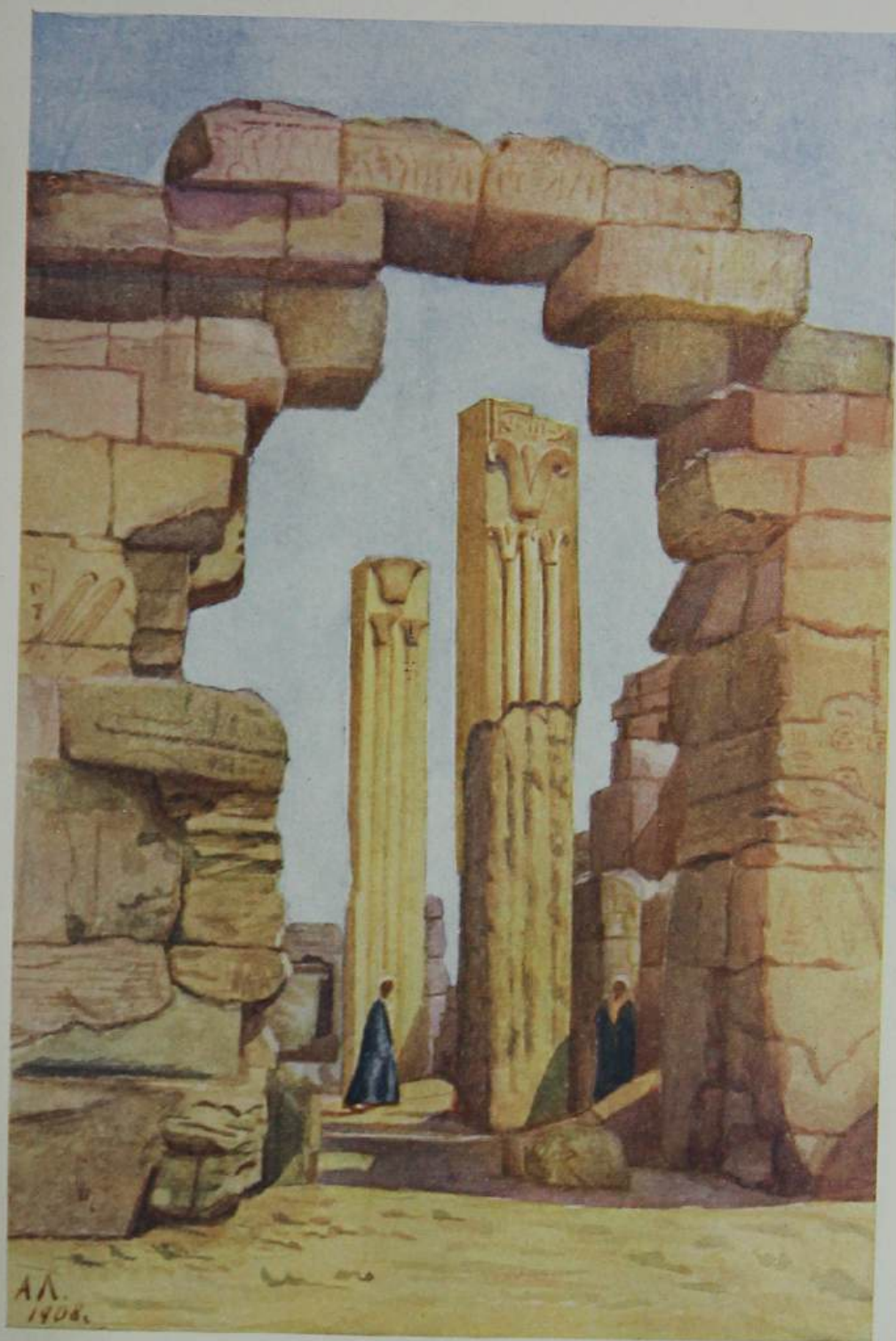
Такимъ образомъ, въ моментъ окончанія работъ залъ находился подъ землею; когда-же его очищали, то всѣ колонны оказывались стоящими на мѣстахъ, стройныя, какъ пальмовый лѣсъ исполинскихъ размѣровъ.

За слѣдующимъ, третьимъ пилономъ Аменготепы III, на открытомъ дворѣ, возвышается обелискъ Тутмеса III, одинъ изъ четырехъ сохранившійся; разбитыя глыбы другихъ загроздили часть бывшей колоннады. Отсюда по направленію къ югу тянется въ видѣ огромнаго придѣла цѣлый рядъ дворовъ и пилоновъ, болѣе или менѣе разрушенныхъ, соединявшихъ когда-то храмъ Амона съ храмомъ богини Мутъ.

За четвертымъ пилономъ высоко подымается въ синеву неба свою заостренную вершину обелискъ изъ розоваго сіенскаго гранита, сооруженный царицею Хатасу, — самый высокій изъ обелисковъ въ Египтѣ, — а потомъ идутъ многочисленные комнаты всевозможныхъ размѣровъ, гдѣ помѣщались жрецы, цѣлый лабиринтъ коридоровъ, часовни, на половину заваленныя камнями, остатки алтарей, обрывки стѣнъ, покрытые рельефными изображеніями тончайшей работы. Еще далѣе расположенъ обширный дворъ Аменготепы II, замѣнившій болѣе старинныя постройки временъ XII династіи царствовавшей за 2000 лѣтъ до Рождества Христова. Отъ этого двора ничто не уцѣлѣло, кромѣ разбросанныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ каменныхъ массъ, лишенныхъ всякой формы, но именно тѣмъ и привлекательныхъ, что онѣ

КОТОРИИ ВЕРХНІО И НИЖНІО ЕЛІИТА
БІ КРАМІ АНОА БІ КАРНАК.

Карнакъ.

кажутся ниспровергнутыми какой нибудь катастрофой въ доисторическія времена.

Съ восточной стороны ко двору Аменготепа примыкаютъ многочисленныя пристройки, возведенныя Тутмесомъ III въ видѣ цѣлаго ряда колоннадъ, залъ для пиршествъ и таинственныхъ алтарей; здѣсь-же скрывается, среди полсотни различныхъ комнатъ, небольшое св. святыхъ, куда скудно проникаютъ лучи великаго Амонъ-Ра. Одна изъ этихъ комнатъ была посвящена культу предковъ, и въ ней недавно обнаружены статуи фараона, искусно скрытыя на днѣ глубокаго колодца, по всей вѣроятности, на случай нашествія непріятеля.

IV.

Въ этомъ храмѣ-гигантѣ не перечесть всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ изумительныхъ подробностей каждой изъ нихъ. То, что въ иномъ мѣстѣ привлекало-бы общее вниманіе, часто остается здѣсь не замѣченнымъ, — такъ велико въ Карнакѣ число нигдѣ не виданныхъ сооружений, которыя на каждомъ шагу приводятъ въ изумленіе даже бывалаго путешественника. Куда ни оглянешься, повсюду пилоны, дворы и залы, колонны всѣхъ размѣровъ и стилей, колоссы стоячіе, сидячіе, вполне сохранившіеся, или безъ головы, а то и безъ всего туловища, тонкой или грубой работы, изъ красно-сѣраго или чернаго гранита, муміеобразные Озирисы, обломки статуй боговъ. —

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Грандіозное наслѣдіе безчисленнаго множества людскихъ поколѣній!

Способность восхищаться, наконецъ, притупляется, глубокая безпричинная грусть овладѣваетъ вами, даже солнечный свѣтъ кажется здѣсь печальнымъ, благодаря избытку силы и яркости. Не знаешь, въ какихъ словахъ передать впечатлѣніе, производимое Карнакскимъ храмомъ? Для этого нужно вмѣсто пера владѣть лезвіемъ рѣзца одного изъ неизвѣстныхъ художниковъ во множествѣ трудившихся, во время оно, надъ украшеніемъ святилища, нужно, прежде всего, войти въ душу его, полную безконечнаго благоговѣнія и трепета передъ всемогуществомъ Амонъ-Ра и земныхъ сыновъ его — фараоновъ...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Долина царей.

І.

Послѣ недавней песочной бури прозрачность воздуха изумительна. Всѣ предметы кажутся отдаленнѣе, краски нѣжнѣе, звуки мелодичнѣе. Ливійскій горный хребетъ, какъ опаловое ожерелье, переливается семью цвѣтами радуги. Молочная дымка тумана окутала уступы обрыва и шарообразныя вершины; по нимъ ползутъ легкія тѣни, тонко очерчивая изгибы и впадины. Темная лента зелени опоясываетъ подножіе горъ. Прибрежный песокъ мелкими волнами разбѣгается въ разныя стороны.

За линіей руинъ, остатковъ царскихъ мавзолеевъ, начинается золотисто-желтая пустыня, преддверіе дикаго ущелья, глубоко врѣзавшагося въ самое сердце Ливійскихъ горъ. Вотъ оно грозно надвигается на насъ. Дорога изъ желто-бурой становится совершенно бѣлою, какъ будто ее усыпали тонкимъ слоемъ мѣла; это пыль отъ известковыхъ скалъ, которыя съ обѣихъ сторонъ все ближе подходятъ одна къ другой. Ущелье постепенно суживается. Впереди отвѣсная, каменная стѣна растетъ съ каж-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

дымъ шагомъ нашихъ лошадей. Кругомъ ни былинки, ни намека на зелень; будто жизнь навсегда исчезла изъ мрачнаго царства голыхъ скалъ и камней.

Солнце жжетъ немилосердно; раскаленный вѣтеръ, врываясь въ тѣснины, съ размаху ударяется объ упругую грудь горнаго кряжа и, высоко взметая серебристую пыль, мечется въ сухихъ объятіяхъ утесовъ.

Мы останавливаемся у подножія каменной стѣны; въ нѣдрахъ ея высѣчены обширные склепы, мѣста вѣчнаго упокоенія фараоновъ XVIII, XIX и XX династій. Эти склепы получили названіе «сиринговъ», отъ греческаго слова «syrix», по сходству ихъ длинныхъ, подземныхъ ходовъ съ тростниковою флейтою эллинскихъ пастуховъ.

Всѣ сиринги выстроены по одному плану и отличаются одна отъ другой лишь размѣрами, да степенью художественнаго совершенства цвѣтныхъ барельефовъ, которыми сплошь покрыты ихъ подземные залы, коридоры и ниши. Повсюду изображены фараоны, приносящіе жертву различнымъ божествамъ загробнаго міра, или совершающіе путешествіе въ ладѣ Амона въ царствѣ тѣней. Ни одной черты изъ жизни покойнаго, ни намека на дѣянія его не найдете вы въ этихъ усыпальницахъ, гдѣ все полно вѣчнаго и небеснаго, гдѣ нѣтъ мѣста для прославленія ни земной доблести, ни даже добрыхъ дѣлъ.

Большинство гробницъ давно разграблено, а то, что уцѣлѣло въ видѣ художественныхъ

Долина царей.

украшеній, въ значительной степени попорчено феллахами; они выламывали цѣлые куски фресокъ съ наиболѣе характерными изображеніями и продавали ихъ туристамъ. Тѣмъ не менѣе вниманія заслуживаютъ цвѣтные рельефы, отчасти уцѣлѣвшіе въ усыпальницѣ Сети I-го; они принадлежатъ къ лучшей эпохѣ египетскаго искусства, отличаются совершенствомъ рисунка и тонкостью выполненія; отъ лица фараона трудно оторваться; столько красоты, мужества и мягкости соединено въ этихъ, будто точеныхъ изъ слоновой кости, правильныхъ чертахъ, столько благородства и величія въ позѣ! Наболѣе, однако, интересно слѣдуетъ признать усыпальницу Аменготепы II, хотя въ художественномъ отношеніи она стоитъ неизмѣримо ниже многихъ другихъ. Дѣло въ томъ, что грабителямъ не удалось проникнуть въ нее, и все здѣсь осталось, какъ было тысячелѣтія назадъ; даже мумія фараона находится на своемъ первоначальномъ мѣстѣ. Крутая лѣстница ведетъ ко входу въ сирингу, откуда начинается грубо высѣченная въ скалѣ, лишенная всякихъ украшеній, длинная галлерея, которая по своему виду, не можетъ навести на мысль, что за нею скрывается въ глубокихъ нѣдрахъ горы роскошный склепъ фараона. Это одна изъ предосторожностей, принятыхъ покойнымъ, чтобы ввести въ заблужденіе грабителей; слѣдующая уловка—глубокій колодезь,—въ концѣ упомянутой галереи: не видя продолженія хода, задѣланнаго по ту сторону

Въ странѣ Амонъ-Ра.

колодца каменною стѣною, всякій посторонній долженъ былъ предположить, что сиринга осталась недоконченною; да, наконецъ, и провалиться въ колодець было вещью не трудною; въ настоящее время черезъ него перекинуть деревянный мостикъ. Послѣ ряда обнаженныхъ комнатъ мы входимъ въ обширный залъ; шесть колоннъ поддерживаютъ выкрашенный въ синюю краску съ золотыми звѣздами, низкій потолокъ; всю длину колоннъ занимаютъ фигуры, во весь ростъ, фараона, совершающаго жертвоприношеніе различнымъ божествамъ загробнаго міра. Въ глубинѣ зала, ниже поверхности пола, высѣчена обширная крипта, и посреди нея, въ росписномъ гробу, почіетъ вѣчнымъ сномъ Аменготепъ II. Электричество, проведенное сквозь всю усыпальницу, тускло освѣщаетъ погребальную комнату. Лампочки, помѣщенные внизу у изголовья муміи, бросаютъ на нее полосы свѣта, которыя, чередуясь съ тѣнями, производятъ впечатлѣніе чего-то феерическаго. Черты лица сохранились въ совершенствѣ, точно владыка Египта почилъ не въ 1425 г. до Р. Хр., а лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Даже царская мантия удержала свои складки, а цвѣты все еще роскошною гирляндю обвиваютъ почернѣвшую мумію.

Въ одной изъ боковыхъ комнатъ, примыкающихъ къ залу, было найдено около десятка царскихъ мумій, — въ томъ числѣ сына и внука Аменготепа II, фараоновъ Тутмеса IV и Аменго-

Долина царей.

тепа III-го, Менептаха и другихъ. Хотя всѣ эти фараоны имѣли собственные, роскошныя усыпальницы въ «долинѣ царей», тѣмъ не менѣе жрецы Амона, не будучи въ силахъ бороться съ грабителями могилъ, тайно перенесли сюда, какъ въ болѣе надежное убѣжище, приблизительно за 1000 лѣтъ до Р. Хр., тѣ изъ царскихъ мумій, которыя оставались въ сирингахъ; большинство-же ихъ было, еще ранѣе, схоронено въ тайникѣ, по ту сторону горнаго кряжа, вблизи Деиръ-Эль-Бахари.

II.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ члену Египетскаго археологическаго общества, Бругшъ-бею, удалось при слѣдующихъ обстоятельствахъ обнаружить мѣстонахожденіе многочисленныхъ мумій, величайшихъ изъ египетскихъ царей: еще въ концѣ 70 годовъ, на рынкѣ стали появляться различные предметы, принадлежность которыхъ къ погребальной обстановкѣ и муміямъ фараоновъ не подлежала сомнѣнію. Кто нибудь, очевидно, отыскалъ доступъ въ подземный склепъ, въ теченіе тысячелѣтій хранившій эти сокровища. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ поисковъ, археологическое общество напало, наконецъ, на слѣдъ похитителей, но прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ хитрые феллахи, подъ угрозой смертной казни и за хорошее вознагражденіе, согласились указать Бругшъ-бею,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

гдѣ именно скрывается столь прибыльная для нихъ находка. Въ 1881 году былъ открытъ глубокий подземный ходъ въ одномъ изъ ущелій Ливійскихъ горъ, и здѣсь на первыхъ же шагахъ лица, производившія раскопки, наткнулись на множество царскихъ мумій въ роскошныхъ, росписныхъ гробахъ; одинъ надъ другимъ они громоздились въ полномъ безпорядкѣ, едва оставляя мѣсто для прохода; послѣдующіе залы оказались также полны гробами; всего найдено было 42 муміи; въ числѣ ихъ Рамзеса II, Сети I, Тутмесовъ II и III, царицы Нефертари. Открытая усыпальница принадлежала первосвященнику Амона, Херъ-Хору, родоначальнику XXI династіи; безпорядокъ, въ которомъ находились гробы, указывалъ, съ какою поспѣшностью они были доставлены сюда въ эпоху великихъ смутъ въ государствѣ. Жрецы, спасавшіе бранные останки славныхъ фараоновъ, не имѣли времени позаботиться о приличномъ размѣщеніи мумій; они торопились задѣлать входъ въ тайникъ и замести слѣды, дабы никто изъ смертныхъ не имѣлъ доступа къ народной святынѣ.

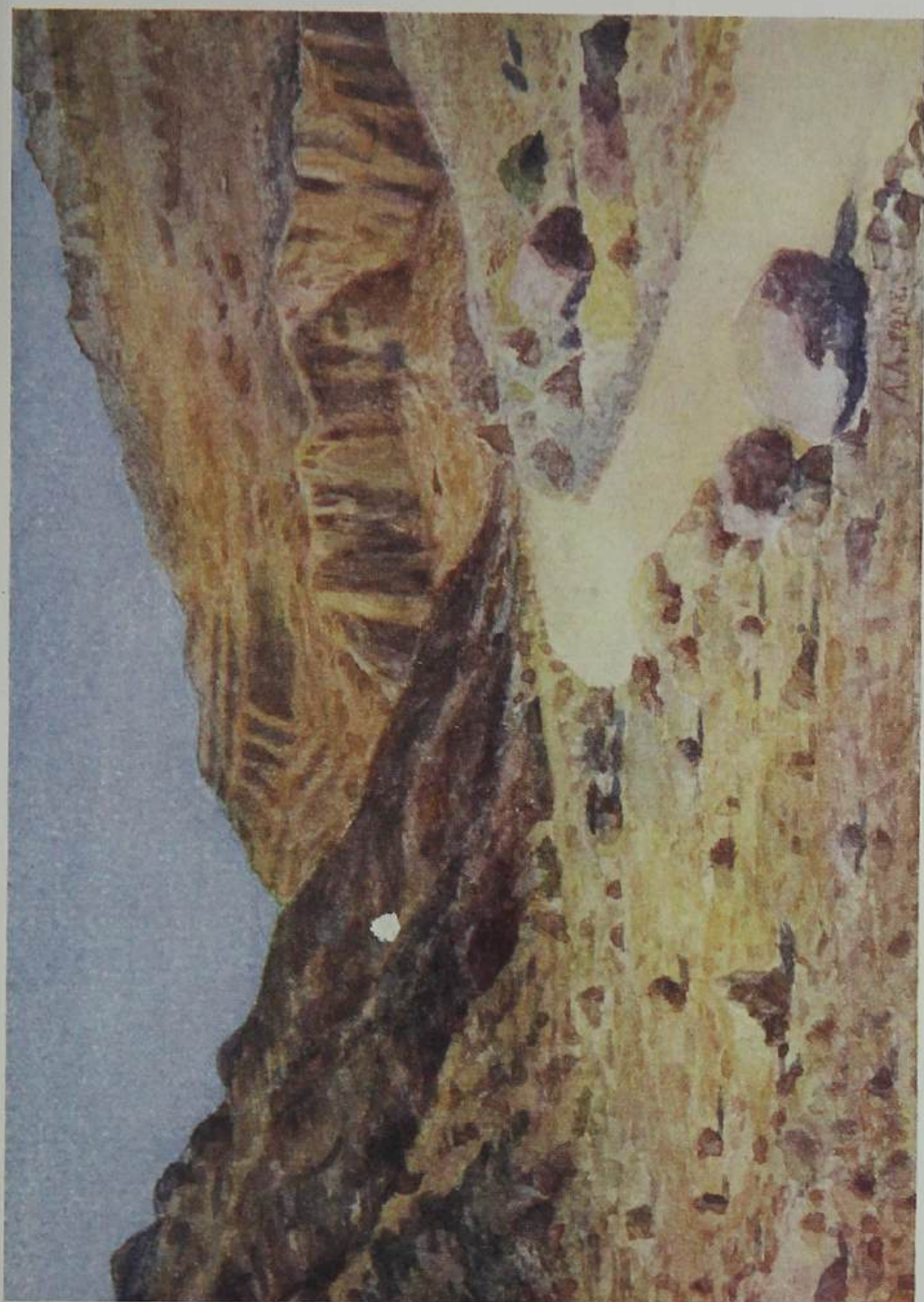
Бругшъ-бею предстояло доставить цѣнную находку въ Каиръ. Между тѣмъ по всей странѣ разнеслась съ быстротою молніи вѣсть, что внизъ по Нилу слѣдуетъ погребальная флотилія съ прахомъ бывшихъ властителей Египта. Населеніе высыпало на берегъ; женщины съ распущенными волосами, мужчины съ посыпаною пепломъ главою, старики, юноши и дѣти,

Рогачев Н. Н.

Литература

Долина Царей.

ДОЛИНА ЦАРЕЙ.

Долина царей.

стоя на возвышенныхъ мѣстахъ, по случаю разлива, часами ожидали появленія на горизонтѣ траурныхъ фелугъ. Въ сердцѣ феллаха пробудилась вѣками спавшая любовь къ его славнымъ фараонамъ, и, какъ 3000 лѣтъ тому назадъ, сопровождаемая плачемъ и стенаніями облеченного въ трауръ населенія, плыли по священной рѣкѣ муміи бывшихъ властелиновъ Египта къ ихъ новому «вѣчному жилищу».

III.

Въ Каирскомъ музеѣ находятся въ настоящее время муміи: перваго изъ фараоновъ-завоевателей, Тутмеса III, безсмертнаго строителя Абидосскаго святилища, Сети I, побѣдителя надъ гиттитами, Рамзеса II и многихъ другихъ, покрывшихъ неувядаемою славою свои имена; между ними, — современника Моисея, фараона Менептахъ; мумія его была освобождена отъ погребальныхъ пеленъ и окончательно опознана лишь въ минувшемъ году. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ весь образованный міръ результатовъ научной экспертизы, долженствовавшей безспорно установить принадлежность означенной муміи Менептаху и подтвердить или опровергнуть фактъ пребыванія трупа болѣе или менѣе продолжительное время въ водѣ. Присутствовавшими на экспертизѣ подтверждено, что Менептахъ скончался въ преклонномъ возрастѣ, около 80 лѣтъ; лицомъ онъ походилъ на отца своего, Рамзеса II, а

Въ странѣ Амонъ-Ра.

тѣлосложеніемъ на дѣда, Сети I-го. Мумія его подверглась ограбленію тысячелѣтія тому назадъ, при чемъ пострадала грудная клѣтка; правая рука была сломана между кистью и локтемъ и нижняя часть живота вдавлена во внутрь; что же касается пребыванія трупа, хотя-бы самое короткое время, въ водѣ, то объ этомъ не могло быть рѣчи. Выводъ отсюда былъ ясенъ: Менептахъ не погибъ въ водахъ Чернаго моря, преслѣдуя евреевъ, какъ о томъ говорится въ Библии, «но Моисей, — вполне основательно замѣчаетъ проф. Масперо, — не «называется по имени фараона, преслѣдовавшаго «израильтянъ при оставленіи ими Египта; эта «роль приписывается Менептаху не священ- «нымъ преданіемъ, а болѣе или менѣе точ- «ными исчисленіями. Въ царствованіе первыхъ «Птолomeевъ, когда Александрійскіе евреи впер- «вые вошли въ общеніе съ египетскими уче- «ными, они принялись за тщательное изученіе «всего, что относилось къ ихъ народной исто- «ріи, въ лѣтописяхъ Мемфиса и Оивъ. Книги «Бытія», «Исходъ» и другія содержатъ упоми- «нанія о различныхъ фараонахъ, не называя «ихъ по имени. Оставался единственный спо- «собъ пополнить этотъ пробѣлъ въ священ- «номъ писаніи, а именно: вычисливъ, сколько «лѣтъ протекло со временъ Авраама и Іосифа «до Моисея, опредѣлить, кто изъ фараоновъ «занималъ египетскій престолъ въ это время? «Но такъ какъ хронологія еврейской исторіи «не могла быть установлена съ достаточною

Долина царей.

«точностью, то изслѣдователи приходили къ различнымъ выводамъ: одни приурочивали исходъ къ царствованію Ахмеса, изгнавшаго гиксосовъ, которыхъ они смѣшивали съ израильтянами; другіе отождествляли фараона временъ Моисея съ какимъ-то Вокорисомъ, о которомъ вовсе не упоминается на египетскихъ памятникахъ, третьи признавали его за Аменготепу III, четвертые, наконецъ, — за Менептаха. Мнѣніе послѣднихъ восторжествовало, и дѣйствительно оно до сихъ поръ является наиболѣе правдоподобнымъ, но тѣмъ не менѣе далеко не безспорнымъ. Его отвергаютъ нѣкоторые изъ современныхъ изслѣдователей библейской исторіи, считающіе за фараона «Исхода» одни—Аменготепу III-го, а другіе—Сети II-го. Не слѣдуетъ чрезмѣрно удивляться такой неопредѣленности: исходъ евреевъ изъ Египта, которому мы, по причинамъ религіознымъ, придаемъ огромное значеніе, явился въ свое время происшествіемъ маловажнымъ. Орда чужеземныхъ рабовъ покинула Дельту, разбила высланную вслѣдъ за нею погоню и скрылась въ Синайской пустынѣ. Что значилъ этотъ пограничный инцидентъ въ сравненіи съ опасностью, которая грозила Египту со стороны ливійцевъ или же вторженіями сирійцевъ, чуть не разрушившихъ къ тому времени монархію Менептаха? Современники едва обратили вниманіе на бѣгство Израиля, а послѣдующее поколѣніе, вѣроятно, вовсе позабыло о немъ».

Въ странѣ Амонъ-Ра.

IV.

Въ позапрошломъ году, при производствѣ раскопокъ въ «долинѣ царей», американцу-любителю, Т. Девису, посчастливилось обнаружить, вблизи сиринги Аменготепъ II-го, избѣжавшую разграбленія усыпальницу царицы Тіи, любимой супруги Аменготепъ III-го. Всецѣло владѣя умомъ фараона, царица Тіи оказывала вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ и сумѣла воспитать сына своего, наследника престола, въ любви и уваженіи къ родителямъ, такъ что, когда Аменготепъ IV, по смерти отца, принялъ бразды правленія, значеніе царицы-матери не только не ослабло, но возросло. Нѣкоторые историки не безъ основанія полагаютъ, что лишь подъ давленіемъ со стороны умной и честолюбивой Тіи молодой фараонъ рѣшился вступить въ борьбу съ могущественными жрецами Амона и не задумался передъ религіознымъ переворотомъ ради усиленія царской власти.

Когда Девисъ и его сотрудники проникли въ склепъ и ввели туда электрическій токъ изъ сосѣднихъ царскихъ сиринговъ, глазамъ ихъ представилось поразительное зрѣлище: все подземелье озарилось отблескомъ золота. На полу, по стѣнамъ, по потолку, повсюду сіяло золото, яркое и чистое, — едва потускнѣвшее отъ тонкаго слоя пыли, оно переливало тысячами огоньковъ то красныхъ, то оранжевыхъ, то

Долина царей.

желтыхъ, будто драгоцѣнный металлъ всей земли фараоновъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ по темнымъ закоулкамъ обширнаго тайника. Среди этой сказочной роскоши, въ одномъ изъ угловъ усыпальницы, покоился на золотыхъ похоронныхъ саняхъ великолѣпный гробъ, тоже золотой, сверкавшій драгоцѣнными камнями и цвѣтной эмалью. На крышкѣ его изображена была царица Тии. Но гробъ, какъ оказалось, опрокинулся на сторону, одна изъ боковыхъ стѣнокъ его выпала, и мумія лежала рядомъ на пескѣ.

Не долго продолжалось очарованіе.—Золото, которое такъ ослѣпительно сіяло, оказалось тонкими золотыми листами, едва державшимися на мѣстѣ посредствомъ какого-то клейкаго вещества; драгоцѣнные каменья и эмаль были простыми цвѣтными стеклами, или дешевыми камешками. Словомъ, вся роскошная обстановка не представляла никакой рыночной цѣнности. Едва струя свѣжаго воздуха проникла во внутрь усыпальницы, какъ ея золоченая обшивка начала понемногу спадать, какъ струпья съ заживающей раны, и вскорѣ обратилась въ мелкую пыль. Отъ волшебной сказки 1001-й ночи не осталось слѣда. Да и самая мумія, не взирая на всѣ внѣшнія указанія, согласно дальнѣйшему изслѣдованію, не принадлежала царицѣ Тии, а молодому человѣку лѣтъ 25—26.

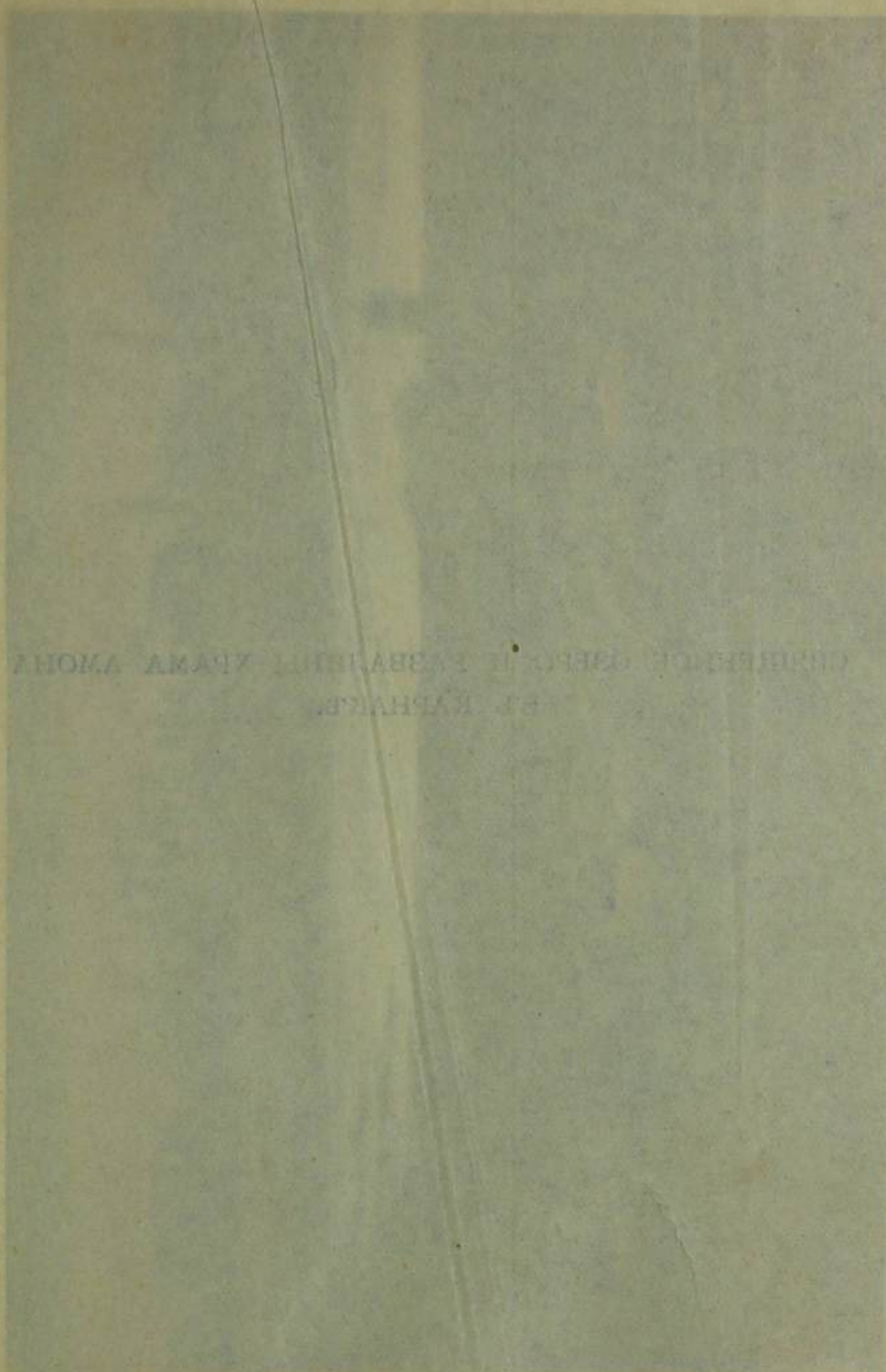
Что же все это означало? По мнѣнію профессора Масперо, знаменитая царица была первоначально погребена въ собственномъ склепѣ,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

близъ Тел-эль-Амарны, гдѣ находилась столица сына ея Аменготепы IV. Во время кровавой реакціи, наступившей вскорѣ послѣ смерти фараона-еретика, когда усыпальницы начали подвергаться оскверненію, прахъ царицы былъ, по всему вѣроятію, тайно вывезенъ на ея собственныхъ похоронныхъ саняхъ вмѣстѣ съ кое-какими предметами культа, спѣшно доставленъ въ «долину царей» и наскоро замурованъ въ чужой сирингѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется чрезвычайная скудость погребальныхъ предметовъ роскоши найденныхъ въ случайной усыпальницѣ Ти. Весьма правдоподобно, что впопыхахъ ошиблись мумією и вмѣсто царицы привезли въ Θивы одного изъ членовъ царской семьи, можетъ быть, зятя покойнаго фараона. Во всякомъ случаѣ, египтяне, совершавшіе погребеніе, были твердо увѣрены, что бранные останки принадлежатъ царицѣ Ти, какъ это видно изъ надписей и фигурныхъ изображеній на саняхъ, по женской причeskѣ муміи и принадлежностямъ ея туалета.

V.

Осмотръ царскихъ усыпальницъ отнялъ не мало времени. Наступилъ вечеръ, когда мы, наконецъ, тронулись въ обратный путь. Алый сверкающій дискъ уже опустился за Ливійскую цѣпь. Фиолетовый сумракъ наполнилъ ущелье, и легкая дрожь пронеслась надъ пустынею. На томъ мѣстѣ, гдѣ угасло свѣтило, небо приняло

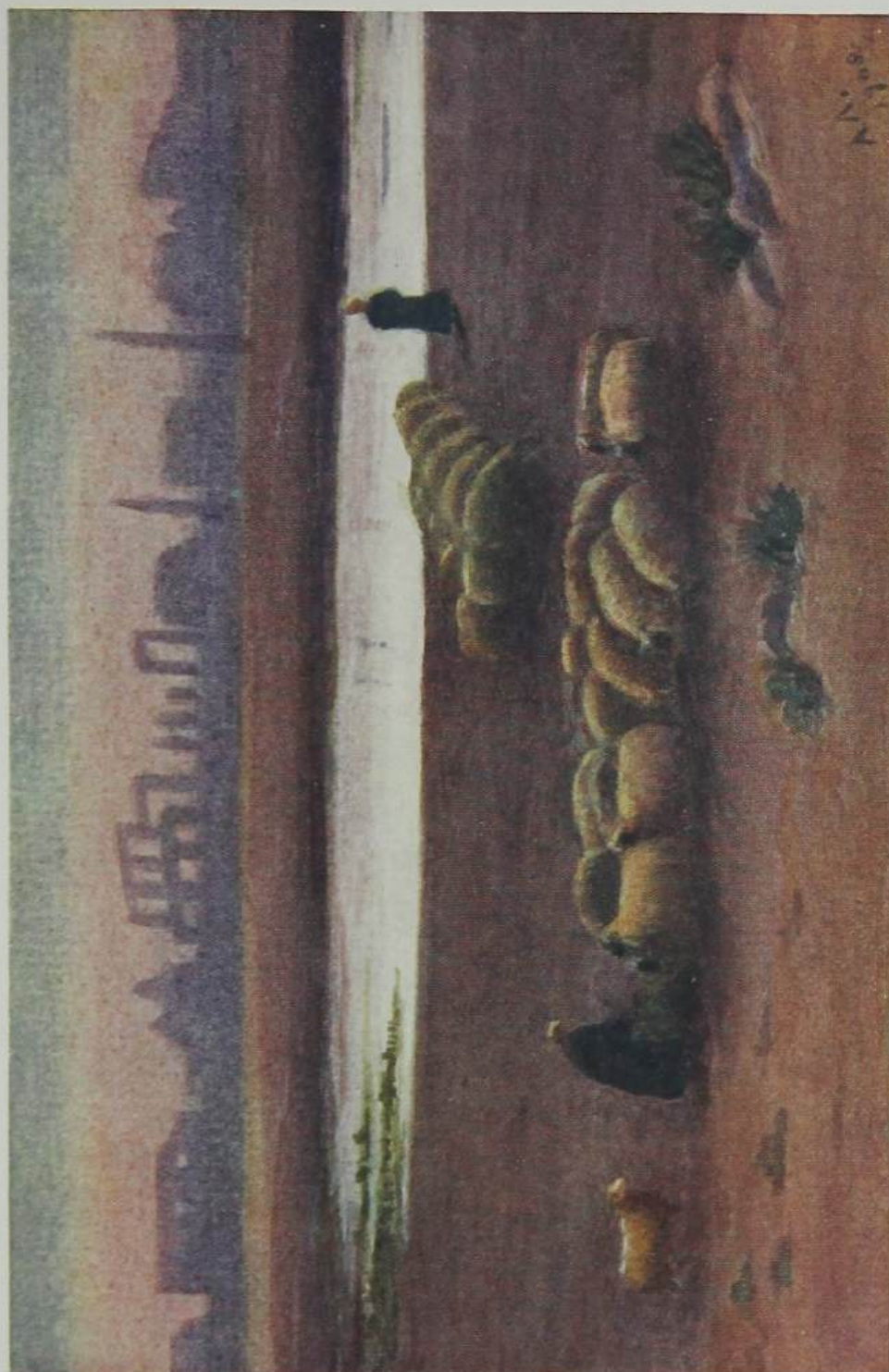
Въ странѣ Амона. Ра

Одинъ Тин-... изъ сто-
лица... кровя-
ной... смерти
... начали
... были,
... на ея соб-
... съ кое-
... оставленъ
... муровать въ
... оуба-
... погребаль-
... въ слу-
... зобно,
... и въ сто на-

СВЯЩЕННОЕ ОЗЕРО И РАЗВАЛИНЫ ХРАМА АМОНА
ВЪ КАРНАКЪ.

... совер-
... что
... Тин,
... и фигурныхъ
... прическѣ
... туалета.

... отъ не
... ин,
... Алымъ
... Туи-скую
... ешелье,
... На
... приняло

Долина царей.

блѣдно-желтый оттѣнокъ, и сразу наступила ночь... Но вотъ лучи желтаго сіянія стали сгущаться въ ярко-золотую завѣсу съ красноватымъ отливомъ, сквозь которую лучезарный ликъ Амонъ-Ра преобразился высоко въ небесахъ. Завѣса постепенно растаяла въ блѣдной лазури; высоко надъ нею образовалось фіолетовое сіяніе; быстро расплываясь, оно заполнило весь сводъ небесный, начавшій было блѣднѣть предъ мракомъ, надвигавшимся съ востока. За далекою Аравійскою цѣпью показалось кровавое зарево; не успѣли мы доѣхать до берега Нила, какъ огромный шаръ полной луны вынырнулъ намъ на встрѣчу и, выростая съ каждымъ мгновеніемъ, плавно поднялся надъ розоватыми вершинами. На тысячи металлическихъ блесковъ раздробилась поверхность воды; на противоположномъ берегу замигали огни Луксорской набережной, и отъ колоннады храма Амона гигантская тѣнь легла на высокій берегъ, пересѣкла широкую рѣку и протянулась вглубь Оиванской равнины...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Лунная ночь въ Карнакѣ.

Полный мѣсяцъ горитъ надъ Луксоромъ. Ночь тихая, теплая, ночь благоуханная окутала прозрачною дымкою рощи и нивы, пески пустыни и царственную рѣку. Нагрѣтая за день земля все еще дышетъ теплымъ дыханіемъ безсмертнаго Амонъ-Ра. Въ такую ночь не уснуть. Ароматы невѣдомыхъ цвѣтовъ мутятъ голову, воображеніе работаетъ, кровь сильнѣе приливаетъ къ сердцу, и кажется, будто древняя земля фараоновъ, пробудившись отъ тысячелѣтняго сна, вотъ-вотъ раскроетъ передъ вами свои потаенныя сокровища, вновь явить ей одной вѣдомыя чудеса!

Ѣдемъ въ Карнакъ, — тамъ ждетъ насъ величественное святилище Амона, и духъ его, какъ въ незапамятныя времена, быть можетъ, паритъ въ эту дивную ночь надъ хрустальными водами священнаго озера. Наша коляска, запряженная парюю сирійскихъ жеребцовъ, съ кучеромъ-негромъ на козлахъ, быстро катитъ по широкому шоссе. Силуэты пальмъ и акацій проносятся мимо въ серебристой пыли. Все кругомъ окрашено въ бѣловатый, блѣдно-голубой и лиловый цвѣта, всѣ предметы кажутся больше,

Лунная ночь въ Карнакѣ.

ближе, таинственнѣе. Свѣжестью вѣетъ съ полей, гдѣ поспѣвающая пшеница начинаетъ колоситься уже во второй разъ. Вотъ подъ сѣнью пальмъ мелькаютъ ряды гигантскихъ барановъ; въ лунномъ сіяніи лоснятся ихъ каменные спины. Какой мощи полна ихъ іератическая поза! Одинъ за другимъ показались оба пилонна гранитнаго храма Консу, покрытые тонкими рельефами. За крутымъ поворотомъ, словно изъ земли, выросли огромная стѣна храма Амона и еще болѣе огромный пилонъ его.

Внутри просторнаго двора все залито луннымъ свѣтомъ, который, точно серебряный потокъ, струится между камней и развалинъ; трепетныя тѣни, то густыя, то прозрачныя бѣгутъ по всѣмъ направленіямъ. Колоссы Рамзеса III, — не вѣдающіе усталости часовые, — грозно стоятъ на стражѣ у входа въ его святилище! Квадратный дворикъ, съ колоннадою и муміеобразными Озирисами исполинскихъ размѣровъ, кажется совершенно новымъ, такъ скрашиваетъ волшебное освѣщеніе всѣ изъязыны, почти возвращаетъ первоначальную прелесть искалѣченнымъ изваяніямъ. Въ глубинѣ «святая святыхъ» — могильный мракъ, не смотря на блестящія пятна, которыя ложатся то здѣсь, то тамъ; это слезы Силены просочились сквозь трещины потолка и каплями падаютъ на каменные плиты пола, медленно катятся вдоль покрытыхъ іероглифами стѣнъ...

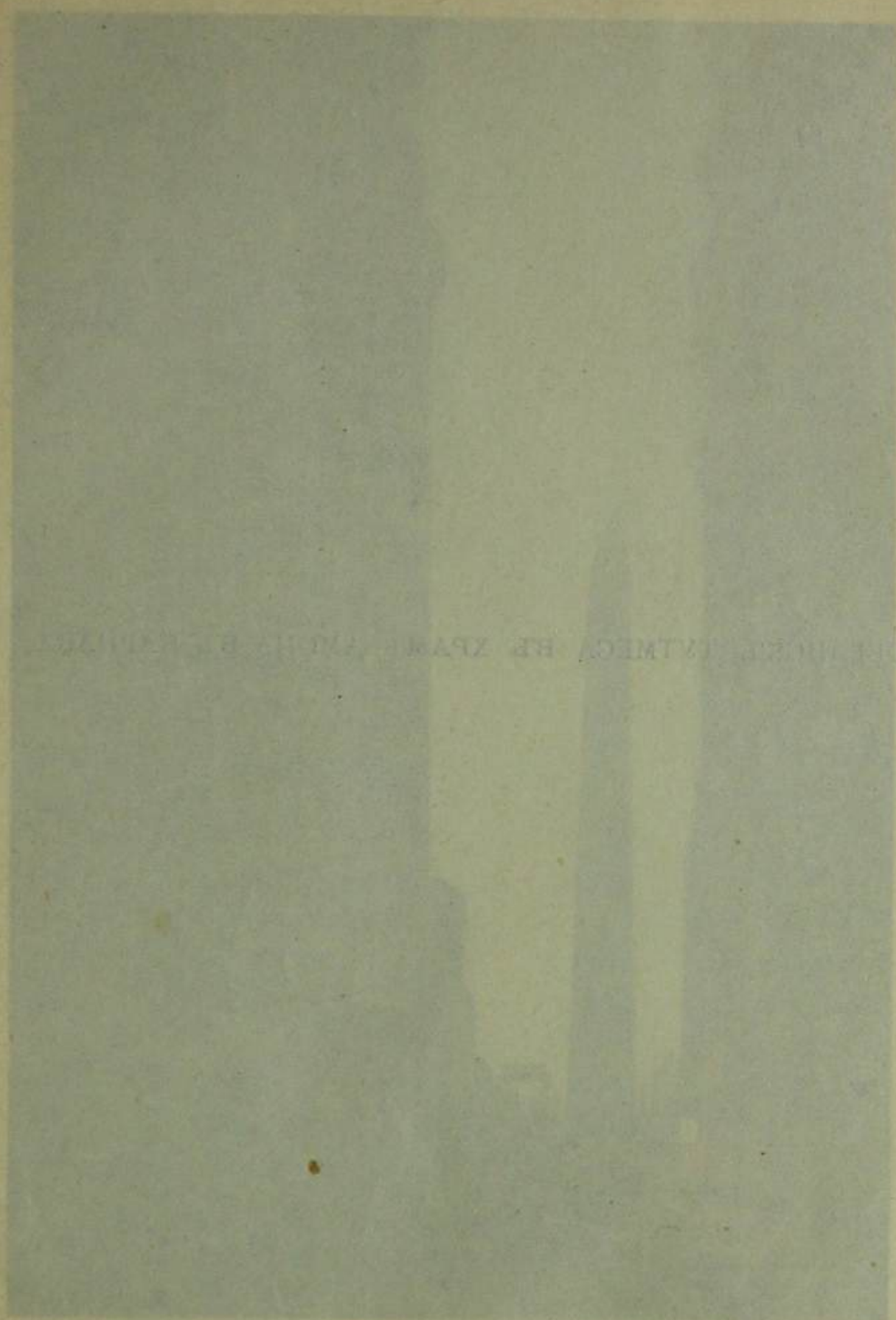
Ипостильный залъ, съ его лѣсомъ гигантовъ-колоннъ, испещренъ черными и бѣлыми

Въ странѣ Амонъ-Ра.

полосами. Ликъ полной луны привѣтливо глядитъ сквозь отверстія верхняго ряда оконъ; въ этомъ преддверіи сокровеннѣйшей части храма, гдѣ все полно великихъ таинъ міроздания, душа проникается сознаніемъ, что жизнь и смерть человѣка слѣдуютъ одна за другой въ рядѣ безконечныхъ воплощеній, подобно этимъ чередующимся полосамъ свѣта и тѣни.

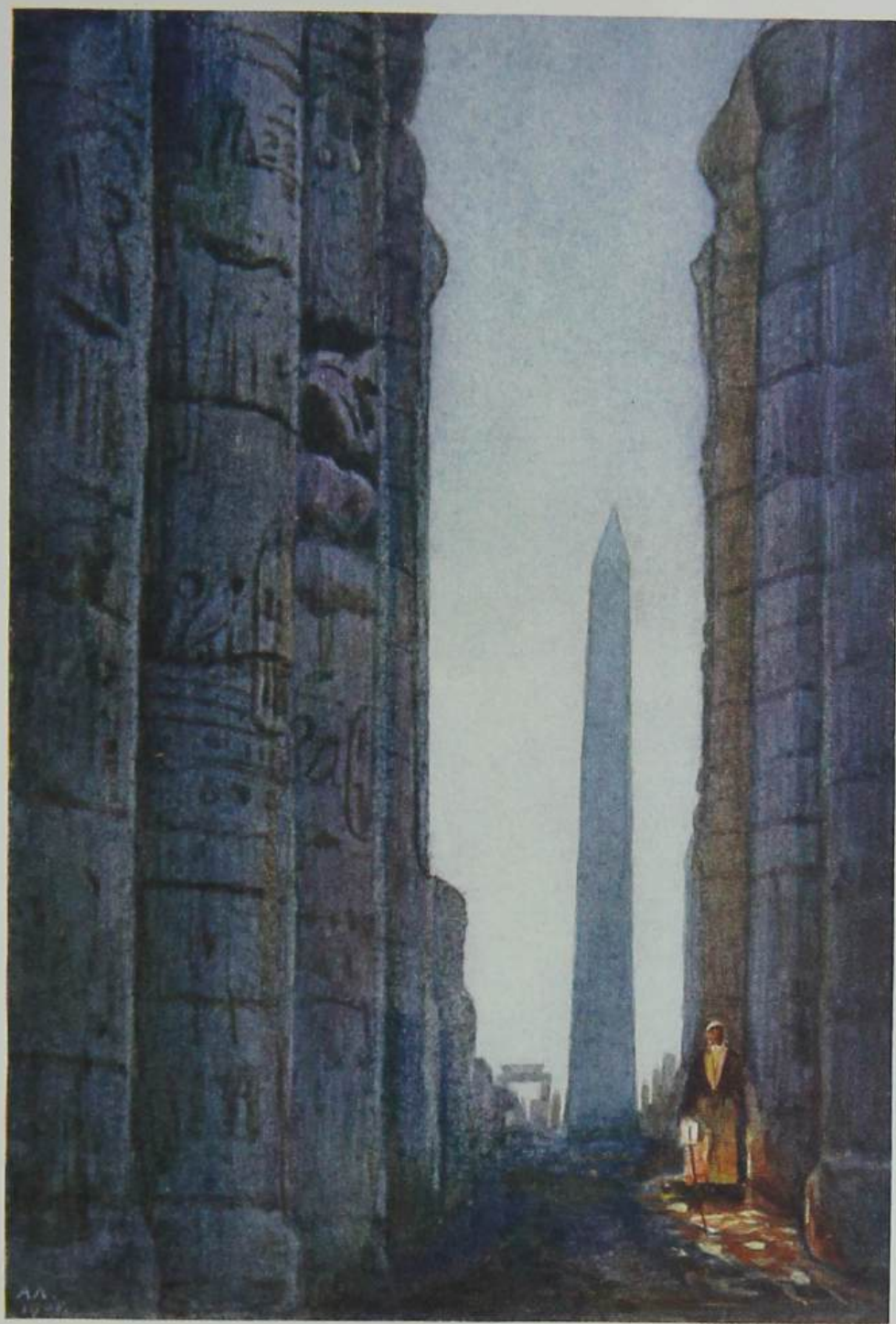
За ипостилемъ начинается рядъ ярко освѣщенныхъ, открытыхъ галлерей — и среди нихъ знаменитые обелиски царицы Хатасу и Тутмеса. Полированная поверхность гранита, какъ сталь, отливаетъ голубымъ сіяніемъ; кругомъ желтѣютъ развалины, и длинный рядъ муміеобразныхъ Озирисовъ строго глядитъ съ высоты на робкаго путника. Обширный храмъ Аменготепы III-го, представляющій изъ себя груды развалинъ, кажется моремъ камней, изъ бездны котораго уныло глядятъ остовы погребенныхъ судовъ. Далѣе идутъ таинственные закоулки, темныя часовни, куда нѣтъ доступа лунному свѣту. Изъ подъ колоннады Тутмеса III-го развалины всего храма имѣютъ видъ волшебной декораціи, чего-то искусственно-сложеннаго для улады взоровъ и умиленія души.

Глубоко въ лощинѣ сотнями огоньковъ искрится поверхность священнаго озера, гдѣ, по преданію, впервые прозвучалъ голосъ Амона. «О владыко небесныхъ сферъ, начало всякой «жизни, обитающій во мракѣ. Ты, тяготѣющій «надъ самымъ собою тайною, которую носишь

Въ странѣ Амонъ-Ра.

ОБЕЛИСКЪ ТУТМЕСА ВЪ ХРАМѢ АМОНА ВЪ КАРНАКѢ.

Лунная ночь въ Карнакѣ.

«въ себѣ, повѣдай намъ эту великую тайну бытія». Но все молчитъ кругомъ. Видно, не даромъ служители Амонъ-Ра ревниво оберегали сокровища своей глубокой мудрости; лишь послѣ продолжительнаго строгаго искуса и тяжелыхъ испытаній приподнимали они, мало-по-малу, завѣсу съ лучезарнаго лика Творца Вселенной передъ жаждавшимъ истины и познанія неофитомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Абидось.

I.

Что за наслаждение скользить въ легкой дахабѣ по тихому широкому Нилу! Зеленою лентою тянутся берега, окаймленные съ обѣихъ сторонъ высокимъ горнымъ кряжемъ, который то приближается вплотную къ рѣкѣ, — и отвѣсныя, бурые скалы отражаются въ зеленыхъ струяхъ, — то далеко отступаетъ къ западу, или востоку, едва замѣтный въ золотистой пыли. За этимъ кряжемъ начинается безпредѣльная, безлюдная песчаная степь, гдѣ шакаль жалобно стонетъ, точно покинутое дитя, гдѣ коршунъ рѣетъ въ раскаленномъ воздухѣ, выслѣживая добычу, и мимолетное марево манитъ обманчивымъ призракомъ прохладной влаги и роскошныхъ лѣсовъ. Есть что-то глубоко успокоительное, врачующее больную душу въ этомъ однообразіи, прелесть котораго заключается въ игрѣ красокъ, въ мягкости тоновъ. Всѣ цвѣта радуги смѣняются другъ друга въ бездонномъ небѣ. Розовое и пурпурное при восходѣ солнца, оно днемъ становится голубымъ, но такимъ блѣднымъ, что едва замѣтна

Абидостъ.

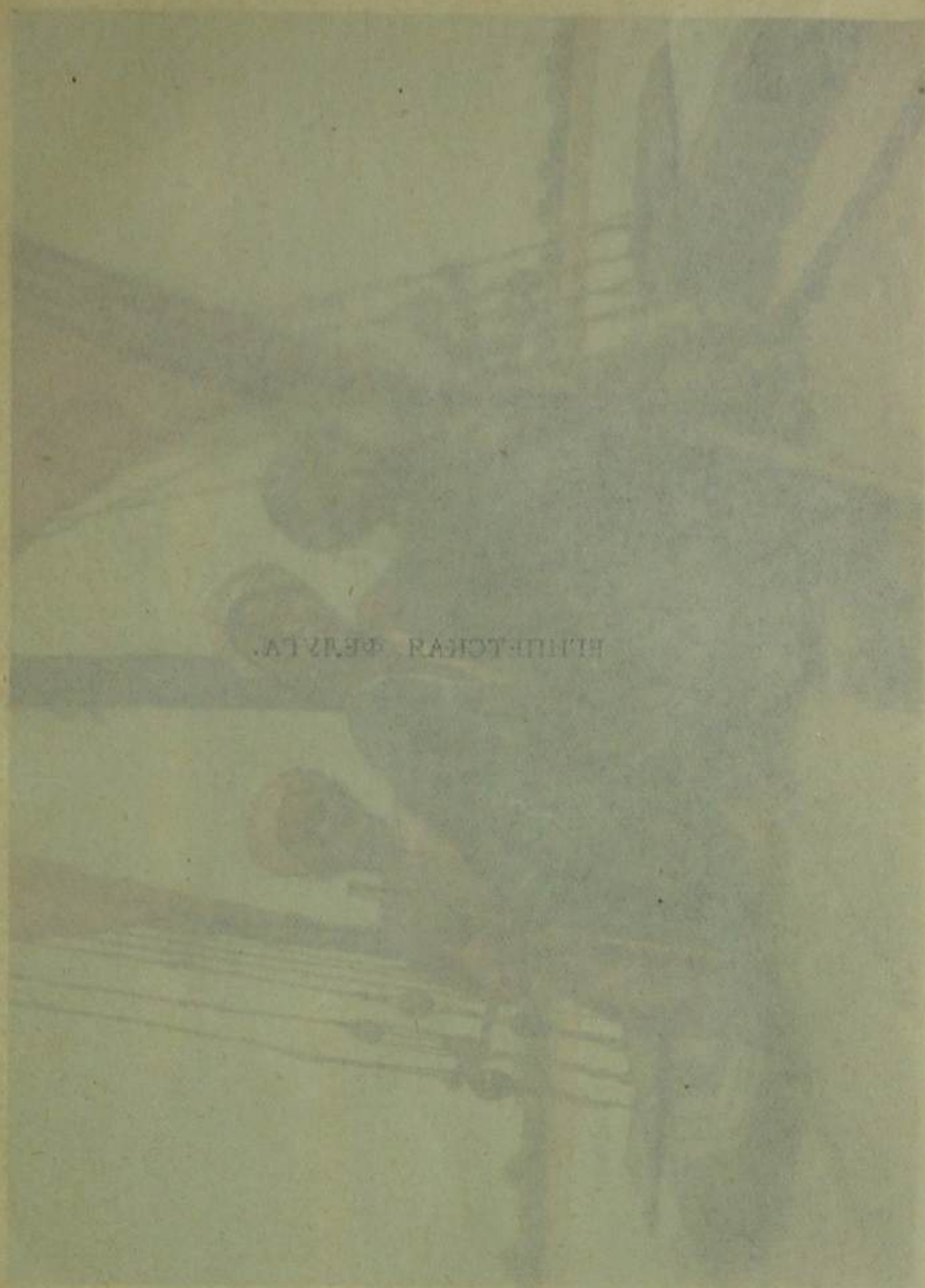
его лазоревая окраска. А подымется сѣверный вѣтеръ, и небо приметъ зеленоватый оттѣнокъ аквамарина. Если же подуетъ огненный камзинъ, то обычная прозрачность воздуха замутится легкою пылью, точно сѣрыя тучи заволокутъ ясную лазурь и грозятъ дождемъ. Но что за волшебная иллюминація зажигается въ небѣ съ заходомъ солнца! Желтый, оранжевый, розовый, фіолетовый, палевый цвѣта, то чередуясь, то одновременно вспыхиваютъ въ разныхъ его концахъ, пока всѣ не сольются въ темно-синемъ бархатѣ быстро наступившей ночи. Иногда же въ первыя сумерки, когда чуть замѣтныя звѣзды начинаютъ мигать высоко надъ головою, небесный сводъ становится золотисто-зеленымъ, какъ прозрачная глубина горнаго озера. Въ соотвѣтствіи съ воздушною феерією, и струи Нила быстро мѣняютъ окраску, облакаются въ безчисленные наряды, отражая въ своемъ хрустальномъ зеркалѣ всѣ цвѣта радуги, только болѣе блѣдными, болѣе зеленоватыми.

Пальмовыя рощи, группы гумми-акацій, тучныя пажити плывутъ по обѣ стороны дахабіе; въ иныхъ мѣстахъ желтые пески пустыни просачиваются къ рѣкѣ между изумрудной зелени. На крутомъ берегу то и дѣло вырастаютъ деревни, однообразно бурья, въ тонѣ окружающей ихъ земли; бѣлыя мечети скромныхъ размѣровъ, съ бѣлыми же куполами и минаретами, ярко выдѣляются на общемъ темномъ фонѣ. Тысячи голубей кружатся въ воз-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

духѣ... Стройныя женщины въ длинныхъ черныхъ одеждахъ, съ закрытымъ вуалью лицомъ, спускаются къ Нилу, поддерживая на головѣ граціознымъ изгибомъ руки глиняный кувшинъ съ продолговатымъ горлышкомъ; зачерпнувъ въ него воды, онѣ медленнымъ шагомъ идутъ въ гору, и концы ихъ легкаго платья волочатся по землѣ на подобіе шлейфа. Временами стада черныхъ козъ и барановъ идутъ на водопой; старикъ-пастухъ, съ сѣдою окладистою бородою, въ бѣломъ халатѣ, съ чернымъ плащемъ на плечахъ и въ бѣлой чалмѣ, опираясь на длинный посохъ, задумчиво глядитъ вслѣдъ убѣгающей дахабіе; его величественная фигура, озаренная косыми лучами заходящаго солнца, напоминаетъ ветхозавѣтнаго патріарха. Вотъ пара тяжелыхъ буйволовъ медленно входитъ въ воду и, высунувъ широкія морды, нѣжится въ прохладныхъ струяхъ.

Рядъ шадуфовъ оглашаютъ воздухъ скрипучею пѣснею; ей вторятъ голоса феллаховъ, вѣчныхъ рабовъ вѣчно жаждущей земли, обреченныхъ всю жизнь орошать ее. Они стоятъ парами на узкой выемкѣ, около аршина надъ уровнемъ Нила, и ровнымъ, механическимъ напряженіемъ бронзовыхъ мускуловъ тянутъ къ сонной рѣкѣ объемистый бурдюкъ, который подвѣшенъ на длинной жерди, опускающейся перпендикулярно къ другой, на подобіе коромысла. Бурдюкъ наполняется водою, а камень, висящій на противоположномъ концѣ верхней жерди, своею тяжестью подымаетъ его на извѣст-

ЕГИПЕТСКАЯ ФЕЛУГА.

Абидосъ.

ную высоту; здѣсь другой феллахъ подхватываетъ и выливаетъ драгоцѣнную влагу въ небольшой резервуаръ, откуда многочисленные каналы разносятъ ее по полямъ. Количество воды, получаемое всякій разъ этимъ первобытнымъ способомъ, весьма незначительно, а между тѣмъ растительность нуждается въ обильной поливкѣ. И вотъ феллахъ во время низкаго стоянія рѣки съ утра до вечерней молитвы проводитъ у шадуфа. Зимнее солнце немилосердно печетъ его, обдуваетъ холодный вѣтеръ, а онъ все трудится и поетъ, поетъ свою вѣками сложенную на трехъ нотахъ пѣсню; отъ шадуфа къ шадуфу летитъ она, однообразная и печальная, все та же со временъ великихъ фараоновъ.

Въ плѣнительномъ однообразіи проходятъ часъ за часомъ, день за днемъ, недѣля за недѣлею на легкокрылой дахабіе. Навстрѣчу ей слѣдуютъ такіе же, какъ и она, плавучіе домики, или широкія фелуги съ остроконечными парусами, подобныя огромнымъ птицамъ; однѣ изъ нихъ перевозятъ семьи туземцевъ съ ихъ домашнимъ скарбомъ, овцами и козами; другія нагружены цѣлыми горами различныхъ плодовъ, тыквъ, мѣшковъ съ зерномъ, или же сотнями глиняныхъ кувшиновъ для воды; а по обѣ стороны тянутся все тѣ же розоватыя горы... Днемъ печетъ солнце, ночью холодъ чувствительнѣе, нежели на югѣ Европы; сухой, сѣверный вѣтеръ дуетъ безъ перерыва въ теченіе зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ, вызывая съ наступленіемъ сумерекъ непріятную дрожь.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

II.

Послѣ нѣсколькихъ дней монотоннаго плаванія, на лѣвомъ берегу Нила показалось среди пальмовой рощицы небольшое, опрятное и веселое на видъ селеніе. Это—Бальяна, гдѣ насъ ожидаютъ лошади, чтобы ѣхать въ Абидось. Абидось!—Какъ долго, какъ страстно мечталъ я посѣтить знаменитую святыню древности, колыбель цивилизаціи въ долинѣ Нила,—и вотъ я у порога ея! Тамъ—вдали, у подножія Ливійскихъ горъ, слабо очерченныхъ въ золотистой пыли, тысячелѣтіями скрывались величественные храмы Сети и Рамзеса, усыпальница Озириса, бережно окутанные въ песчаный саванъ заботливою пустынею.

Не теряя времени, мы трогаемся въ путь, быстро минуемъ Бальяну и выѣзжаемъ за околицу; здѣсь начинаются огороженные глиняными заборами сады апельсиновыхъ, лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ. Далѣе, по обѣ стороны дороги, тянутся безконечныя поля, переливая всѣми оттѣнками зелени, начиная изумруднымъ и кончая оливковымъ. Кое-гдѣ пшевица уже начинаетъ золотиться; рядомъ молодой ячмень, или клеверъ, бобы, плантація сахарнаго тростника; здѣсь одновременно и пашутъ, и сѣютъ, и жнутъ: отъ трехъ до четырехъ урожаевъ въ годъ допускаютъ подобную кажущуюся несообразность. Поля, разбитыя на мелкіе участки, засѣваются различными сортами хлѣбовъ, которые поспѣваютъ далеко

Абидось.

не въ одно и то же время. По равнинѣ разбросаны небольшіе лѣса, рощи и единичныя пальмы, такъ красиво выдѣляющіяся на яркомъ фонѣ тучныхъ пастбищъ. Черныя буйволы лѣниво жуютъ жвачку на пажитяхъ; стада овецъ пасутся въ отдаленіи; верблюды и ослики удивленно смотрятъ на гроыхающій по пыльной дорогѣ экипажъ. Навстрѣчу ѣдутъ верхами бронзолицыя феллахи въ черныхъ, или темносинихъ халатахъ, съ бѣлыми чалмами на головахъ.

По лазури плывутъ легкія облачка, а на туманномъ горизонтѣ блещутъ янтаремъ и перламутромъ Ливійскія горы, со знаменитымъ проходомъ, черезъ который, по вѣрованію древнихъ египтянъ, души умершихъ направлялись въ страну тѣней. На западной окраинѣ этой широкой равнины, всегда почитавшейся одною изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей въ долинѣ Нила, находился въ былое время огромный городъ Абидось, гдѣ покоились мощи Озириса, перваго царя-мученика и въ то же время бога подземнаго міра. Въ окрестныхъ горахъ и пустынѣ испоконъ вѣку хоронили благочестивыхъ египтянъ, желавшихъ лежать по близости священной гробницы, въ надеждѣ обрѣсти безсмертіе черезъ посредство великаго Озириса, который побѣдилъ смерть и первый открылъ человѣчеству тайну воскресенія. Чего только не было въ этомъ некрополѣ! Склепы фараоновъ всѣхъ династій, пышныя саркофаги жрецовъ и безчисленныя могилы состоятельныхъ людей различныхъ слоевъ общества.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Завѣтною мечтою каждого египтянина было пробыть послѣ смерти нѣкоторое время въ Абидосѣ. Вотъ почему туда везли на особыхъ баркахъ съ сѣвера и юга тысячи мумій, помѣщавшихся въ обширныхъ подземельяхъ храма Озириса. Нѣкоторые ограничивались сооруженіемъ себѣ въ святомъ градѣ надгробныхъ плитъ, хотя и были преданы землѣ въ иномъ мѣстѣ. Что же осталось отъ этого величія? Два полуразрушенныхъ мавзолея и часть кирпичныхъ стѣнъ. Неизвѣстно даже, гдѣ, именно, стоялъ храмъ «Доброго бога».

III.

Мавзолей Сети I-го — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній египетскаго искусства временъ новой имперіи, когда техника мастеровъ достигла высшаго развитія, а простота рисунка и художественная реальность изображеній еще не успѣли выродиться въ вычурность и преувеличенность. Первые два пилона, а также обширный дворъ храма пропали безслѣдно; отъ второго двора остался рядъ обезображенныхъ колоннъ передъ входомъ въ ипостильный залъ, не особенно большихъ размѣровъ (52 м. въ длину и 11 въ ширину); за нимъ слѣдуетъ второй ипостиль, много обширнѣе: изъ одного зала въ другой ведутъ семь широкихъ дверей, благодаря чему, оба могутъ, въ сущности, считаться за одинъ. Каменный потолокъ, уцѣлѣвшій лишь отчасти, опирается на цѣлый лѣсъ папи-

А б и д о с ь .

русообразныхъ колоннъ, съ закрытыми капителями, испещренныхъ рельефными изображеніями, такихъ массивныхъ, что онѣ кажутся разбухшими отъ избытка жизненныхъ соковъ.

На сѣверной стѣнѣ ипостиля въ совершенствѣ сохранились лишь три барельефа. Они первоначально были цвѣтными, но краска со временемъ сошла, известнякъ принялъ желтоватую патину, благодаря чему фигуры фараона и боговъ кажутся выстѣченными изъ слоновой кости. По моему, рельефы въ настоящемъ ихъ видѣ выглядятъ болѣе художественными, нежели когда они были покрыты яркою краскою, составлявшей отличительную черту колорита египтянъ. Тонкость работы, законченность деталей здѣсь поразительны. Великолѣпенъ самъ Сети, трижды изображенный приносящимъ жертву различнымъ божествамъ; видно, что скульпторъ имѣлъ передъ глазами не модель, а самого фараона въ расцвѣтѣ его мужественной красоты, — до такой степени, несмотря на условность, соблюдавшуюся египетскими артистами во всѣ эпохи, естественность движеній, выраженіе лица и даже взглядъ — все принадлежитъ живому человеку. Фигуры боговъ въ ихъ іератическихъ позахъ, и тѣ не лишены жизни: ростъ, не превышающій человеческого, придаетъ Озирису, Изидѣ съ ихъ спутниками извѣстнаго рода реальность. О костюмахъ и обстановкѣ говорить нечего — это настоящая миниатюрная работа. Однѣ іероглифическія надписи чего стоятъ!

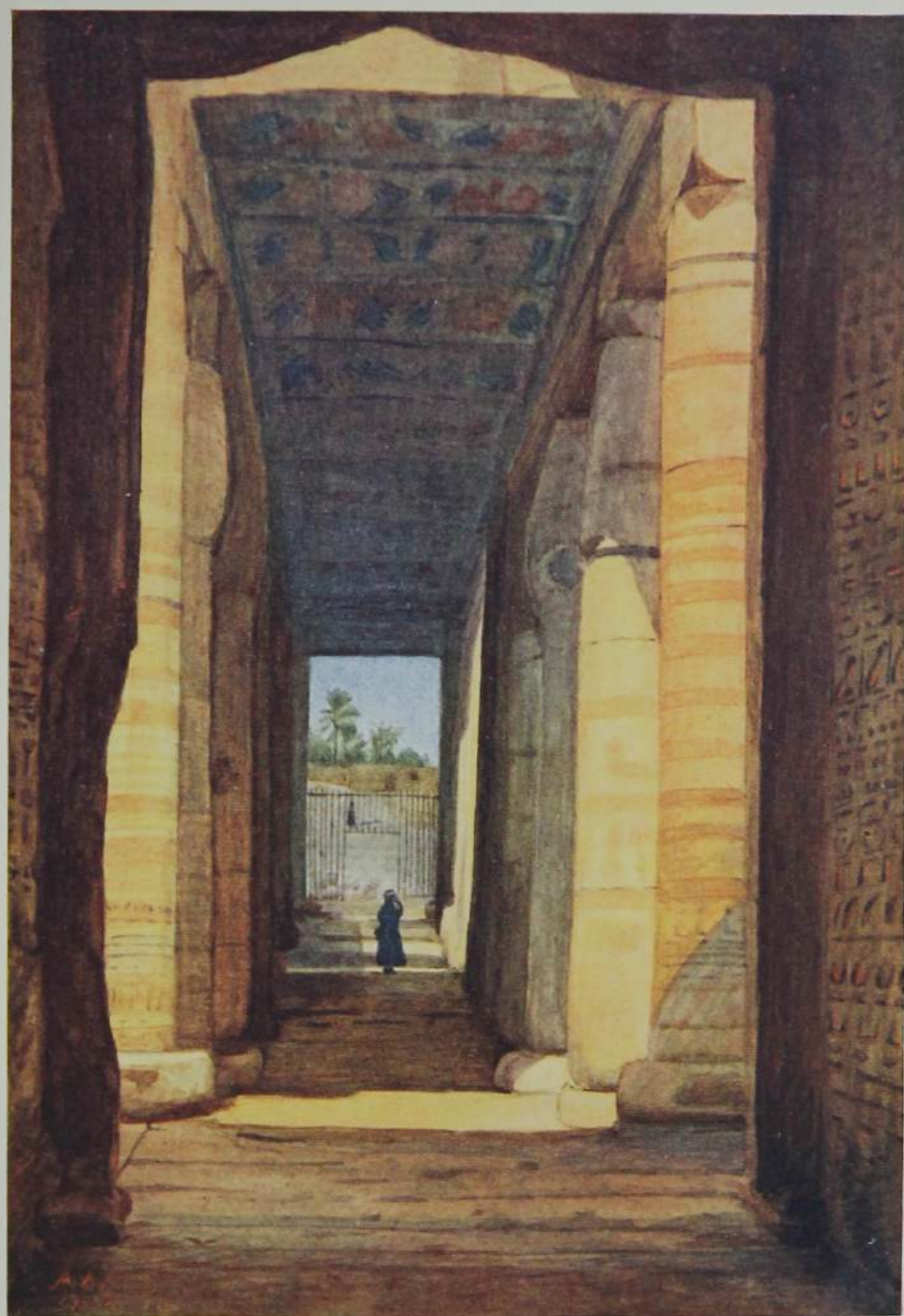
Въ странѣ Амонъ-Ра.

Имя Сети I-го и самаго художника, создавшаго барельефы, можно разсматривать въ лупу.

За ипостилемъ слѣдуютъ семь часовенъ: ихъ входныя двери приходились между рядами колоннъ обѣихъ залъ и помѣщались на возвышенности, благодаря чему изъ глубины алтаря открывался обширный видъ до второго пилона. Отличіе Абидосскаго храма отъ остальныхъ заключается въ томъ, что онъ былъ посвященъ не одному какому-либо божеству, а одновременно цѣлымъ семи, изъ которыхъ каждое располагало особымъ св. святымъ, гдѣ помѣщалась священная ладья. Потолокъ здѣсь имѣлъ форму купола, и всѣ стѣны были украшены цвѣтными рельефами, не утратившими отчасти и доселѣ свѣжести красокъ; впрочемъ, совершенство скульптуры далеко не одинаково въ различныхъ частяхъ храма. Сети I умеръ, не окончивъ сооруженія громаднаго святилища, и особенно его внутреннихъ украшеній; работы продолжались и приведены были къ концу сыномъ его Рамзесомъ II, что въ значительной степени отразилось на ихъ художественности. Великій фараонъ въ теченіе своей жизни воздвигъ столько храмовъ по всѣмъ концамъ своего обширнаго царства, что работавшіе для украшенія ихъ артисты не имѣли ни времени, ни силъ добросовѣстно относиться къ дѣлу; произведенія ихъ, вслѣдствіе этого, носятъ на себѣ слѣды поспѣшности, съ которою они выполнялись, и нерѣдко проглядываетъ въ нихъ извѣстная грубоватость. Кромѣ того, Рамзесъ II

ВНУТРЕННОСТЬ ХРАМА СЕТИ ВЪ АБИДОСЪ.

Абидосъ.

не постѣснялся разбить на нѣкоторыхъ рельефахъ лицо Сети I и замѣнить его своимъ собственнымъ, въ ущербъ единству исполненія.

Съ южной стороны обширный придѣлъ соединяется съ храмомъ посредствомъ крытаго прохода, на стѣнахъ котораго помѣщается знаменитый, такъ называемый «Царскій списокъ изъ Абидоса» — перечень именъ фараоновъ, занимавшихъ египетскій престолъ, начиная съ Менеса, основателя I династїи и кончая Рамзесомъ I, всего 76 именъ. Благодаря этому важному историческому документу, можно болѣе или менѣе точно установить преемственность династїй фараоновъ; многія, однако, отдѣльныя имена умышленно опущены Сети, считавшимъ ихъ почему-либо недостойными числиться въ списокъ его предковъ «по солнечной крови»; передъ этими предками онъ изображенъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ, Рамзесомъ, который читаетъ гимны Амону по папирусу, тогда какъ отецъ кадитъ богу пуанитскій ѳиміамъ. У Рамзеса, въ знакъ несовершеннолѣтія, съ правой стороны спускается до плеча длинная прядь волосъ.

IV.

Минутахъ въ 20 ѣзды отъ мавзолея Сети I начинается мрачная, дикая котловина, окруженная амфитеатромъ обрывистыхъ горъ и усѣянная множествомъ глиняныхъ осколковъ. Нельзя ступить шагу, не раздавивъ нѣсколько изъ такихъ осколковъ, остатковъ отъ безчислен-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

ныхъ вазочекъ красной глины, которыя, въ видѣ ex voto благочестивые современники XVIII и XIX династій посвящали памяти древнѣйшихъ фараоновъ и великому Озирису.

Въ этой котловинѣ были недавно открыты гробницы повелителей Египта временъ, настолько отдаленныхъ даже отъ первыхъ извѣстныхъ намъ историческихъ династій, что имена ихъ не вошли ни въ одинъ царскій списокъ и во-все не упоминаются извѣстнымъ историкомъ временъ Птолмеевъ, Манетомъ. Возможно, что гробницы принадлежатъ доисторическимъ царямъ изъ Іераконполиса, во всякомъ случаѣ, значительно старшимъ I династии. Произведенными раскопками обнаружено, что цари эти являлись представителями уже высокой для того времени культуры и что, слѣдовательно, не постройкою пирамидъ положено основаніе цивилизаціи на берегахъ Нила, а гораздо ранѣе. Но гдѣ же тогда начало?

Приходилось ли вамъ, читатель, въ безлунную, лѣтнюю ночь, выйдя въ открытое поле, взглянуть на звѣздное небо? Тысячи свѣтилъ мерцаютъ цвѣтными огнями, и долго любуетесь вы ихъ яркимъ сіяньемъ. Вглядитесь, однако, пристальнѣе: на темно-синемъ бархатѣ небеснаго свода вы отличите тогда слабые лучи болѣе отдаленныхъ міровъ. Но глаза ваши успѣли привыкнуть къ окутавшему землю мраку, и въ бездонной глубинѣ вселенной за этими свѣтилами появляются еще новыя, едва-едва примѣтныя искорки мірового огня. Гдѣ же конецъ?

Абидосъ.

И въ долину священнаго Нила нѣтъ конца людскимъ поколѣніямъ, хранимымъ песками пустыни и нѣдрами горъ. Едва были открыты усыпальницы фараоновъ I и II династій, достигшихъ уже высокой степени цивилизаціи и могущества, какъ нынѣ появляются на свѣтъ Божій могилы предшественниковъ Менеса, которые, въ свою очередь, не знаменуютъ начала египетской государственности. Египетъ пирамидъ былъ концомъ и разложеніемъ Египта, болѣе древняго; за 6000 лѣтъ до Р. Хр. языкъ его вымиралъ отъ старческой дряхлости, религіозныя вѣрованія преобразовывались, государственный и общественный строй разлагался. Указаніемъ на обычаи тѣхъ отдаленныхъ временъ могутъ служить нѣкоторыя изъ высѣченыхъ внутри пирамидъ V и VI династій молитвъ, сложенныхъ въ эпоху наиболѣе древнихъ царей, а, быть-можетъ, и того ранѣе, когда еще вовсе не существовало фараоновъ.

V.

Вопросъ о происхожденіи египетской расы долгое время оставался спорнымъ; лишь сравнительно недавно, благодаря изслѣдованіямъ доисторической эпохи французскими учеными, Lortet et Gaillard, удалось установить, что уже въ отдаленнѣйшія времена берега Нила были населены, въ области верхняго Египта, расою безъ сомнѣнія мѣстнаго происхожденія (autostone), потомками и представителями которой,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

по сравненію череповъ, слѣдуетъ признать современныхъ коптовъ. Эта раса вполнѣ самостоятельная, африканская, съ ея выдающимися признаками. Настоящій, природный египтянинъ не имѣетъ общаго съ жителями Дельты: онъ не выходецъ изъ Азіи, и въ немъ нѣтъ ничего азіатскаго; природный египтянинъ представляетъ типъ вполнѣ сформировавшійся гораздо ранѣе нашествія различныхъ расъ, вышедшихъ изъ южнаго Египта. Эти послѣднія, по мнѣнію проф. Навиля, были представителями аристократическаго класса въ Египтѣ, потомками завоевателей, которые, родомъ изъ Аравіи, проникли въ долину Нила черезъ Нубію. Аборигены, охотники и рыболовы, носили названіе «Апу», часто встрѣчающееся на древнѣйшихъ памятникахъ. Завоеватели едва ли принадлежали къ семитической расѣ, но были, по всей вѣроятности, гамитскаго происхожденія (Hamites); впрочемъ, они мало что принесли съ собою, кромѣ идей. Письмо, домашнія животныя, утварь, одежда и т. д., — словомъ, вся матеріальная часть цивилизаціи продолжала развиваться и послѣ нашествія иноплеменниковъ на началахъ исключительно мѣстнаго происхожденія. Этимъ различіемъ расы между господствующимъ классомъ, фараономъ, феодалными владѣтелями и жрецами, съ одной стороны, и народною массою — съ другой, можно, отчасти, объяснить замкнутость, которою искони отличалась религія древнихъ египтянъ и глубокую пропасть отдѣлявшую посвященныхъ отъ невѣжественной и суевѣрной толпы.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

но сравненію черенковъ съ египетскими, сформировавшимъ со-
временный континентъ. Въ то же время въ составъ постоян-
ныхъ африканскихъ племенъ входили и племена, при-
надлежавшія къ расѣ, которую мы можемъ назвать не-
избѣги общаго съ египетскими племенами, но не вы-
ходящей изъ Азіи. Въ составъ этой группы входятъ египет-
ская, нубійская, эфиопская, суданская, а также и тунис-
ская, абиссинская, сомалийская, гвинеанская, сенегальская,
и др. племена. Эти племена, по мнѣнію проф. Навиля,
были представителями аристократическаго класса
въ Египтѣ, племенами завоевателей, которые,
родомъ изъ Азіи, проникли въ долину Нила
черезъ Нубію. Абиссинцы, охотники и рыбо-
ловы, носили на себѣ ту же одежду, что и египтяне. Встре-
чающіеся въ древнихъ памятникахъ. Законова-
тели египетскаго права принадлежали къ семитической
расѣ, но, вѣроятно, по всей вѣроятности, гамитскаго
происхожденія (Нашитес); впрочемъ, они мало
что принесли съ собою, кромѣ идей. Письмо,
домашнія животныя, утварь, одежда и т. д., —
словомъ, вся матеріальная часть цивилизаціи
продолжала развиваться и послѣ нашествія ино-
племенниковъ на началахъ исключительно мѣст-
наго происхожденія. Различіе расы
между господствующимъ классомъ, фараономъ,
феодалами и вѣдѣтельными жрецами, съ одной
стороны, и народною массой — съ другой, мож-
но, отчасти, объяснить разнородностью, которою
наполнилось религіозное преданіе египтянъ
и глубокую пропасть отдѣляющую египетскихъ
отъ незнакомыхъ и чуждыхъ племенъ.

ДЕРЕВНЯ АБИДОСЪ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Телль-эль-Амарна.

I.

Свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ дуетъ на встрѣчу нашей дахабіе. Паруса спущены, и однимъ теченіемъ несетъ ее внизъ по взбаломученному Нилу. Волны бѣгутъ въ догонку одна за другою, встряхивая бѣлою гривой, отражая клочья лазури. Легкія облачка кладутъ мимо-летныя тѣни на прибрежныя зеленныя нивы и на бурую поверхность рѣки. Мы приближаемся къ Телль-эль-Амарнѣ.

На восточномъ берегу обширная песчаная равнина окружена амфитеатромъ низкихъ холмовъ. Вотъ и пристань, на которой толпятся феллахи въ ожиданіи туристовъ. Взобравшись на крутой берегъ, мы идемъ среди зеленѣющихъ посѣвовъ пшеницы и ячменя; между ними возвышаются группы финиковыхъ пальмъ. Вдоль дороги тянутся развалины старинныхъ стѣнъ; груды кирпича навалены повсюду; мѣстами попадаются глыбы краснаго гранита; не разъ приходится перескакивать черезъ траншеи, лишь отчасти засыпанныя землею. Встрѣчные туземцы привѣтствуютъ насъ учтивымъ «Наха-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

ракъ Саидъ», т. е. счастливаго дня. Наконецъ, мы подходимъ къ деревянной казармѣ, охраняющей все, что уцѣлѣло отъ стоявшаго на этомъ мѣстѣ въ XV вѣкѣ до Р. Хр. дворца фараона Аменготепы IV. Здѣсь, на пространствѣ 4-хъ небольшихъ комнатъ, разбросаны отдѣльные куски штукатурки съ обрывками цвѣтныхъ картинъ и орнамента. Явственно видны вылетающая изъ зарослей папируса дикая утка, да нѣсколько рыбъ плескающихся въ водѣ... вотъ и все. А въ былыя времена, по описанію современниковъ, царскіе чертоги были убраны съ восточною роскошью. Въ многочисленныхъ залахъ всѣ стѣны и колонны были покрыты художественными фресками яркихъ цвѣтовъ; полы были украшены тонкою росписною штукатуркою, кедровыя двери выложены серебряною инкрустаціею. Кругомъ кипѣла жизнь; по праздникамъ многочисленныя процессіи направлялись къ обширному храму «Атону». Фрески, хранящіяся въ Каирскомъ музеѣ, указываютъ, что народу жилось хорошо; благосостояніе его росло, а различныя торжества служили частымъ развлеченіемъ. Торговля и промышленность процвѣтали; особенно усовершенствовались стеклянное и фаянсовое производства, которыми покровительствовали царская семья и дворъ. Хотя приемы въ живописи оставались тѣми же, какими они были въ Египтѣ, тѣмъ не менѣе замѣтна существенная разница въ выборѣ сюжетовъ, поражающихъ разнообразіемъ и живостью исполненія.

Телль - эль - Амарна.

II.

Основаніемъ своимъ городъ былъ обязанъ фараону-еретику, Аменготепу IV, или, какъ онъ назвалъ себя впослѣдствіи, «Куенатену». Фараонъ этотъ былъ сыномъ Аменготепы III и жены его царицы Тіи, происходившей изъ знатной египетской семьи, хотя и не царской крови. Фараонъ, вѣроятно, женился по любви, и весьма возможно, что жрецы Амона, строгіе хранители національных традицій, оказали извѣстное сопротивленіе, когда Аменготепъ III объявилъ наслѣдникомъ престола сына отъ неравнаго по рожденію брака. Во всякомъ случаѣ Аменготепъ IV всю жизнь не переставалъ преслѣдовать какъ культъ Амона, такъ и его служителей. По восшествіи на престолъ онъ избралъ покровителемъ и верховнымъ божествомъ въ имперіи «Атону», солнечный дискъ, одинъ изъ древнѣйшихъ символовъ бога солнца гелиополитанскаго происхожденія; Атону было присвоено разъ навсегда одно изображеніе — солнца, испускающаго лучи, которые заканчиваются руками. Жертвоприношенія ему состояли, преимущественно, изъ плодовъ и овощей. Всѣ прочія божества были объявлены низложенными.

Этимъ рѣшительнымъ шагомъ фараонъ возбуждалъ противъ себя вражду могущественнаго и богатаго духовенства, и что еще важнѣе — ненависть собственной резиденціи. Оивы испо-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

конъ вѣковъ были городомъ Амона. Объявивъ войну ихъ небесному покровителю, Аменготепъ былъ вынужденъ покинуть столицу и основать новую, названную имъ «Куит-Атону», т. е. горизонтъ солнечнаго диска, гдѣ Атону сталъ господствующимъ, такъ какъ ни одинъ городъ въ Египтѣ не потерпѣлъ бы низложенія своего бога-покровителя, хотя бы въ угоду самому фараону.

Переворотъ, совершенный Аменготепомъ IV, носилъ скорѣе политическій, нежели религіозный характеръ и былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ всемогущества жрецовъ Амона. Суть вѣрованій осталась безъ измѣненія, такъ какъ культъ Атону, будучи старѣйшимъ въ Египтѣ, не только не нарушалъ тайнаго стремленія къ единобожію, олицетвореніемъ котораго къ тому времени являлся культъ Амона, но даже дѣлалъ шагъ впередъ въ этомъ направленіи.

«Сколь дивенъ восходъ твой на сводѣ небесномъ, о Атону божественный, источникъ жизни», поется въ одномъ изъ гимновъ. «Ты грядешь съ востока, наполняя землю красою своею. Великъ ты и прекрасенъ и блестишь ты высоко надъ землею. Лучи твои даруютъ жизнь всякой твари. Подобно Ра, ты несешь намъ все нужное, ты ниспосылаешь яркіе лучи на землю, и день слѣдуетъ за тобой по пятамъ. Ты скрылся на западѣ, и земля, подобно мертвецу, пребываетъ во мракѣ; люди спятъ по домамъ; ихъ головы окутаны; никто не видитъ

THE AMERICAN

Въ странѣ Амонтъ-Ра.

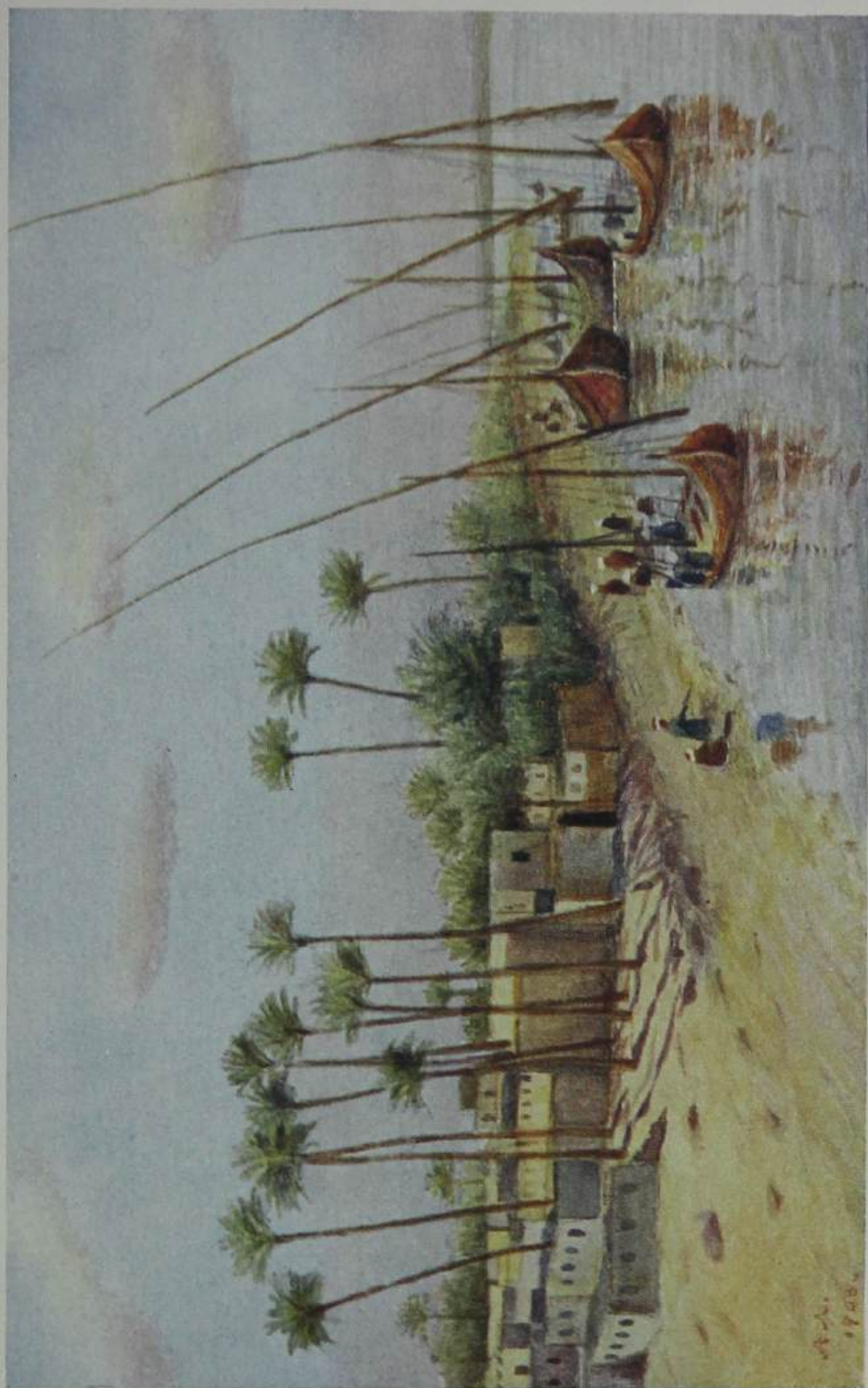
Въ странѣ Амонтъ-Ра, Амонтъ. Объявивъ
мнѣ, что въ этой странѣ, въ Амонтъ-Рѣ
сидитъ великій богъ, я хотѣлъ основать
здѣсь храмъ, въ которомъ я буду молиться, т. е.
Господу. Я хотѣлъ, чтобы въ этомъ храмѣ
были статуи боговъ, чтобы я могъ ходить
къ нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, и чтобы
они могли слышать мои молитвы. Я хотѣлъ
также, чтобы въ этомъ храмѣ были статуи
моихъ родителей, чтобы я могъ ходить къ
нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, и чтобы
они могли слышать мои молитвы.

Въ странѣ Амонтъ-Ра, Амонтъ. Объявивъ
мнѣ, что въ этой странѣ, въ Амонтъ-Рѣ
сидитъ великій богъ, я хотѣлъ основать
здѣсь храмъ, въ которомъ я буду молиться, т. е.
Господу. Я хотѣлъ, чтобы въ этомъ храмѣ
были статуи боговъ, чтобы я могъ ходить
къ нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, и чтобы
они могли слышать мои молитвы. Я хотѣлъ
также, чтобы въ этомъ храмѣ были статуи
моихъ родителей, чтобы я могъ ходить къ
нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, и чтобы
они могли слышать мои молитвы.

НИЛЪ У ТЕЛЬ-ЭЛЬ-АМАРНЫ.

Въ странѣ Амонтъ-Ра, Амонтъ. Объявивъ
мнѣ, что въ этой странѣ, въ Амонтъ-Рѣ
сидитъ великій богъ, я хотѣлъ основать
здѣсь храмъ, въ которомъ я буду молиться, т. е.
Господу. Я хотѣлъ, чтобы въ этомъ храмѣ
были статуи боговъ, чтобы я могъ ходить
къ нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, и чтобы
они могли слышать мои молитвы. Я хотѣлъ
также, чтобы въ этомъ храмѣ были статуи
моихъ родителей, чтобы я могъ ходить къ
нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, и чтобы
они могли слышать мои молитвы.

Въ странѣ Амонтъ-Ра, Амонтъ. Объявивъ
мнѣ, что въ этой странѣ, въ Амонтъ-Рѣ
сидитъ великій богъ, я хотѣлъ основать
здѣсь храмъ, въ которомъ я буду молиться, т. е.
Господу. Я хотѣлъ, чтобы въ этомъ храмѣ
были статуи боговъ, чтобы я могъ ходить
къ нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, и чтобы
они могли слышать мои молитвы. Я хотѣлъ
также, чтобы въ этомъ храмѣ были статуи
моихъ родителей, чтобы я могъ ходить къ
нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ, и чтобы
они могли слышать мои молитвы.

Телль - эль - Амарна.

сосѣда. Изъ логовища выходитъ левъ, и змѣя жалитъ смертельно. Померкло лучезарное небо, нѣмою стала земля. Творецъ всего скрылся за горизонтомъ».

«По утру блестящимъ является онъ въ образѣ Атону, и мракъ бѣжитъ передъ свѣтомъ. Земля ликуетъ. Просыпаются люди, омывають члены свои и одѣваютъ одежды. Въ обожаніи тебя воздымають они руки, такъ какъ ты освѣщаешь землю; всякій возвращается къ трудамъ своимъ; стада идутъ на пастбище, деревья и растенія полны жизни, птицы вылетаютъ изъ гнѣздъ и, распростерши крылья, какъ бы шлютъ мольбы твоему лику. Лучи твои проникають въ бездну морскую и оживляютъ ребенка во чревѣ матери».

«Ты, будучи единымъ, сотворилъ волею твоею землю, людей, домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣрей, все сущее — движущееся на землѣ и летающее по воздуху, земли Сирійскую, Кутскую и Египетскую и всякому ты опредѣлилъ его мѣсто».

«Ты, Боже, единый, сливаешь образъ свой съ живымъ дискомъ. Ты — солнце встающее, сіяющее, пребывающее въ движеніи, всѣ прообразы суть въ нѣдрахъ твоихъ, ты — Боже единый».

Къ интереснымъ выводамъ приходитъ Масперо относительно характера Аменготепа IV. Ученый египтологъ говоритъ, что фараонъ этотъ по природѣ мягкій, любящій, былъ, по видимому, страстно привязанъ къ своей женѣ,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

такъ какъ на всѣхъ рельефахъ царица сопровождаетъ его: они вмѣстѣ совершаютъ жертвоприношенія «Солнечному диску», вмѣстѣ молятся въ храмѣ, слѣдуютъ на колесницѣ, присутствуютъ на торжествахъ. На одномъ изъ барельефовъ царица даже изображена сидящею на колѣняхъ у своего мужа, въ самой непринужденной позѣ. Въ царской семьѣ было 6 дочерей, которыя росли въ тѣсномъ семейномъ кругу: царевны слѣдовали повсюду за родителями, имъ дозволялось играть у трона, пока отецъ ихъ исполнялъ высокія обязанности по управленію государствомъ.

III.

Со смертью своего основателя, Куит-Атону началъ клониться къ упадку. Царствовавшимъ послѣ Аменготепы IV зятьямъ его оказалось не по силамъ продолжать борьбу съ приверженцами Амона. Вскорѣ враждовавшія стороны заключили почетный миръ; культъ Амонъ-Ра былъ возстановленъ, и находившіеся въ изгнаніи жрецы вернулись къ алтарямъ своего бога. Фараоны переселились въ Оивы; за ними послѣдовали придворные, чиновники; движеніе на улицахъ прекратилось; храмы и дворцы опустѣли, гробницы остались неоконченными, или пустовали; самъ Атону вернулся въ свое первоначальное ничтожество. Городъ прозябалъ еще нѣкоторое время благодаря своей промышленности, но въ концѣ концовъ фабрики

Телль - эль - Амарна.

эмали, знаменитыя по всей странѣ, были перенесены въ Оивы и Геліополисъ. Со временемъ царскій дворецъ и храмъ были до основанія разрушены свирѣпыми приверженцами Амона, изображенія Аменготепы IV подверглись истребленію, на всемъ пространствѣ земли Египетской, а отъ «горизонта Солнечнаго диска» остались однѣ развалины. Счастливая случайность разоблачила намъ исторію этого минутнаго величія, но сколько должно было появляться въ Египтѣ другихъ столицъ на мигъ, созданій фантазіи какого нибудь царя, повергнутыхъ во прахъ его пріемниками. Какъ много еще не изслѣдованнаго таитъ отъ насъ древняя земля фараоновъ. Мы едва начинаемъ разбираться въ ея исторіи, надолго искаженной греческими баснями и недомысліемъ. Въ тысячелѣтнемъ прошломъ Египта событія стушевываются и сливаются; но явился новое открытіе — и тысячи деталей ярко выдѣляются на безцвѣтной основѣ, сотни происшествій нарушаютъ однообразіе лѣтописей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

КАИРЪ.

І.

Каиръ для Египта, — гдѣ мы привыкли считать тысячелѣтіями, — относительно новый городъ, основанный арабами лишь 1000 слишкомъ лѣтъ тому назадъ и не имѣющій связи съ царствомъ фараоновъ. Если бы не сосѣдство его съ пирамидами, Саккарою и Геліополисомъ, то о немъ можно было бы вовсе умолчать; онъ олицетворяетъ мусульманскій міръ, безспорно заслуживающій вниманія, міръ своеобразный, по своему прошлому и духовному складу, полный яркихъ красокъ, но въ то же время чуждый той странѣ, куда онъ насильственно проникъ. Для всесторонней оцѣнки этого новаго фактора въ исторіи Египта потребовалась бы цѣлая книга, что выходитъ за предѣлы настоящихъ очерковъ. Ограничимся поэтому общеою картиною современной столицы Египта, съ ея восточнымъ колоритомъ, драгоценными памятниками арабскаго искусства и пестрою уличной толпою. Оставивъ въ сторонѣ европейскій кварталъ, направимся въ ту часть города, гдѣ живетъ туземное населеніе. Улицы

К а и р ъ.

здѣсь до того узки, что два экипажа могутъ съ трудомъ разѣхаться, а мушараби, — рѣшетки точенаго и ажурнаго дерева, которыя окружаютъ со всѣхъ сторонъ закрытые балконы, выступая впередъ отъ двухъ противоположныхъ домовъ, почти касаются другъ друга. Движеніе по этимъ улицамъ — чрезвычайное. Пѣшеходы, телѣги, запряженные мулами, на которыхъ помѣщаются мусульманскія женщины, всѣ въ черномъ, съ покрытымъ до глазъ лицомъ; продавцы всевозможныхъ товаровъ, ослики, верблюды съ сѣдоками или вьюками, — все это кричитъ, визжитъ, ржетъ, скрипитъ. Смѣсь всевозможныхъ типовъ, нарядовъ, нарѣчій и званій. Вотъ идутъ цари пустыни — гордые бедуйны въ бѣлыхъ алжирскихъ бурнусахъ, поверхъ темныхъ гандуръ, стройные, невозмутимые, съ правильными чертами смуглыхъ лицъ; у лавокъ сидятъ, въ красныхъ фескахъ и европейскомъ костюмѣ, греки, армяне, евреи; феллахи въ длинныхъ, голубыхъ блузахъ изъ бумажной матеріи, широко открытыхъ на груди, изъ подъ которыхъ виденъ жилетъ яркаго цвѣта, въ широкихъ шароварахъ, доходящихъ до колѣнъ и съ красными тарбушами на головѣ, обмотанными тюрбанами изъ бѣлой кисеи, слѣдуютъ рядомъ со своими животными, или оживленно торгуются у прилавка. Ихъ жены, съ браслетами на рукахъ и ногахъ, несутъ дѣтей на плечѣ, поддерживая ихъ одною рукою. Черные, какъ смоль, негры, съ лоснящимся лицомъ, съ его характерными чертами, стараются щеголь-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

нута манерами и одѣяніемъ, между тѣмъ какъ меньшая братья ихъ тутъ же шлепаетъ по грязи, едва прикрывая свою наготу. Вотъ, согнувшись подъ тяжестью огромнаго бурдюка, плетется несчастный «Сабба», носильщикъ воды; рядомъ толкаетъ свой лотокъ съ кусками жирной говядины, рыбы или овощей коричневымъ абессинецъ. На открытомъ воздухѣ — лавки всякой всячины: матеріи, туфель, фесокъ, мѣдныхъ или желѣзныхъ издѣлій, цирульни, кофейни, безъ конца. Нищенствующіе дервиши или фокусники, предсказатели; разносчики фруктовъ, лимонада, сластей во всю глотку предлагаютъ свою ношу покупателямъ. Вотъ лавченка совершенно отличная отъ другихъ: на нѣсколькихъ полкахъ расположены книги и листы бумаги. Человѣкъ, сидя, внимательно пишетъ что-то на бюварѣ, положивъ его на свое колѣно. Другой человѣкъ, повидимому поденщикъ, наклонившись, отвѣчаетъ на его вопросы. Это общественный писецъ, къ которому каждый идетъ за совѣтомъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Пронзительный голосъ муедзина раздается съ высоты сосѣдняго минарета, сзывая правовѣрныхъ на молитву. По серединѣ улицы съ трудомъ пробирается сквозь толпу нарядная карета, запряженная парой кровныхъ арабскихъ коней, сѣрой масти. Въ каретѣ сидитъ знатная дама изъ гарема какого-нибудь паши, одѣтая въ черное, съ прозрачною бѣлою вуалью, спускающеюся отъ половины лица почти до ногъ. Впереди экипажа бѣгутъ

К а и р ъ.

два худошавые «Саиса», босоногіе, одѣтые въ легкую бѣлую одежду, въ богато расшитыя золотомъ куртки и съ ослѣпительно-бѣлыми чалмами на головахъ; съ тростями въ рукахъ, они разгоняють прохожихъ.

Рядомъ съ улицею, полною оживленія, крика и гама, гдѣ пыль летитъ во всѣ стороны, за крутымъ поворотомъ, тянется другая улица, погруженная въ молчаніе и одиночество. Кажется, что идешь по мертвому городу, пустынному, всѣми покинутому. Дома, лишеныя оконъ и дверей, выходящихъ на улицу, представляютъ унылую и однообразную линію голыхъ стѣнъ съ обвалившейся штукатуркою...

II.

До вторженія арабовъ въ Египетъ мѣсто настоящаго Каира занимала римская крѣпость Вавилонъ на рубежѣ исполинскихъ египетскихъ городовъ: Мемфиса — на югѣ, Геліополиса — на сѣверѣ. Въ началѣ арабы, подъ предводительствомъ Омара, насчитывали лишь 4.000 человекъ вооруженныхъ всадниковъ, и даже позднѣе, въ эпоху окончательнаго завоеванія Египта, число ихъ не превышало 12.000; если же горсть людей оказалась достаточною для овладѣнія обширною, многолюдною и богатѣйшею областью Византійской имперіи, то причину этого явленія слѣдуетъ искать въ сочувствіи мѣстнаго населенія новымъ пришельцамъ. Господство грековъ было ненавистно египтянамъ, благодаря

Въ странѣ Амонъ-Ра.

религіознымъ преслѣдованіямъ, которымъ они подвергались со стороны православныхъ. Дѣло въ томъ, что христіанство, проникнувъ въ долину Нила еще въ первомъ вѣкѣ, благодаря проповѣди св. Марка, легко и скоро покорило всѣ классы населенія, но въ то-же время новая вѣра выразилась здѣсь въ своеобразной формѣ монофизитства, какъ болѣе подходящей къ мистическому міросозерцанію коптовъ. Съ осужденіемъ Несторія, въ Египтѣ начались преслѣдованія его единовѣрцевъ, отличавшіяся невѣроятною жестокостью. Съ тѣхъ поръ здѣсь не переставали бороться двѣ церкви: Мелекитская, или греко-православная и Якобитская, національно-коптская, или египетская. Слѣпая ненависть къ Византіи бросила послѣднюю въ объятія арабовъ. По совѣту изгнаннаго коптскаго патріарха, паства его не переставала оказывать всякаго рода содѣйствіе мусульманскимъ завоевателямъ, которые обезпечивали имъ свободу вѣроисповѣданія и полное равноправіе; въ послѣдствіи они горько раскаялись въ своемъ ослѣпленіи, но было поздно, и борьба съ мусульманами оказалась уже не подъ силу дряблему племени.

Первое время арабы, дѣйствительно, не вмѣшивались во внутреннія дѣла покоренной ими страны; они даже не основались въ ней осѣдло. На мѣстѣ настоящаго Каира былъ расположенъ ихъ походный лагерь, а палатка вождя стояла тамъ, гдѣ теперь возвышается мечеть Амру, послужившая ячейкою новой столицы. Преданіе гласитъ, будто Амру, по возвращеніи изъ

К а и р ъ.

похода на Александрію, намѣревался перенести лагерь арабовъ въ завоеванную имъ крѣпость Вавилонъ. Когда его солдаты собирались снять палатку калифа, они замѣтили, что на верхушкѣ ея голуби свили себѣ гнѣздо, и голубка сидѣла на яйцахъ. Амру счелъ это хорошимъ предзнаменованіемъ, запретилъ трогать птицу и объявилъ мѣсто, гдѣ стояла его палатка, священнымъ; поверхъ нея онъ вскорѣ выстроилъ мечеть, и первый арабскій городъ въ Египтѣ, выросшій вокругъ новой святыни, получилъ имя Мизр-эль-Фустатъ, т. е. городъ палатки.

III.

Династїи, чередовавшіяся на калифскомъ престолѣ, сооружали различныя части города, но окончательныя границы Каиръ получилъ лишь въ царствованіе Фатимидовъ въ 973 г.; въ моментъ закладки его стѣнъ планета Марсъ пересѣкла меридіанъ новаго города, которому и присвоено было арабское названіе планеты «Эль-Кахиръ», т. е. побѣдоносный. Крѣпость была сооружена позднѣе въ 1176 году великимъ Саладиномъ, употребившимъ на постройку ея камень отъ меньшихъ пирамидъ Гизеа, причемъ работы производились христіанами, взятыми калифомъ въ плѣнъ у крестоносцевъ. По словамъ испанскаго путешественника, Ибн-Губера, посѣтившаго Египетъ въ 1183 году, не было возможности точно опредѣлить огромнаго числа французскихъ плѣнниковъ, работав-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

шихъ въ цитадели. «Если-бы не они», повѣствуетъ рассказчикъ, «то работы никогда бы не были приведены къ концу, такъ какъ одни франки въ состояніи переносить утомительный и тяжелый трудъ: пилить мраморныя плиты, тесать каменные глыбы и высѣкать рвы, окружающіе стѣны крѣпости, въ сплошной скалѣ». Съ эспланады этой цитадели открывается чудный видъ на Каиръ съ его многочисленными минаретами, которые, точно спѣлые колосья, высоко вздымаются въ прозрачномъ воздухѣ надъ плоскими крышами арабскихъ домовъ, куполами мечетей и многочисленными садами. У ногъ — гранитныя глыбы мечети султана Гасана. На сѣверо-востокѣ песчаные холмы съ вѣтряными мельницами; на западѣ — зеленая равнина, по которой вьется серебристая лента Нила, а за нею, точно видѣніе въ золотой пыли, исполинская семья пирамидъ Гизеха. На сѣверѣ — высоты Мокаттама и бесплодная пустыня, убѣгающая въ безконечную даль. Внутри цитадели находится прелестная современная мечеть хедива Мегемета-Али, съ двумя высокими и стройными минаретами, которые видны со всѣхъ пунктовъ окрестностей Каира и придаютъ ему тотъ особый отпечатокъ, который извѣстенъ каждому по различнымъ изображеніямъ. Внизу, у подножья крѣпостного утеса, коронованнаго этою мечетью, начинается рядъ мавзолеевъ калифовъ и тянется по направлению къ сѣверу. Многіе мавзолеи имѣютъ при себѣ надгробныя мечети, изъ которыхъ,

Роголев Н. Н.

К а и р ъ.

однако, большинство пришло въ упадокъ. Все это — единственные въ своемъ родѣ памятники арабскаго искусства. Тонкая, ажурная работа Минбара, придающая мрамору видъ драгоценныхъ кружевъ, арабески, причудливый узоръ каменной и стеклянной мозаики роскошнаго Мирхаба, или символической ниши, указывающей правовѣрнымъ направление Мекки, въ сторону которой они должны обращаться во время молитвы; грандіозные размѣры дворовъ и разнообразіе колоннъ, набранныхъ безъ разбора изъ древнѣйшихъ христіанскихъ и языческихъ храмовъ греко-римскаго происхожденія; кедровые потолки, на которыхъ тускло блеситъ поблекшая позолота; кедровыя двери, во всю вышину покрытыя перламутровою мозаикою, точно драгоценными серебряными кружевами, — вотъ, въ немногихъ словахъ, почти всѣ мечети Каира. Самая красивая часть въ нихъ, по моему мнѣнію, минареты; они до того воздушны, прозрачны, что мѣстами лазурный кусочекъ неба виденъ сквозь ихъ ажурные балкончики. Они словно затканы арабесками; орнаментъ ихъ дышетъ неудержимою фантазіею Востока. Отовсюду видны они вблизи и въ отдаленіи, исчезающіе въ золотистой пыли.

Самыя старинныя и своеобразныя мечети пришли въ разрушеніе; сохранились сооруженныя, сравнительно, недавно. Такъ великолѣпныя святилища Амру, Хакимъ, Эль-Тулунъ давно утѣряли первоначальное великолѣпіе и только поражаютъ огромностью размѣровъ.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Мечети Эль-Муайадъ, Баркука, Гассана и другія, гдѣ еще совершается богослуженіе, происхожденія турецкаго, основаны султанами изъ мамелюковъ. Эти султаны были представителями феодализма, господствовавшего надъ Египтомъ въ теченіе 600 лѣтъ, при преемникахъ Саладина. Престоль пересталъ быть наследственнымъ, султаны избирались мамелюками,—родъ турецкой дворцовой гвардіи,—изъ ихъ же среды. Правленіе ихъ—одна изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ средневѣковаго Египта: это рядъ убійствъ, измѣнъ, жестокостей, грабежа и всевозможныхъ насилій, продолжавшихся вплоть до турецкаго завоеванія. Султанъ былъ не болѣе, какъ старшимъ изъ мамелюковъ, *primus inter pares*, и низводился ими съ престола при первомъ неудовольствіи. Эти изверги, однако, оказались самыми дѣятельными строителями мечетей; имъ обязанъ Каиръ большинствомъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ искусства. Подобная аномалія не разъ встрѣчается въ исторіи Востока: соединеніе крайняго разврата и дикой жестокости съ изысканною утонченностью во всемъ, что касается проявленія матеріальной цивилизаціи, удивительное художественное чутье и пониманіе прекраснаго; олицетвореніемъ этихъ различныхъ свойствъ явились султаны изъ мамелюковъ. Мавзолеи ихъ, расположенные въ пустынѣ на югъ отъ цитадели, подверглись еще большому разрушенію, нежели гробницы калифовъ; тѣмъ не менѣе, даже въ своемъ настоящемъ видѣ, они производятъ извѣстное

К а и р ъ.

впечатлѣніе художественностью и гармонією размѣровъ.

IV.

Вниманія заслуживаетъ также мечеть Эль-Азаръ, сооруженная еще фатимидами, но, благодаря частымъ реставраціямъ, мало что сохранившая отъ тѣхъ временъ; мечеть служитъ арабскимъ университетомъ. Посреди обширнаго внутренняго двора и подъ окружающими его съ трехъ сторонъ колоннадами ежедневно собирается нѣсколько тысячъ правовѣрныхъ, которые, сидя съ поджатыми ногами на циновкахъ, изучаютъ коранъ. Ліуанъ *), внушительныхъ размѣровъ, открываетъ глубокую перспективу; съ одного конца его до другого тянутся восемь рядовъ колоннъ, набранныхъ изъ наиболѣе прекрасныхъ зданій античнаго міра; однѣ изъ нихъ совершенно простыя, другія — покрыты рѣзбою, нѣкоторыя слѣдуютъ группами по три, по четыре. Здѣсь, поджавъ ноги, сидятъ по угламъ почтенные старцы, поучая окружающую ихъ молодежь. Нужно вглядѣться въ лица слушателей: съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ какою пламенною вѣрою, слѣдятъ они за словами учителя, и какой при этомъ взглядъ, полный презрѣнія и ненависти, бросаютъ они на чужеземнаго гяура. У всѣхъ на лицѣ выраженіе экстаза, отреченія отъ жизни.

*) Крытая часть мечети, гдѣ творятъ молитву.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Сюда стекаются студенты со всего мусульманскаго міра. Въ Эль-Азарѣ вы встрѣтите, въ ихъ національныхъ костюмахъ, жителей Туниса, Алжира и Марокко, бедуиновъ, берберовъ, суданскихъ негровъ, выходцевъ изъ далекой Индіи и нашихъ татаръ и туркменъ, всѣхъ возрастовъ и званій; многіе изъ нихъ живутъ въ самомъ зданіи мечети. Съ этой цѣлью имѣются боковыя обширныя пристройки, отведенныя подъ дортуары и классныя комнаты, гдѣ студенты распредѣлены по народностямъ; значительная часть этихъ незатѣйливыхъ казенныхъ квартиръ отдана уроженцамъ Верхняго Египта и Нубіи, составляющимъ наибольшій контингентъ учащихся.

WAP30 JEN KAYHOFB.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Пирамиды Гизеха и Великій Сфинксъ.

I.

Длинная аллея африканскихъ акацій ведетъ изъ Каира къ пирамидамъ Гизеха; она начинается за «большимъ мостомъ», перекинутымъ черезъ Нилъ у казармъ «Казръ-енъ-Нилъ», пересѣкаетъ южную часть острова Гезиреха и новый кварталъ, гдѣ строятся многочисленныя виллы, затѣмъ, круто повернувъ на западъ, тянется прямою линіею на протяженіи 8 километровъ къ «Mena-House» и кончается у подножія пирамидъ.

По обѣ стороны дороги оживленные базары, на которыхъ толпятся феллахи съ ихъ неизмѣнными осликами; груды апельсинъ и тыквъ, связки сахарнаго тростника и горы глиняныхъ кувшиновъ въ безпорядкѣ нагромождены въ отгороженныхъ дворахъ. Далѣе тянутся однообразныя, засѣянные различными сортами хлѣбовъ поля, которыя по всѣмъ направлениямъ перерѣзаны сѣтью безчисленныхъ каналовъ; селенія и отдѣльные хутора утопаютъ въ океанѣ зелени.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Сквозь густую листву акацій растутъ съ каждымъ шагомъ лошадей исполинскіе мавзолеи фараоновъ и вскорѣ застилаютъ своею массою желтѣющіе на горизонтѣ пески пустыни. Мы подкатываемъ къ высокому плоскогорью, на рубежѣ цвѣтущей долины Нила, — достойный пьедесталь пирамиды Хеопса! Какъ-то не вѣрится, чтобы эти единственные въ мірѣ по своимъ размѣрамъ сооруженія могли быть дѣломъ рукъ человѣческихъ. Каменные глыбы одна поверхъ другой вздымаются на головокружительную высоту; онѣ плотно прилегаютъ другъ къ другу и, хотя держатся только искусною шлифовкою, безъ какого либо связующаго цемента, однако незыблемо простояли тысячелѣтія и еще столько же простоятъ на диво человѣчеству, безсмертные памятники таинственной души великаго народа. — «Окаменѣлая молитва передъ загадкою небесъ», какъ сказалъ поэтъ.

Пирамиды, по мысли фараоновъ, должны были служить «вѣчнымъ жилищемъ» для эфирной части ихъ тѣла, извѣстной у египтянъ подъ именемъ «Ка», существованіе котораго считалось въ зависимости отъ сохраненія муміи. Такимъ образомъ, эти исполинскія крѣпости-мавзолеи знаменовали не торжество смерти и разложенія, но жизнь безконечную.

Кругомъ — пустыня, мертвое царство песковъ и камней, и только эти три геометрическія фигуры, словно чудомъ выросшія изъ подъ желтаго савана, грозные часовые, дежурятъ у воротъ некрополя фараоновъ. Вся мѣстность,

Пирамиды Гизеха и Великій Сфинксъ.

куда ни оглянешься, покрыта ихъ меньшими братьями, болѣе или менѣе пострадавшими отъ времени и руки человѣческой: отъ однихъ уцѣлѣли только основанія, другіе на половину разрушены, третьи такъ и остались незаконченными; повсюду — разрытыя могилы и мастабы; глубоко въ землѣ откопаны часовни и храмы; развалины разнообразныхъ формъ и размѣровъ. Да, наконецъ, и сами пирамиды не схожи между собою; первая — созданіе великаго Хеопса, сооруженная за 2900 лѣтъ до Р. Хр. (145 метровъ въ вышину и 233 у основанія), возвышается на утесѣ; до арабскаго нашествія она имѣла богатую обшивку изъ цвѣтнаго гранита, столь искусно полированного, что издали поверхность ея казалась металлическою. Внутри все было расположено такимъ образомъ, чтобы скрыть отъ постороннихъ мѣстонахожденіе муміи, какъ будто фараонъ предвидѣлъ, сквозь завѣсу тысячелѣтій, что грабители могилъ и археологи нарушатъ его вѣчный сонъ. Входъ въ пирамиду помѣщался посреди сѣверной стѣны, откуда нисходящая галлерей вела въ комнату, не законченную и замурованную; надлежало возвращаться ко входу, отыскать въ потолкѣ галлерей отличный отъ остальныхъ камень, сдвинуть его, и тогда открывалась длинная восходящая галлерей, которая разбѣгалась по двумъ направленіямъ. Слѣдуя по одному изъ нихъ, наиболѣе крутому, подходили къ наглухо задѣланной стѣнѣ, которую приходилось пробивать прежде, чѣмъ

Въ странѣ Амонъ-Ра.

проникнуть въ комнату, гдѣ находилась царская мумія.

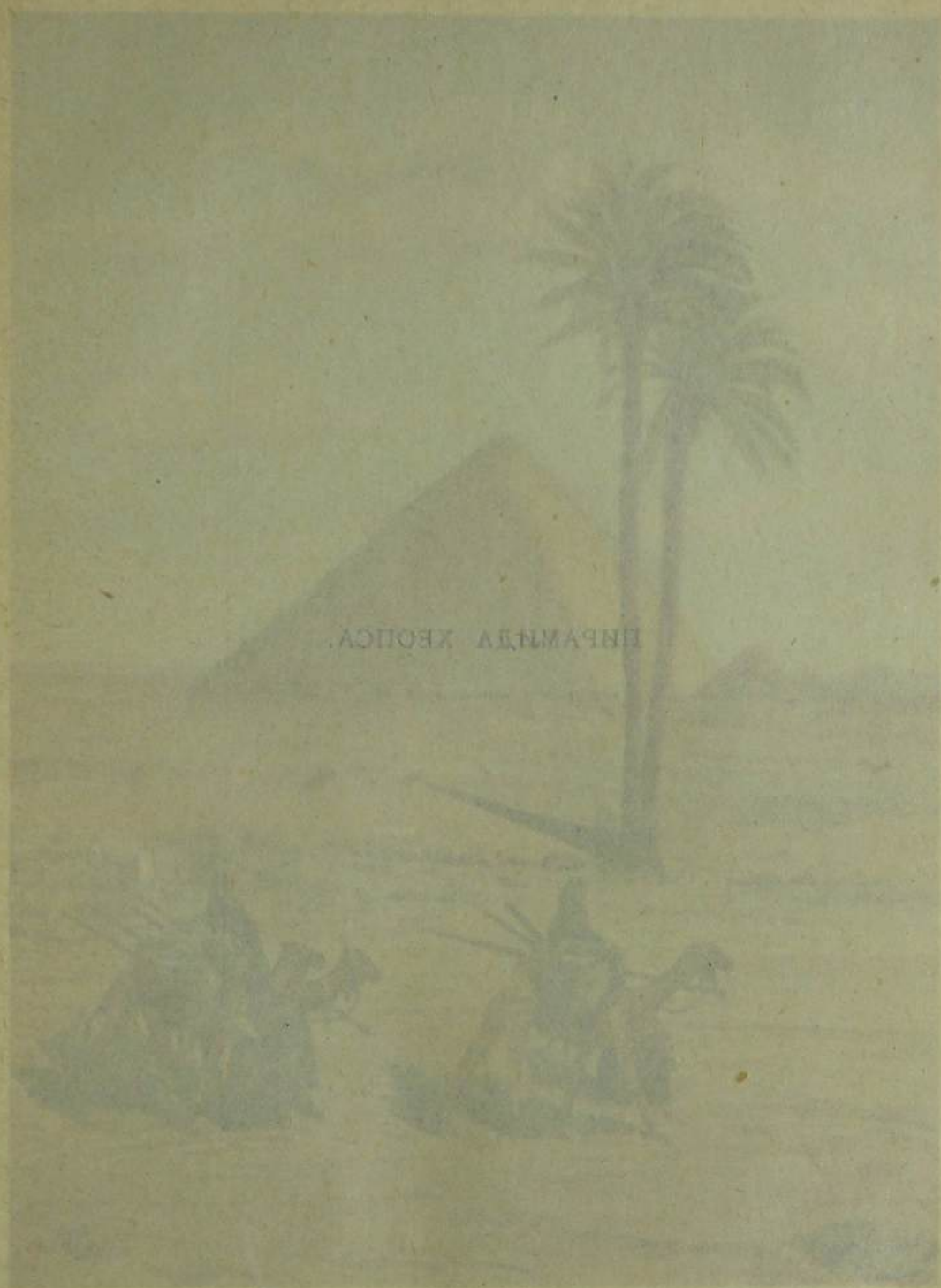
Пирамида Хеопса не разъ подвергалась разграбленію, такъ что, когда въ новѣйшія времена внутренность ея была тщательно изслѣдована, оказалось, что гранитный саркофагъ фараона разбитъ и всѣ находившіеся въ погребальной комнатѣ предметы и сама мумія похищены.

II.

Рядомъ съ мавзолеемъ Хеопса, въ тѣни, болѣе скромная на видъ, возвышается пирамида Кефрена, такая же таинственная и прекрасная, какъ ея старшая сестра. Она имѣетъ основаніе ниже окрестныхъ холмовъ и кажется отгороженною отъ пустыни гранитною стѣною. Обшивка пирамиды, существовавшая еще до середины XVII вѣка, уцѣлѣла лишь на вершинѣ. Усыпальница фараона помѣщалась подъ пирамидою и была высѣчена въ скалѣ, равно какъ и ведшій къ погребальной комнатѣ коридоръ. Внутренность пирамиды подверглась разграбленію еще въ глубокой древности, и когда въ 1818 году Бельцони удалось проникнуть во внутрь царскаго мавзолея, онъ нашелъ тамъ только саркофагъ даже безъ крышки.

Третья пирамида, значительно меньшихъ размѣровъ, сооружена фараономъ Микериносомъ; къ югу отъ нея находятся остатки отъ трехъ мавзолеевъ различныхъ членовъ царской семьи...

Пирамиды Гизеха, если не самое раннее, то

Въ странѣ Ахеменидовъ

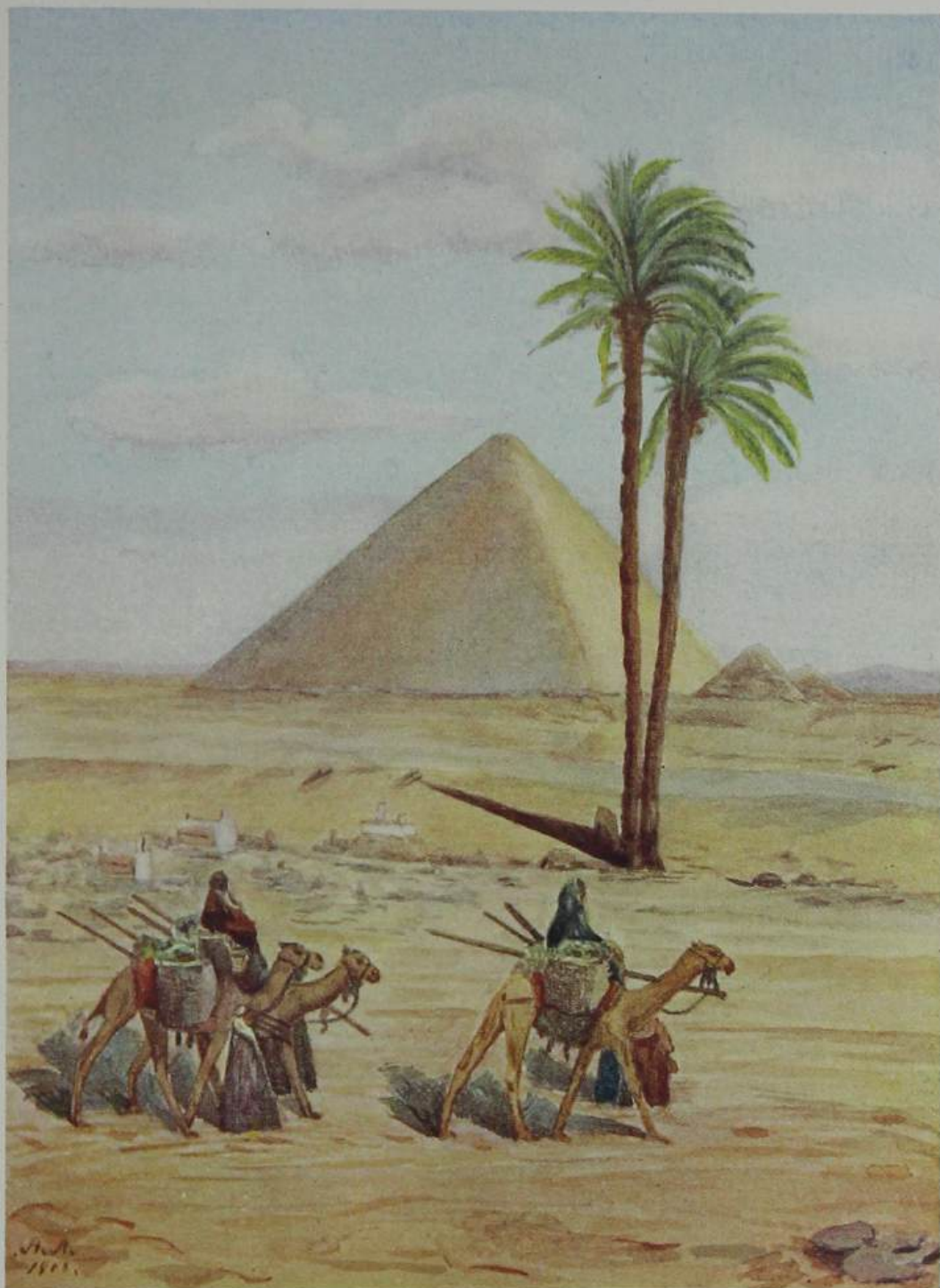
Восточнѣе отъ Ахеменидовъ, въ восточной египетской

Пирамидѣ Хеопса, въ восточной египетской раз-
рушеннѣ, въ восточной египетской вре-
мени египетской, въ восточной египетской иже-
бавѣ, въ восточной египетской саркофагъ
египетской, въ восточной египетской въ по-
добной египетской, въ восточной египетской и сама мумія

ПИРАМИДА ХЕОПСА.

Восточнѣе отъ Ахеменидовъ, въ тѣни, бо-
жественнѣе египетская пирамида
Хеопса, въ восточной египетской и прекрасная,
въ восточной египетской, въ восточной египетской
основаніе египетской, въ восточной египетской
египетской, въ восточной египетской египетской.
Она египетская, въ восточной египетской еще до
египетской, въ восточной египетской на вершинѣ.
Углубленіе египетской, въ восточной египетской полъ пира-
миды, въ восточной египетской, равно какъ
и египетской, въ восточной египетской коридоръ.
Внутренній египетской, въ восточной египетской разграбле-
но египетской, въ восточной египетской, и когда въ
1817 году египетской, въ восточной египетской
египетской, въ восточной египетской, въ восточной египетской
тогда египетской, въ восточной египетской египетской.

Восточнѣе отъ Ахеменидовъ, въ восточной египетской раз-
рушеннѣ, въ восточной египетской египетской,
въ восточной египетской, въ восточной египетской трехъ
мемориалъ, въ восточной египетской египетской...
Пирамиды Хеопса, египетской, въ восточной египетской, то

Пирамиды Гизеха и Великій Сфинксъ.

во всякомъ случаѣ наиболѣе внушительное, дошедшее до насъ отъ древняго міра, свидѣтельство о той эпохѣ, когда на всемірную арену выступило новое, вполне организованное общество, собранное подъ мощную руку централизирующей и всеобъемлющей династїи, IV по счету. Фараоны изъ этой династїи, царствовавшей 150 лѣтъ, явились представителями одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ исторїи Египта; ихъ родоначальникъ, Хеопсъ, происходилъ изъ Мемфиса; какія, именно, событія содѣйствовали возведенію его на престолъ фараоновъ остается до сихъ поръ загадкою, какъ впрочемъ и все царствованіе его, за исключеніемъ немногихъ моментовъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отвергнуть небылицы, взведенныя на Хеопса Геродотомъ, который изобразилъ его безбожникомъ и тираномъ, заслужившимъ, будто бы, ненависть своихъ подданныхъ. Неопровержимые тексты, высѣченные въ вѣчномъ гранитѣ, свидѣлствуютъ объ обратномъ: создатель великой пирамиды былъ государь богобоязненный, сооружавшій и обновлявшій храмы, возстановившій культъ «Горуса, восходящаго утромъ», символомъ котораго былъ сфинксъ. При постройкѣ своего колоссальнаго мавзолея Хеопсъ, хотя и употреблялъ на работу египтянъ, но пользовался преимущественно трудомъ кочевниковъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ при походѣ въ Аравію. Эти походы фараонъ предпринималъ съ цѣлью обезпечить безопасность работъ въ синайскихъ рудникахъ, которымъ не пере-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

ставали угрожать хищные бедуины. Мудрый и справедливый, онъ любилъ науки; имъ, по преданію, введенъ въ употребленіе первый лечебникъ, чудесно найденный въ Коптосѣ на порогѣ святилища Изиды. «Земля была погружена во мракъ,—начертано на каменныхъ скрижаляхъ,—но блѣдные лучи мѣсяца со всѣхъ сторонъ освѣщали загадочную книгу. Жрецы доставили ее, какъ великое чудо, фараону Хеопсу Справедливому».

III.

Все выше подымается солнечный шаръ въ безоблачномъ небѣ, все ярче разгорается подъ его прямыми лучами золото окрестныхъ песковъ. Въ бездонной лазури, высоко надъ пирамидами, крошечная облачка, словно легкія перышки, стремятся на югъ, гонимыя сѣвернымъ вѣтромъ.

Спускаясь по песчанымъ дюнамъ, мы подходимъ къ Великому Сфинксу. Зачѣмъ и съ которыхъ поръ лежитъ подъ палящими лучами солнца, затерянный въ одиночествѣ, этотъ единственный памятникъ давно исчезнувшаго племени? Вѣрнѣе кого-либо хранить онъ тайну своего начала, загадку своего бытія. Чѣмъ глубже проникаемъ мы во мракъ минувшихъ тысячелѣтій, тѣмъ глубже опускается тайна сфинкса въ бездну временъ.

Ранѣе Хеопса, ранѣе историческихъ династій лежалъ на своемъ теперешнемъ мѣстѣ этотъ гигантскій символъ, и улыбка его стиснутыхъ губъ хранила все ту же великую тайну. Вѣка

Пирамиды Гизеа и Великій Сфинксъ.

проносились за вѣками, поколѣнія людскія, съ ихъ радостью и горемъ, смѣнялись новыми поколѣніями, которыя въ свою очередь возвращались въ лоно земли, и каждое изъ нихъ на своемъ нарѣчій задавало сфинксу роковой вопросъ: «Зачѣмъ?» «Зачѣмъ безслѣдно исчезаютъ народы и государства, оставляя новую загадку въ наслѣдіе вѣкамъ? Зачѣмъ дана людямъ жизнь борьбы, сомнѣній, страданій и слезъ съ рѣдкими минутами радости и счастья?» Но сфинксъ не давалъ отвѣта; все также полунасмѣшливо, полупечально былъ устремленъ на вопрошавшихъ его холодный, каменный взоръ.

Что олицетворялъ собою Великій Сфинксъ? Безпощадную ли, неизмѣнно юную природу, утренній ли свѣтъ, гонящій ночную тьму, солнце жизни, вѣчно возрождающееся въ безконечномъ движеніи, или служилъ онъ воплощеніемъ какой либо иной глубокой мысли, великой истины? Никому не дано когда либо разгадать эту тайну. Нѣмой стражъ необъятной пустыни, прикованный къ Ливійской цѣпи, онъ давно исчезъ бы подъ саваномъ песковъ, если бы его не откапывали. Засыпанный ими по грудь, истерзанный природою и людьми, онъ сохранилъ, не смотря на свои раны, какое-то неземное спокойствіе, наполняющее душу глубокимъ уныніемъ и суевѣрнымъ страхомъ. Въ былыя времена въ эпоху славныхъ фараоновъ, Великій Сфинксъ почитался безсмертнымъ. Онъ былъ расписанъ въ яркіе цвѣта, а чело его увѣнчано золотымъ дискомъ. Едва лучезарный Амонъ-Ра

Въ странѣ Амонъ-Ра.

выплывалъ изъ-за Аравійскихъ горъ, лучи его ударяли въ драгоцѣнный вѣнецъ и тогда лицо сфинкса, подобно юному богу, озарялось сотнями огненныхъ языковъ; а теперь... Искривившееся тѣло его имѣетъ мало схожаго съ туловищемъ льва, шея, стертая съ теченіемъ тысячелѣтій, стала слишкомъ тонка для его головы. Носъ у него отбитъ, лицо искалѣчено; и все же ни одно твореніе человѣка не исполнено такой мощи, такого трагическаго величія. Кто хотя разъ созерцалъ Великаго Сфинкса, тому не забыть силы и глубины мысли этихъ безстрастныхъ очей, смотрящихъ поверхъ человѣка, поверхъ человѣчества, далеко за грань земного міра.

БЕЛЫЙ СФИНКС

ВЕЛИКІЙ СФИНКСЪ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

С А К К А Р А.

І.

Въ жаркое апрѣльское утро верхомъ, въ глубь Ливійской пустыни.

Въ карьеръ несутся наши сирійскіе жеребцы не смотря на жгучіе потоки африканскаго солнца. Мелкая желтая пыль вьется столбомъ позади. Мы минуемъ пирамиду Хеопса, и Сфинксъ провожаетъ насъ холоднымъ взоромъ каменныхъ очей. Немного спустя вся группа пирамидъ остается позади. Мы мчимся у подножія песчаныхъ холмовъ; на востокъ все время видна далеко, въ сизомъ туманѣ зеленая полоса роскошныхъ нивъ и стройныя пальмовыя рощи, а между ними небольшія деревушки феллаховъ. Впереди появляется группа пирамидъ Абусира. Наши лошади бьютъ подковами священную землю — все пространство, начиная отъ Абу Роашъ (8 кил. сѣвернѣ Гизеха) и до Дахшура — цѣпь гигантскихъ некрополей, гдѣ почіетъ болѣе 150 людскихъ поколѣній, находившихъ себѣ могилы въ теченіе 5000 лѣтъ на западной окраинѣ Мем-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

фиса. Группы пирамидъ знаменуютъ лишь царскіе мавзолеи различныхъ династій фараоновъ, правившихъ Египтомъ, а кругомъ нихъ, куда только взоръ хватаетъ — миллионы холмиковъ всевозможныхъ размѣровъ, безконечныя могилы, въ большинствѣ случаевъ разрытыя искателями кладовъ съ древнѣйшихъ временъ и вплоть до нашихъ дней. Пирамиды сооружались, по желанію строителя, въ одномъ изъ некрополей огромной столицы, растянувшейся съ сѣвера къ югу на протяженіи 20 верстъ, а потому онѣ размѣщены нѣсколькими группами, смотря по династіямъ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга.

Абусирскія пирамиды растутъ, и вскорѣ мы подѣзжаемъ къ ихъ основанію. Построенныя фараонами V династіи менѣе искусно, нежели ихъ предшественницы въ Гизехѣ, онѣ производятъ жалкое впечатлѣніе своимъ обтрепаннымъ видомъ и небольшими размѣрами (въ 50 м. выш.); двѣ изъ нихъ стоятъ одна возлѣ другой, а третья нѣсколько поодаль; рядомъ со среднею откопанъ въ прошломъ году надгробный храмъ; неопытному человѣку, однако, трудно составить себѣ какое-либо понятіе о томъ, чѣмъ онъ былъ когда-то, такъ мало отъ него уцѣлѣло; интересенъ огромный жертвенный камень, изъ одной глыбы алебаstra, возвышающійся среди руинъ святилища. Вслѣдъ за Абусиромъ, съ перваго пригорка, открывается видъ на группу пирамидъ Саккары, гдѣ еще сохранились, единственные по красотѣ, истори-

С а к к а р а.

ческому и художественному значенію, памятники сѣдой старины. Кругомъ—все пески, горячіе, глубокіе, сверкающіе на солнцѣ. То подымаясь, то спускаясь съ песчаныхъ дюнъ, лошади наши безъ устали скачутъ, лишь съ короткими передышками.

Пирамиды Саккары на нѣсколько сотъ лѣтъ старше гизехскихъ (4200 лѣтъ), но за то онѣ ниже и менѣе прочно сложены. Самая замѣчательная изъ нихъ; такъ называемая «пирамида со ступенями», отчетливо видна впереди. Это одно изъ древнѣйшихъ сооруженій на земномъ шарѣ служило мѣстомъ погребенія фараона Тъезера, родоначальника III династіи; она насчитываетъ около 6000 лѣтъ существованія и состоитъ изъ шести этажей; площадь каждаго изъ нихъ, по мѣрѣ возвышенія, уменьшается на 2 метра и образуетъ такимъ образомъ ступени, придающія этой пирамидѣ отличный отъ прочихъ видъ; въ сущности она не что иное, какъ одна «мастаба», положенная на другую и служащая основаніемъ для слѣдующей, меньшихъ размѣровъ. Кругомъ одни пески безъ конца и рядъ разрытыхъ могилъ.

II.

Невдалекѣ отъ «пирамиды со ступенями» находятся гробницы священныхъ быковъ Птаха, извѣстныхъ подъ именемъ Аписа; со временемъ Аписа стали отождествлять съ одною изъ формъ Озириса, въ качествѣ владыки Запада,

Въ странѣ Амонъ-Ра.

или загробнаго міра, откуда произошло названіе Озеръ-Хапи, передѣланное греками въ Озераписъ и Сераписъ; мѣсто погребенія Аписа называлось въ эпоху владычества римлянъ Серапеумомъ. Почитаніе священнаго быка восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ египетской исторіи, а именно къ началу 11-й династіи; окончилось оно лишь въ IV вѣкѣ по Р. Хр.; такъ, въ царствованіе Юліана Отступника въ Александріи еще существовалъ Аписъ. Всѣхъ Серапеумовъ въ Саккарѣ три, но для осмотра доступенъ только одинъ, наименѣе древній. Сторожъ вручаетъ намъ свѣчи, и мы спускаемся подъ землю. Воздухъ здѣсь удушливый и жаркій до 21° по Реомюру. Глаза постепенно привыкаютъ, послѣ яркаго солнечнаго дня, къ полумраку подземелья, и мы видимъ, что находимся въ огромномъ проходѣ, высѣченномъ въ скалѣ.

Впереди длинная галлерей теряется во мракѣ; высоко надъ головою обширные своды, обшитые мокатамскимъ камнемъ; вдоль стѣны тянутся маленькія ниши, въ которыхъ многочисленные богомольцы, стекавшіеся въ Мемфисъ со всѣхъ концовъ царства, помѣщали *ex voto* — статуэттки или памятные плиты, а также и плиты съ молитвами, въ честь священныхъ быковъ. Впечатлѣніе, получаемое отъ Серапеума — неизгладимо; хотя въ Египтѣ успѣешь привыкнуть къ колоссальнымъ размѣрамъ сооруженій, тѣмъ не менѣе этотъ подземный проходъ въ 100 м. длины и 5¹/₂ вышины, не можетъ не вызвать

DEPARTMENT OF STATE

Въ страна Азия. Ра

ПИРАМИДА СО СТУПЕНЯМИ.

С а к к а р а.

глубокаго изумленія. Не даромъ писалъ Маріетъ, открывшій въ 1851 году Серапеумъ, что, когда онъ въ первый разъ вошелъ въ ипогей, его охватило столь сильное чувство изумленія, что оставленное имъ въ душѣ впечатлѣніе, несмотря на протекшіе годы, такъ-же свѣжо, какъ и въ первую минуту. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мы встрѣчаемъ сперва крышку отъ саркофага, а затѣмъ и самый саркофагъ исполинскихъ размѣровъ изъ чернаго мрамора; онъ загромодилъ всю галлерею, и намъ приходится пробираться, плотно прижавшись къ стѣнѣ. Легко представить себѣ размѣры этой гробницы, если вспомнить, что она предназначалась для сохраненія цѣлаго быка, хотя бы и средняго роста. Нѣсколько далѣе, свернувъ влѣво, мы вступаемъ въ еще болѣе широкій проходъ, по обѣ стороны котораго въ стѣнахъ высѣчены обширныя пещеры, основаніемъ своимъ спускающіяся ниже уровня галлерей. Ихъ сводчатый потолокъ и полъ облицованы камнемъ изъ Мокатама. Въ глубинѣ этихъ пещеръ возвышаются грандіозные саркофаги, изъ одного куска чернаго, или краснаго гранита, гдѣ подъ тяжелою крышкою помѣщались муміи Аписовъ. Всѣхъ саркофаговъ — 24, но большинство изъ нихъ было раньше разграблено. Лишь два уцѣлѣло какимъ-то чудомъ. Они стояли въ боковой галлерей, входъ куда былъ задѣланъ еще въ царствованіе Рамзеса II. Когда Маріету посчастливилось проникнуть туда, онъ не только нашелъ въ полной сохранности обѣ муміи бы-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

ковъ со всѣми положенными въ гробницу ихъ украшеніями, но могъ даже отличить отпечатокъ пальцевъ египтянина на известкѣ, которою тотъ 3700 лѣтъ тому назадъ замазывалъ отверстіе между камнями, заложенными въ проходѣ, а также слѣды босыхъ ногъ на пескѣ, въ западномъ углу погребальнаго склепа!

Одинъ изъ саркофаговъ особенно интересенъ: нужно спуститься нѣсколько ступеней, въ глубь мрачнаго склепа, чтобы, при скудномъ свѣтѣ трепещущаго пламени свѣчей, осмотрѣть художественно выгравированные іероглифы, покрывающіе со всѣхъ сторонъ стѣнки его изъ чернаго гранита.

Вообще, видъ этихъ каменныхъ глыбъ въ темной пасти пещеры, съ ихъ полуотодвинутыми назадъ крышками, производитъ потрясающее впечатлѣніе—все черно вокругъ, тишина и духота могилы дѣйствуютъ на нервы, голова мутится, толпы мертвецовъ начинаютъ мерещиться въ блѣдныхъ полосахъ свѣта, бросаемыхъ свѣчами во всѣ стороны галлерей. Скорѣе, вонъ отсюда на свѣтъ Божій, гдѣ солнце и жизнь!

III.

Рядомъ съ домомъ Маріета находится «Мастаба» Ти, бывшаго царскимъ архитекторомъ временъ V династіи и главнымъ смотрителемъ пирамидъ фараоновъ Неферкери и Нуесере. Не смотря на скромное происхожденіе, Ти достигъ высокаго положенія въ государствѣ, же-

С а к к а р а.

нился на дочери фараона; дѣти его пользовались царскими почестями, а послѣ смерти онъ удостоился погребенія на кладбищѣ, гдѣ покоились лишь представители аристократическихъ родовъ, въ сосѣдствѣ съ царями первыхъ династій. «Но что-же такое мастаба?» спросить читатель. Происхожденіе этого слова — арабское и означаетъ длинную скамью, или диванъ; примѣняется оно, по внѣшнему сходству, къ надгробнымъ сооруженіямъ эпохи древняго царства, имѣющимъ продолговатую форму усѣченной пирамиды.

Мастаба, сложенная, обыкновенно, изъ кирпича, заключаетъ въ себѣ 2-3 комнаты, соединенныя узкимъ проходомъ, куда дневной свѣтъ скудно проникаетъ черезъ небольшое отверстіе въ потолкѣ; это родъ надгробной часовни, гдѣ въ опредѣленные дни собирались для поминовенія родственники и друзья усопшаго и приносили жертву его двойнику, Ка; мумія, однако, полагалась не здѣсь, а въ какомъ-нибудь тайникѣ, глубоко подъ землею, и доступъ къ ней былъ, по возможности, затрудненъ различными препятствіями.

Передъ входомъ въ мастабу Ти расположенъ небольшой портикъ, опирающійся на два столба съ изображеніемъ, по ту и другую сторону, покойнаго царедворца, въ длинномъ, парадномъ парикѣ, короткой, широкой юбкѣ, съ тростью въ рукѣ. Узкій проходъ ведетъ въ просторную комнату для поминовенія, съ двѣнадцатью четыреугольными столбами, образующими по срединѣ ея нѣчто въ родѣ кіоска.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Подъ плитами пола скрывается лѣстница, высѣченная въ скалѣ, по которой спускаются къ подземной галлерей, пересекающей по наклонной плоскости всю длину гробницы и заканчивающейся небольшою комнатою, гдѣ хранилась мумія Ти въ каменномъ саркофагѣ. Изъ центральной комнаты узкій коридоръ направляется къ другой небольшой комнатѣ, своего рода святая святыхъ, входъ куда былъ тщательно задѣланъ, и лишь небольшая щель оставлялась для доступа во внутрь еиміама, который курился въ часовнѣ въ установленные ритуаломъ дни. Стѣны комнаты украшены сценами изъ жизни Ти, превосходной работы, дающими наглядное представленіе объ образѣ жизни, занятіяхъ и развлеченіяхъ зажиточныхъ людей той отдаленной эпохи. Хотя краски повсюду сошли, но рельефъ сохранилъ свою тонкость и изящество. На восточной стѣнѣ изображены Ти съ женою, присутствующіе при уборкѣ хлѣба; одинъ надъ другимъ слѣдуютъ барельефы: жатва, молотьба волами и ослами, которые тяжелою поступью мнутъ сжатые снопы, рабочіе сгребаютъ трезубцами солому, вѣютъ зерно, посредствомъ двухъ дощечекъ, а женщины ссыпаютъ его въ мѣшки. Далѣе идетъ рядъ сценъ, относящихся къ постройкѣ судовъ: рубка лѣса, пила досокъ, работы на верфи и т. д.; особенно интересно ознакомиться съ инструментами, бывшими въ употребленіи у плотниковъ того времени и во многомъ схожими съ современными. Рельефы, помѣщенные на

С а к к а р а.

южной стѣнѣ, даютъ понятіе о способахъ производства у древнихъ египтянъ фаянса, каменныхъ вазъ и кожаныхъ издѣлій. Вотъ—столяръ за работою, граверъ медалей, продавецъ сахарнаго тростника. Рядомъ крестьяне приводятъ хозяину жертвенныхъ животныхъ, между прочимъ, газелей и антилопъ, которыя, какъ видно, находились въ числѣ домашнихъ животныхъ.

Сѣверную стѣну, сверху до низу, занимаютъ удивительно реально воспроизведенные эпизоды изъ жизни въ болотахъ Нильской дельты: охота на птицъ, рыбная ловля, стада на пастбищѣ. Слѣва—быки, переплывающіе рѣку, между тѣмъ какъ пастухи, сидя въ лодкѣ, слѣдятъ за ними изъ зарослей папируса; на берегу грѣются на солнцѣ два крокодила. По срединѣ—Ти ѣдетъ въ лодкѣ, въ то время какъ свита его охотится на гиппопотама, а изъ камышей вылетаютъ во множествѣ болотныя птицы различныхъ породъ; крестьянинъ пашетъ на волахъ; бараны выпущены на только что засѣянное поле, чтобы хорошенько втоптать зерно въ разрыхленную землю, и, наконецъ, вереница 36 крестьянокъ, во всю длину стѣны, несутъ для Ти и его семейства различного рода продукты изъ его помѣстій, перечень которыхъ дается рядомъ. На западной стѣнѣ, согласно обычаю, нарисованы двѣ фальшивыя двери съ начертанными на нихъ молитвами за мертвыхъ и съ именами Ти — это освященный съ незапамятныхъ временъ символъ входа въ загробную страну тѣней.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Подробное описаніе мастабы Ти казалось мнѣ существеннымъ не только съ цѣлью воспроизведенія интересныхъ бытовыхъ картинъ изъ жизни египтянъ, за 2500 лѣтъ до Р. Хр., но и вслѣдствіе желанія начертать подробный планъ одной изъ гробницъ эпохи древняго царства, по которому сооружены всѣ прочіе надгробные памятники мемфисскаго некрополя; всякій изъ нихъ, въ отдѣльности взятый, представляетъ, конечно, нѣкоторыя заслуживающія вниманія разновидности, но для подробнаго описанія Саккары потребовался бы цѣлый томъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

МЕМФИСЪ.

I.

Съ южной окраины Саккары открывается широкій видъ на плодородную равнину, гдѣ когда-то красовался «бѣлокаменный» Мемфисъ, первопрестольная столица египетскаго государства временъ древняго и, отчасти, средняго царства. Теперь эта обширная площадь покрыта почти сплошнымъ пальмовымъ лѣсомъ, среди котораго зеленѣютъ поля и пастбища, гдѣ ютятся деревушки феллаховъ; вся она перерѣзана вдоль и поперекъ каналами, и даже въ эпоху низкаго уровня Нила здѣсь не истощаются прудки, придающіе такую свѣжесть и поэзію картинѣ. Спустившись съ плоскогорья, мы въѣзжаемъ на длинную плотину; съ лѣвой стороны, какъ зеркало, блеститъ на солнцѣ одинъ изъ такихъ прудковъ. Пара черныхъ буйволовъ, по горло въ водѣ, выставила свои неуклюжія морды и сонно глядитъ на плескающихся тутъ же ребятишекъ. На берегу, покрытомъ мягкою травою, расположились бедуины; невдалекѣ, на сжатой нивѣ, пасутся ихъ кони и верблюды. Далѣе дорога во многихъ мѣстахъ проходитъ надъ заново соору-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

женными каналами, которые, какъ черныя ленты, пересѣкли стройныя, пальмовыя рощи и волнующіяся поля. Какое поразительное здѣсь разнообразіе тоновъ и оттѣнковъ зелени! Благодаря ему, равнина походить на богатый смирскій коверъ, особенно въ это время года, когда то тамъ, то здѣсь, алѣютъ цвѣты распустившагося мака. Повсюду кипитъ работа; жизнь бьетъ ключемъ, и яркое солнце льетъ безъ счету потоки живительныхъ лучей на лѣса, на поля и на бурые холмы, вѣнчанные одинокою пирамидою. Все это было когда-то Мемфисомъ! И въ тѣ отдаленныя времена движеніе не переставало оживлять эту равнину: величественныя храмы, дворцы, окруженные садами, богатые частныя жилища; по улицамъ шла пестрая толпа, стекавшаяся въ гигантскую столицу со всѣхъ концовъ свѣта. Пріѣзжіе не могли вдоволь надивиться на всѣ ея диковинки. И что за видъ былъ отсюда: вдоль западной окраины со стороны пустыни тянулась, казавшаяся въ перспективѣ непрерывною, цѣпь пирамидъ; на сѣверномъ концѣ ея громада Абу Роаша возвышалась на вершинѣ ослѣпительно бѣлой горы, далѣе шли великаны Гизеха, ихъ меньшіе братья Абу Герме, Абусира и Саккары, а на югѣ—Дахшуръ и Медунъ. Далеко на востокъ медленно катилъ свои зеленые волны широкій Нилъ, за которымъ начиналась безлюдная Аравійская пустыня.

Основаніе Мемфису положено было однимъ изъ фараоновъ І дин., личность котораго, однако,

Мемфисъ.

исторически еще не удалось установить. Когда Мемфисъ сдѣлался столицею объединеннаго Египта и сталъ быстро расти, то пришлось отвести теченіе Нила на нѣсколько верстъ къ востоку и соорудить съ этою цѣлью гигантскую плотину, мѣстонахожденіе которой можно, съ приближительною точностью, указать и въ наши дни. Исключительное значеніе въ исторіи Мемфисъ получилъ, такъ же, какъ позднѣе Римъ, благодаря своему географическому положенію на рубежѣ между Сѣвернымъ и Южнымъ Египтомъ: здѣсь кончается плодородная дельта и начинается мѣстность, отличающаяся пустыннымъ характеромъ. Позднѣе арабы вполнѣ оцѣнили преимущества этого связующаго звена и основали вблизи столицы фараоновъ Каиръ, добывая нужный для сооруженія его матеріалъ изъ со-сѣднихъ развалинъ, не щадя единственныхъ въ мірѣ памятниковъ искусства. Вотъ причина, по которой ничто не уцѣлѣло отъ древняго Мемфиса. Даже пирамиды были, въ значительномъ числѣ, снесены до основанія, и лишь мавзолеи Хеопеа, Кефрена и Микериноса устояли на мѣстѣ. Арабамъ оказалось не подъ силу уничтожить безсмертное созданіе великихъ фараоновъ, хотя одинъ изъ калифовъ взялся, было, за этотъ неблагодарный трудъ.

II.

Переѣхавъ черезъ широкій каналъ, полный воды, мы поворачиваемъ направо по направленію къ деревнѣ Мит-Рахине, построенной на

Въ странѣ Амонъ-Ра.

мѣстѣ самага многолюднаго квартала Мемфиса, въ сосѣдствѣ съ бывшимъ храмомъ Птаха, бога-покровителя первопрестольной столицы фараоновъ. Храмъ этотъ считался третьимъ по размѣрамъ во всемъ Египтѣ, и еще въ XII в. по Р. Хр. развалины его приводили въ изумленіе путешественниковъ; отъ него остались однѣ груды камней и безформенныхъ обломковъ.

Вблизи деревни начинаются огороды; и здѣсь опять-таки работа кипитъ; женщины и ребята копаютъ гряды, или мотыгами разрыхляютъ землю. Сама деревня кажется пустою. Глиняные дома, разбросанные среди пальмоваго лѣса, имѣютъ видъ достатка и чистоты, а нѣкоторые изъ нихъ, даже въ два этажа и окружены небольшимъ садикомъ. За селомъ, по обѣ стороны дороги, которая идетъ въ гору, видны глубоко въ землѣ, откопанныя основанія старинныхъ жилищъ; глядя на нихъ, сверху, можно дать себѣ отчетъ въ расположеніи бывшихъ здѣсь комнатъ, хотя мало что уцѣлѣло отъ этихъ, зданій, сложенныхъ изъ необожженнаго кирпича цвѣта нильскаго ила.

На опушкѣ пальмоваго лѣса лежатъ, повергнутые на землю, два колосса Рамзеса II, помѣщавшіеся когда-то у входа въ храмъ Птаха. Судя по размѣрамъ ихъ (13 м. въ длину одинъ и 10 — другой), невольно задаешь себѣ вопросъ, какимъ былъ самый храмъ, чтобы не казаться раздавленнымъ этими гигантами? Одинъ изъ нихъ, наилучше сохранившійся, обнесенъ вы-

М е м ф и с ъ.

сокою стѣною для защиты отъ вандализма туристовъ. Къ нему нужно подниматься по деревянной лѣстницѣ, ведущей на небольшую площадку, перекинутую черезъ туловище колосса, который покоится на спинѣ, и, за исключеніемъ нижней части ногъ по колѣна, нисколько не пострадалъ отъ времени. Прекрасныя черты лица выражаютъ величественное спокойствіе, мягкость и привѣтливость, какими онѣ обыкновенно изображены на современныхъ Рамзесу памятникахъ. Солнце на зенитѣ освѣщаетъ до мельчайшихъ подробностей тонкую, художественную работу опытнаго мастера. Несмотря на свои размѣры (одно ухо 50 сант. въ длину), статуя не производитъ впечатлѣнія чрезмѣрной массивности, благодаря строго соблюденной гармоніи въ соотношеніяхъ каждой изъ ея составныхъ частей. Фараонъ, точно живой, устремилъ свой взоръ въ глубокое небо. На головѣ его двойная корона Египта; за поясомъ короткий мечъ, съ рукояткою въ видѣ соколиной головы, и имя Рамзеса II высѣчено на правомъ плечѣ, на груди и на поясѣ замысловатыми іероглифическими знаками.

III.

Нѣсколько поодаль лежитъ на небольшомъ земляномъ возвышеніи, словно на катафалкѣ, другой колоссъ того же Рамзеса изъ сѣраго гранита, лежитъ на спинѣ и рядомъ съ нимъ его маленькая дочь, царица Бент-Анатъ. Ко-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

рона не удержалась на головѣ и находится тутъ же, въ двухъ шагахъ.

Высоко надъ нимъ шумитъ вѣчно-зеленою листвою стройный пальмовый лѣсъ. Голуби воркуютъ, безцеремонно садясь на поверженнаго гиганта, и мохнатыя пчелы жужжатъ, едва касаясь прозрачными крылышками холодной поверхности гранита. Кругомъ все полно безмятежнаго покоя, дивной гармоніи; ничто не напоминаетъ остоявшей когда-то на этомъ мѣстѣ міровой столицѣ. Невѣдующая смерти природа накинула зеленый покровъ на груды камня и мусора, — единственные остатки творенія рукъ человѣческихъ.

Вновь поселился здѣсь феллахъ; по-прежнему грѣютъ его лучи ласковаго Амонъ-Ра, щедрыми дарами питаетъ бессмертная Изида; давно позабылъ онъ о дѣлахъ великихъ предковъ своихъ, погрузившись въ безпросвѣтную тьму ислама.

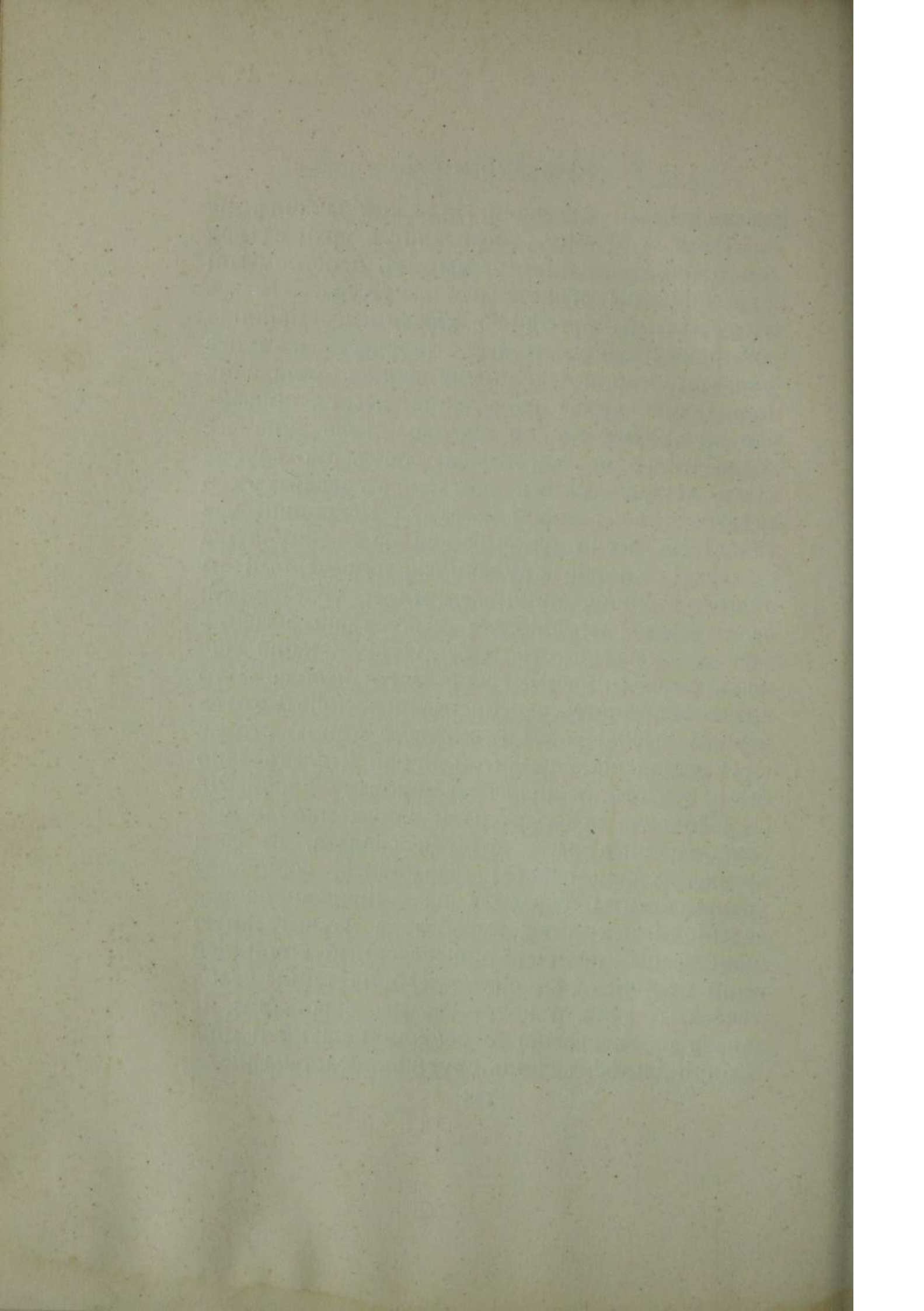
Не сразу, однако, сдался египтянинъ иноземнымъ поработителямъ; въ теченіе долгихъ вѣковъ упорно боролся онъ съ чуждыми ему началами, побѣдоносно вынесъ на могучихъ плечахъ персидское, греческое и римское владычество, отстоявъ свое духовное достояніе, подчинивъ самихъ завоевателей своимъ, освященнымъ тысячелѣтіями идеаламъ. Вѣчныя истины, облеченныя въ таинственные символы великихъ мистерій, гармонически сочетались въ Египтѣ съ эллинскою философіею, придали своеобразную форму христіанству.

Незыблемыя правила, установленныя для живописи, ваянія и зодчества, были усвоены послѣ-

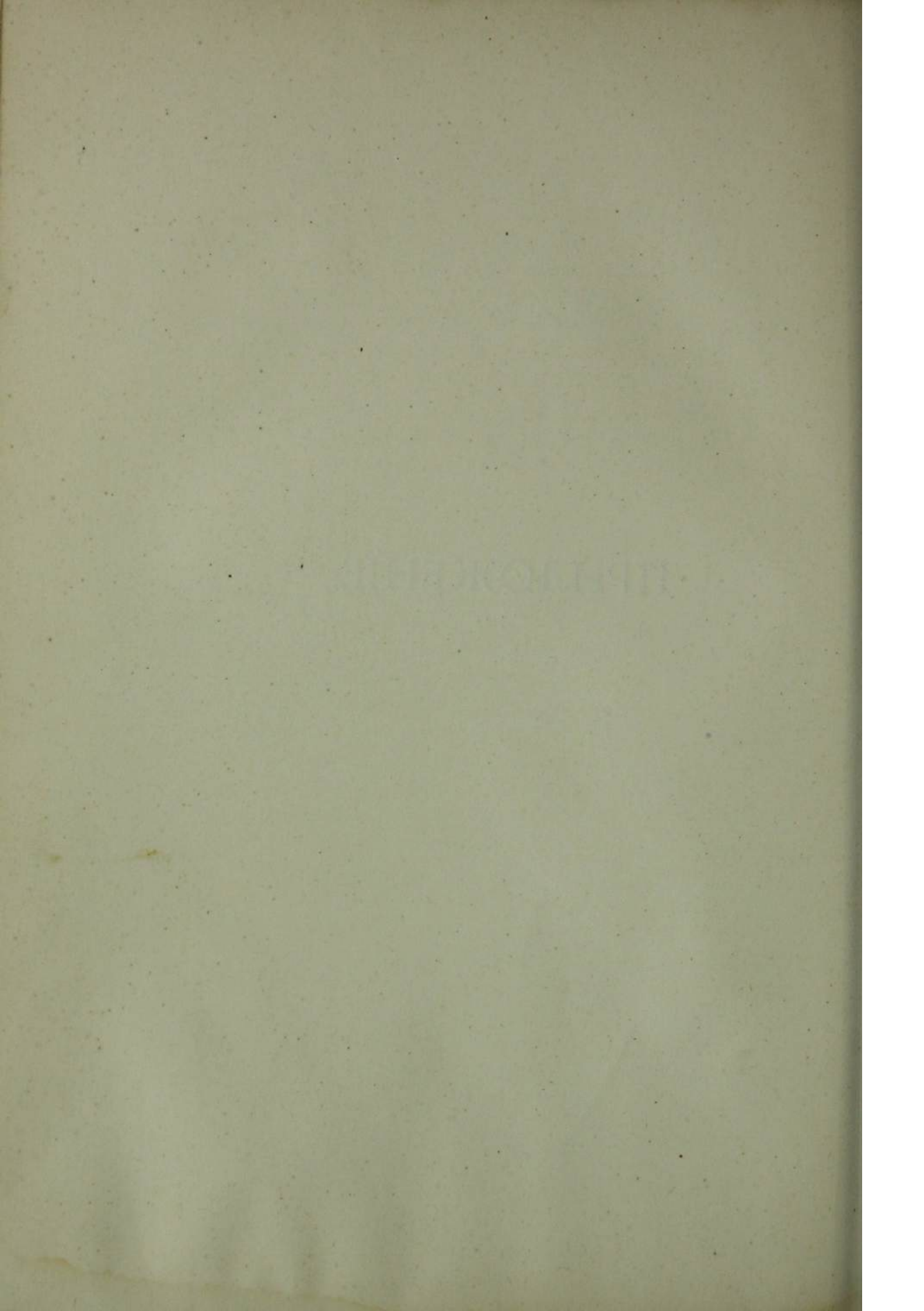
М е м ф и с ъ.

довательными хозяевами Нильской долины, не исключая и арабовъ, черпавшихъ архитектурныя и орнаментальныя темы изъ неистощимой сокровищницы египетскаго искусства. Но въ тысячелѣтней борьбѣ съ иноземнымъ проникновеніемъ изсякъ источникъ творчества въ душѣ феллаха; безропотно подчинившись фатализму ислама, онъ молча и терпѣливо несетъ иноземное иго. Навсегда-ли умерло столь живучее когда-то племя, или только спитъ оно глубоко, летаргическимъ сномъ, и въ нѣдрахъ его зрѣютъ сѣмена новой жатвы? — Непроницаемая тайна! Не легко открывается европейцу душа феллаха! Упорно трудящійся, обреченный на вѣчную нужду, приниженный и угнетенный, въ темномъ невѣжествѣ и суевѣріи влачитъ онъ жалкое существованіе. Свѣтъ знанія еще не коснулся массы египетскаго народа. Кто возьмется рѣшить, способенъ-ли воспріять этотъ народъ высокіе идеалы, которые цѣною столькихъ страданій, пролитой крови и слезъ дано было, отчасти, осуществить народамъ Европы?!

Словомъ, возродится-ли когда нибудь высокоодаренная раса, которая создала, въ свое время, величіе царства фараоновъ, соорудила храмы-гиганты, украсила ихъ дивными произведеніями искусства, выработала изумительную цивилизацію, прочный общественный строй, чей геній проникъ въ сокровеннѣйшія тайны человеческого духа, о которыхъ мы, европейцы, не взирая на завоеванія современной науки и философіи, имѣемъ лишь смутное представленіе?..

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Величіе и упадокъ Оивъ.

Очеркъ исторіи фараоновъ XVIII, XIX и XX династій по новѣйшимъ изслѣдованіямъ *).

I.

Величіе Оивъ начинается съ изгнаніемъ изъ Египта азіатскихъ пришельцевъ — гиксосовъ и съ возстановленіемъ, послѣ 500-лѣтняго перерыва, національнаго государства фараонами XVIII династіи. Хотя еще фараоны XII династіи были родомъ изъ Оивъ, но они избрали столицею Мемфисъ, на мѣстѣ котораго до сихъ поръ видны развалины сооруженныхъ ими пирамидъ, тогда какъ ихъ родной городъ продолжалъ оставаться на заднемъ планѣ. Лишь съ того времени, какъ Оивы сдѣлались центромъ народной борьбы противъ чужеземныхъ завоевателей, насталъ для нихъ долгій періодъ процвѣтанія.

Гиксосы занимали Нижній Египетъ; столица ихъ находилась въ Танисѣ. Верхній-же Египетъ сохранилъ подъ ихъ владычествомъ свой старинный, феодальный строй, и отношенія его

*) Составлено по трудамъ: Maspero, Breasted, I. Baikie, Cormack, L. W. King and H. R. Hall, G. Pier, A. Gayet, Winckler & Puchstein, v. Bissing etc.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

къ сюзерену ограничивались уплатою ежегодной дани. Среди многочисленныхъ верхне-египетскихъ удѣльныхъ князей значительнымъ авторитетомъ пользовались ѳиванскіе князья, сумѣвшіе въ критическую минуту объединить для защиты народной святыни большинство остальныхъ полунезависимыхъ владѣтелей; ихъ военное могущество, съ теченіемъ времени, возрасло до такихъ размѣровъ, что борьба съ чужеземнымъ игомъ стала имъ подѣ силу, и ѳиванскіе князья ожидали лишь подходящаго повода, чтобы поднять знамя народнаго возстанія. Поводъ этотъ не замедлилъ представиться, когда дѣло коснулось наиболѣе близкаго сердцу каждаго египтянина вопроса о завѣщанной ему праотцами національной вѣрѣ. Культъ Амона, средоточіемъ котораго, искони, служили ѳивы, получилъ широкое распространеніе во всемъ Верхнемъ Египтѣ. Приравненный къ древнему культу солнца, въ Геліополисѣ, и Озириса, въ Абидосѣ, Амонъ-Ра представлялъ въ концѣ 2-го тысячелѣтія до Р. Хр. высшее божество въ долинѣ Нила. Прочно организованный, сильный своимъ единеніемъ классъ жрецовъ, пользуясь несокрушимымъ вліяніемъ далеко за предѣлами ѳиванскаго княжества, мало-по-малу подготавливалъ народныя массы къ предстоявшей борьбѣ съ иноплеменниками. Между тѣмъ цари — гиксосы, воспринявъ нравы и обычаи покореннаго народа, стоявшаго на несравненно высшемъ уровнѣ цивилизаціи, нежели они сами, провозгласили себя продолжателями

Величіе и упадокъ Өивъ.

старинныхъ, національныхъ династій; они начали сооружать храмы въ честь египетскихъ боговъ, образовали дворъ свой на подобіе фараонскаго и сохранилине прикосновеннымъ водворившійся въ государствѣ, со времени средней имперіи, политическій строй. Но въ то-же время поклоненіе древнему халдейскому богу войны, Сутку, не только осталось въ силѣ, но была сдѣлана даже попытка навязать его всему египетскому народу въ качествѣ верховнаго божества, приравнявъ Сутку къ Сету, брату и убійцѣ Великаго Озириса. Нужно помнить, какъ свято чтилась въ Египтѣ память перваго царя-мученика, обоготвореннаго его поклонниками, чтобы понять, какое негодование охватило страну, отъ первыхъ пороговъ Нила до Дельты, когда разнеслась вѣсть о предстоявшемъ кошунствѣ. На защиту Амона первыми ополчились Өиванскіе князья, поддержанные жрецами. Къ нимъ, мало-по-малу, присоединились почти всѣ владѣтели удѣловъ въ Верхнемъ Египтѣ; борьба противъ чужеземцевъ стала ихъ общимъ лозунгомъ.

Война за независимость продолжалась около ста лѣтъ и окончилась изгнаніемъ гиксосовъ въ Азію Өиванскимъ княземъ Ахмесомъ и его союзниками. Національная монархія была восстановлена, и побѣдитель короновался двойнымъ вѣнцомъ Верхняго и Нижняго Египта. Съ этой поры Өивы становятся политическимъ и духовнымъ центромъ для всего Египта. Расширенные и украшенные попеченіемъ и щедротами цѣлаго рода фараоновъ, обогащенные данью

Въ странѣ Амонъ-Ра.

многочисленныхъ покоренныхъ племенъ, онѣ изъ простаго провинціального города возводятся на степень безспорной столицы всего цивилизованнаго міра. Побѣдоносныя войны противъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ служатъ неисчерпаемымъ источникомъ богатства. Царская казна не знаетъ счета сокровищамъ, тысячи рабовъ трудятся надъ возведеніемъ исполинскихъ храмовъ и надъ украшеніемъ ихъ. Львиную долю добычи деньгами и людьми получаетъ святилище Амонъ-Ра въ Карнакѣ; власть жрецовъ его развивается параллельно могуществу фараоновъ XVIII и XIX династій и, въ концѣ концовъ, беретъ перевѣсъ надъ слабыми Рамесидами XX династїи.

II.

Съ Ахмесомъ начинается рядъ фараоновъ-завоевателей, возведшихъ государство на высшую ступень процвѣтанія и могущества. Ахмесъ проникъ первымъ въ глубь Ханаана и намѣтилъ путь, котораго неуклонно держались его преемники, выступая на завоеваніе Сирїи и Палестины. Внутри государства фараонъ утвердилъ неограниченную царскую власть, нанеся смертельный ударъ своимъ бывшимъ союзникамъ, феодальнымъ владѣтелямъ, когда тѣ сдѣлали было попытку оказать сопротивленіе его объединительнымъ мѣропрїятіямъ.

Сынъ Ахмеса, Аменготепъ I, покорилъ Эфіопію; окончательно же закрѣплена за Египтомъ

Величіе и упадокъ Оивъ.

эта страна была лишь въ царствованіе преемника его, Тутмеса I; съ тѣхъ поръ египетскій наслѣдный принцъ сталъ носить титулъ «Князя Куша», т. е. Нубій. О походахъ Тутмеса I въ Сирію мало что извѣстно, кромѣ того факта, что имъ были сооружены триумфальныя плиты на берегу Евфрата, вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости Гаргамиша.

Завоевая земли въ Азіи, фараоны, однако, не присоединяли ихъ къ своимъ владѣніямъ, не держали въ сирійскихъ городахъ постоянныхъ гарнизоновъ и не управляли ими черезъ посредство своихъ ставленниковъ. Они ограничивались требованіями отъ побѣжденныхъ признанія своей верховной власти, уплаты ежегодной дани и свободного прохода для египетскихъ войскъ. Покоренные князья становились своего рода вассалами, и египтяне рѣдко вмѣшивались въ ихъ распри, предоставляя имъ право самостоятельно объявлять войну, заключать союзы и, вообще, вѣдать свои дѣла соотвѣтственно собственной выгодѣ. При такихъ условіяхъ господство Египта въ Сиріи не могло быть устойчивымъ. Доколѣ престолъ занималъ энергичный фараонъ, внушавшій страхъ азіатамъ, князья ихъ оставались вѣрны своему слову и исправно уплачивали дань; но со смертью фараона и съ воцареніемъ его преемника, малѣйшій намекъ на ослабленіе центральной власти служилъ сигналомъ для общей коалиціи сирійскихъ князей и для возстанія ихъ противъ владычества египтянъ. Одной или двухъ по-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

бѣдъ, обыкновенно, бывало достаточно, чтобы обратить союзниковъ въ бѣгство; но тогда каждый царекъ запирался въ своей крѣпости, которую приходилось брать, одну за другою, штурмомъ или принуждать къ сдачѣ послѣ продолжительной осады. Фараоны жестоко карали мятежниковъ; безъ пощады казнили ихъ вождей, приносили ихъ въ жертву богамъ, уводили въ плѣнъ цѣлыя племена, опустошали страну, угоняли стада, равняли съ землею города и села, но все было тщетно: возстанія сирійцевъ повторялись періодически вплоть до завоеванія Египта ассиріянами. Послѣдующія за Тутмесомъ I царствованія Хатасу и Тутмеса II были эрою внѣшняго мира для Египта; хотя раздоры въ царской семьѣ могли подать врагамъ поводъ для нападенія, но престижъ имени фараона былъ еще настолько великъ, что сирійцы не отваживались на враждебныя дѣйствія противъ своего сюзерена.

III.

Со вступленіемъ на престолъ Тутмеса III картина измѣнилась. Едва извѣстіе о смерти великой царицы дошло до сирійскихъ князей, какъ они составили могучую коалицію и подняли знамя мятежа, думая застать врасплохъ молодого фараона. Въ своихъ расчетахъ они глубоко ошиблись; судьба Египта оказалась въ рукахъ величайшаго изъ полководцевъ своего времени. Тутмесъ обладалъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, яснымъ умомъ, имѣлъ широ-

Величіе и упадокъ Оивъ.

кіе замыслы и съ настойчивостью осуществлялъ разъ принятое рѣшеніе; онъ быстро собралъ многочисленную армію и двинулся къ границамъ Сиріи. Занявъ приморскіе города, египтяне проникли въ самое сердце мятежа и въ шесть мѣсяцевъ побѣдоносной войны покорили всю Палестину и Сирію до Ливанскихъ горъ. Этотъ походъ былъ настолько блистателенъ, что сталъ эпическимъ, и множество легендъ о храбрости фараона перешло въ отдаленное потомство. Въ лѣтописи говорится, что по мѣрѣ того, какъ египетская армія приближалась къ арунскому перевалу, въ горахъ Кармея, страхъ овладѣлъ ея вождями и они совѣтовали своему государю свернуть съ этого опаснаго пути, но Тутмесь воскликнулъ: «Клянусь моею жизнью, «клянусь любовью ко мнѣ Ра, покровительствомъ отца моего Амона, я пойду по пути, ведущему къ Аронѣ, хотя бы въ числѣ васъ «находились такіе, которые предпочитаютъ иной «путь, или такіе, которые готовы послѣдовать «за мною! Что сказали-бы враги наши, которыхъ «Ра ненавидитъ? Не избралъ-ли фараонъ другого пути? Онъ отклонился въ сторону изъ «страха передъ нами. Вотъ, что сказали-бы «враги. Тогда полководцы отвѣчали въ одинъ «голосъ: «Да сохранитъ тебя твой отецъ Амонъ; «мы послѣдуемъ за тобой повсюду, куда ты «направишь твой путь». И дѣйствительно, послѣ трехдневнаго перехода, египетская армія, благополучно миновавъ Арунское ущелье, спустилась въ долину. Здѣсь она встрѣтилась съ

Въ странѣ Амонъ-Ра.

войскомъ союзныхъ сирійскихъ князей. На слѣдующій день Тутмесь вступилъ въ битву и, разбивъ союзниковъ, подступилъ къ ихъ главной крѣпости Магеддо. Если бы египтяне не бросились грабить покинутый сирійцами лагерь, то они могли бы въ тотъ же день занять Магеддо; ихъ алчность спасла побѣжденныхъ отъ полного уничтоженія. Пришлось прибѣгнуть къ осадѣ, но, въ концѣ концовъ, крѣпость сдалась, и побѣдителямъ досталась огромная, по тому времени, добыча: 924 походныхъ колесницы, 2.238 лошадей, 200 полныхъ воинскихъ вооруженій, богатѣйшая палатка царя Кадешскаго, 2.000 штукъ крупнаго рогатаго скота и 20.000 мелкаго, внутреннее убранство дворца царя Магеддо, въ томъ числѣ его скипетръ, статуя изъ литаго серебра и, кромѣ того, большое количество золота и серебра въ слиткахъ. На этомъ окончился первый походъ Тутмеса въ Азію. Сирійскіе и палестинскіе князья спѣшили явиться одинъ за другимъ съ повинною, уплатить дань и принести присягу на вѣрность. Сурово расправился съ ними фараонъ: мятежные князья были казнены, династіи ихъ лишены престола и замѣнены новыми; изъ предосторожности Тутмесь увелъ съ собою въ Египетъ, въ качествѣ заложниковъ, старшихъ сыновей всѣхъ сирійскихъ властителей. Юноши были помѣщены въ особомъ кварталѣ города Өивъ, гдѣ они воспитывались въ чувствѣ любви и преданности къ своему сюзерену. Когда кто-либо изъ князей умиралъ, Тутмесь

Величіе и упадокъ Өивъ.

назначалъ преемникомъ ему того изъ сыновей, который выросъ въ Египтѣ.

Въ теченіе 19 лѣтъ фараонъ почти каждую весну предпринималъ походъ въ Азію; четыре года потребовалось на замиреніе Южной Сиріи и Палестины; на пятый годъ покорены были приморскіе города финикіянъ; шестой походъ былъ направленъ противъ Кадеша; эта неприступная крѣпость находилась на рѣкѣ Оронть, на высокомъ плато, между двумя цѣпями Ливанскихъ горъ, и служила главнымъ оплотомъ союзу сѣверо-сирійскихъ князей. Фараону, однако, удалось овладѣть Кадешомъ и завоевать всю сѣверную Сирію. Седьмой и восьмой походы привели Тутмеса еще далѣе на сѣверо-востокъ къ самому Евфрату. Завоевавъ княжество Алепское и Гаргамишское, египтяне переправились черезъ Евфратъ, и на лѣвомъ берегу его Тутмесь водрузилъ свои триумфальныя плиты; въ лагерь его явились съ богатыми дарами владѣтели Ассиріи, Вавилона и Гититовъ; даже царь Кипра добровольно отдалъ себя подъ его покровительство. Владѣнія Тутмеса безъ перерыва тянулись отъ третьихъ пороговъ Нила до береговъ Евфрата. Вторую половину своего блестящаго царствованія Тутмесь III посвятилъ дѣламъ внутренняго управленія и сооруженію многочисленныхъ храмовъ во всѣхъ концахъ своей обширной державы. Умирая, онъ оставилъ Египетъ своему наслѣднику столь могущественнымъ и благоустроеннымъ, какимъ онъ никогда не былъ ни до, ни послѣ него.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

IV.

При вступленіи на престолъ сына Тутмеса, Аменготепа II, который уже въ теченіе восьми лѣтъ управлялъ государствомъ совмѣстно со своимъ престарѣлымъ отцомъ, владѣтели сѣверной Сиріи, всегда отличавшіеся безпокойнымъ духомъ, поголовно возстали противъ власти египтянъ. Фараонъ, слѣдуя примѣру своихъ великихъ предковъ, не замедлилъ выступить въ походъ и примѣрно наказать мятежниковъ; онъ опустошилъ всю область на сѣверъ отъ Іордана, «подобно чудовищному льву, передъ которымъ бѣгутъ народы». Разбитые сирійцы смирились, и египетское войско безъ препятствій достигло Евфрата. Возвращеніе Аменготепа съ похода было сплошнымъ триумфомъ: приближась къ стовратнымъ Оивамъ на роскошно убранномъ суднѣ, побѣдитель приказалъ повѣсить головою внизъ, на кормѣ, семь плѣнныхъ сирійскихъ князей, изъ числа которыхъ, онъ, вслѣдъ за тѣмъ, собственноручно принесъ шестерыхъ въ жертву Амону, а головы казненныхъ выставилъ на городскихъ стѣнахъ. Столь неожиданно проявленная фараономъ энергія положила конецъ возстанію, прежде, нежели оно успѣло развить всѣ свои силы. Кровавый урокъ оказался дѣйствительнымъ: въ теченіе всего царствованія Аменготепа II со стороны сирійскихъ князей не было сдѣлано ни одной попытки поколебать его власть.

Величіе и упадокъ Оивъ.

Зато на югѣ имперіи начиналось броженіе; Нубія не переставала волноваться, и въ нѣкоторыхъ областяхъ ея вспыхнуло возстаніе, для усмиренія котораго пришлось послать нѣсколько карательныхъ экспедицій. Желая разъ навсегда утратить нубійцевъ, фараонъ приказалъ отправить въ ихъ главный городъ, Напату, седьмого изъ плѣнныхъ сирійскихъ князей и тамъ повѣсить на городскихъ стѣнахъ.

Со смертью Аменготепы II на престолъ вступилъ сынъ его, Тутмесъ IV, при которомъ походы египтянъ въ Азію и Эфіопію превратились въ своего рода военныя прогулки съ цѣлью захвата богатой добычи и возможно большаго числа плѣнниковъ, которые употреблялись затѣмъ на общественныя работы и на постройку храмовъ, въ изобиліи предпринятыхъ фараономъ. Египетъ находился въ зенитѣ военнаго могущества. Сирійскіе князья на перерывъ искали союза съ нимъ и въ залогъ своей вѣрности предлагали Тутмесу въ жены своихъ дочерей; съ одной изъ нихъ онъ вступилъ въ бракъ, а именно съ принцессою Митанитскою, отъ которой имѣлъ сына, царствовавшего впоследствии подъ именемъ Аменготепы III. Тутмесомъ IV былъ, между прочимъ, очищенъ отъ песка знаменитый сфинксъ Гизеха. Фараону по этому поводу было дано указаніе свыше: ему во снѣ явился Амонъ и повелѣлъ возстановить въ первоначальномъ величій таинственную святыню доисторическаго Египта и находившійся при немъ гранитный храмъ, которые

Въ странѣ Амонъ-Ра.

къ тому времени были совершенно занесены сыпучими песками пустыни.

Царствованіе Аменготепъ III служитъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Египта. Уже долгіе годы страна пользовалась невозмутимымъ миромъ. Власть фараона надъ Азіею признавалась безусловно всѣми. Цари Вавилона, Ассиріи, Миттаніи и Кипра добивались его дружбы. Сирійскіе вассалы были внуками покоренныхъ когда-то Тутмесомъ II независимыхъ властителей; они успѣли свыкнуться со своимъ подчиненнымъ положеніемъ, совершенно забывъ о свободѣ, и не допускали возможности иного порядка вещей. Воспитанные въ Египтѣ, они усвоили его нравы и обычаи и признавали вполне законною гегемонію фараона, которая обезпечивала имъ безопасность отъ внѣшнихъ враговъ. Не мало вѣрныхъ слугъ пріобрѣлъ себѣ Аменготепъ III изъ среды молодого поколѣнія сирійскихъ династовъ, пользовавшихся всякимъ случаемъ, чтобы убѣдить сюзерена въ своей непоколебимой вѣрности. При такихъ условіяхъ фараонъ имѣлъ полную возможность всецѣло отдаться дѣламъ внутренняго управленія. Подъ его покровительствомъ торговля процвѣтала. Богатства всего міра стекались въ египетскіе порты, откуда проникали въ долину Нила. Финикияне доставляли мѣдную, эмалированную посуду и иныя металлическія издѣлія; многочисленные караваны везли черезъ Суэцскій перешеекъ роскошныя ткани Сиріи, пряности и ароматы востока; Черное море было

Величіе и упадокъ Өивъ.

соединено съ Ниломъ посредствомъ глубокаго канала; слѣдуя этимъ путемъ, цѣнные товары изъ Аравіи и Индіи пополняли царскую сокровищницу.

V.

Со смертію Аменготепъ III кончается рядъ великихъ фараоновъ. Сынъ его, Аменготепъ IV, мало интересовался судьбою азіатскихъ владѣній. Онъ, какъ мы уже знаемъ, всецѣло отдался борьбѣ съ жрецами Амона; перенесъ столицу государства изъ Өивъ въ Тель-эль-Амарну, гдѣ и осуществилъ задуманный имъ религіозный переворотъ.

Между тѣмъ, со стороны Малой Азіи грозная туча надвигалась на подвластные Египту сѣверо-сирійскія княжества. Около середины царствованія Аменготепъ III многочисленныя племена гиттитовъ, враждовавшія доселѣ другъ съ другомъ, объединились подъ властью одного изъ своихъ князьковъ, по имени Шуббилули, и положили начало царству Великой Кеты, которое въ короткій срокъ стало самымъ могущественнымъ государствомъ въ Азіи.

Талантливый и энергичный Шуббилули ловко воспользовался взаимными распрями и слабостью своихъ сосѣдей для расширенія на ихъ счетъ предѣловъ гиттитской державы, и вскорѣ южныя границы ея вошли въ соприкосновеніе съ границами египетскихъ завоеваній въ Сиріи. Доколѣ престолъ фараоновъ занималъ Аменготепъ III, гиттитскій царь тщательно

Въ странѣ Амонъ-Ра.

избѣгалъ вооруженнаго столкновенія съ могущественнымъ сосѣдомъ; это, однако, не препятствовало ему исподволь сѣять смуту и подбивать вассаловъ Египта на измѣну ихъ законному сюзерену. Съ воцареніемъ Аменготепъ IV интриги Шуббилули увѣнчались успѣхомъ. Часть сѣверо-сирійскихъ князей поспѣшила добровольно отдаться подъ его покровительство; оставшіеся-же вѣрными фараону тщетно зывали о помощи, напоминая о своей испытанной преданности отцу и дѣду Аменготепъ; напрасно снаряжали они чрезвычайныя посольства въ Оивы, посылали сыновей и братьевъ доказывать безвыходность своего положенія... фараонъ оставался глухъ къ ихъ мольбамъ, или-же отправлялъ въ Азію небольшіе отряды, тогда какъ тамъ требовалось его личное присутствіе во главѣ многочисленной арміи.

Гиттиты, становясь все смѣлѣе, постепенно подчинили себѣ безъ особеннаго кровопролитія, всю сѣверную Сирію и землю амореянъ; подъ властью Египта оставалась лишь часть южной Сиріи, извѣстная подъ именемъ Палестины.

Потеря Азіатской окраины, повидимому, мало смущала фараона; онъ продолжалъ отдавать свои силы на внутреннюю борьбу, возбуждая всеобщее негодованіе за столь открытое пренебреженіе интересами государства. Страна волновалась, общественный и политическій строй разлагался; самой династіи грозило паденіе, когда Аменготепъ IV, послѣ 17-лѣтняго царствованія, еще молодымъ сошелъ въ могилу. Наступило

Величіе и упадокъ Оивъ.

смутное время: фараоны быстро смѣняли одинъ другого, даже имена нѣкоторыхъ изъ нихъ не попали въ исторію; государство находилось на краю гибели, и XVIII династія, столь блестяще выступивъ 250 лѣтъ тому назадъ на сцену міровой исторіи, безславно погрузилась во тьму междоусобія и анархіи.

VI.

Въ числѣ египетскихъ военачальниковъ, служившихъ въ свое время Аменготепу IV и пользовавшихся его милостью, находился нѣкто, по имени Хоремхебъ, знатнаго происхожденія, потомокъ феодальныхъ князей изъ Алабастронполиса. Онъ сумѣлъ пріобрѣсти любовь и довѣріе войска и снискать расположеніе жрецовъ Амона, ожидавшихъ удобнаго случая вернуть утерянное ими вліяніе и богатство.

Хоремхебъ, захвативъ постепенно важнѣйшія должности въ государствѣ, оказался при послѣднихъ фараонахъ XVIII династіи дѣйствительнымъ хозяиномъ Египта. Для достиженія царскаго престола ему оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ, и вотъ однажды въ день великаго праздника, когда священная ладья Амона торжественно переносилась изъ Карнакскаго храма въ Луксорскій, на встрѣчу процессіи вышелъ Хоремхебъ со своими приверженцами и палъ ницъ передъ изображеніемъ бога. Въ эту минуту послышался голосъ оракула, назвавшій его сыномъ Амона, а жрецы, окруженные много-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

численною толпою, немедленно провозгласили его фараономъ. Выборъ этотъ, однако, приходилось еще узаконить съ династической точки зрѣнія. Избранникъ Амона отправляется во дворецъ и проситъ руки престарѣлой принцессы Мутнезметъ, сестры царицы Нефернефру, супруги покойнаго Аменготепа IV, имѣвшей наиболѣе правъ «по крови» занимать египетскій престолъ. По заключеніи брака, новый фараонъ явился въ глазахъ всего народа законнымъ наследникомъ минувшихъ династій.

Первою заботою Хоремхеба было водворить порядокъ въ странѣ, глубоко потрясенной событіями послѣднихъ лѣтъ, и, главнымъ образомъ, положить конецъ религіозной распрѣ. Возстановивъ культъ Амона, возвративъ ему прежнія богатства и привилегіи его жрецамъ, фараонъ занялся искорененіемъ злоупотребленій по сбору налоговъ. Имъ были изданы строгіе законы противъ вымогательства и лихоимства, наказывавшихся чрезвычайно сурово; за точнымъ исполненіемъ этихъ законовъ онъ наблюдалъ лично, разѣзжая изъ одного конца государства въ другой. Заботы по внутреннему управленію всецѣло поглощали вниманіе Хоремхеба. Необходимо было возстановить правильный ходъ государственной машины, пришедшей въ полное разстройство. Фараонъ выполнялъ эту великую задачу съ непреклонною энергіею, проникательнымъ умомъ и глубокимъ знаніемъ дѣла; при такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, ему не хватало ни времени, ни силъ на усмиреніе

Величіе и упадокъ Оивъ.

мятежныхъ вассаловъ въ Сиріи и Палестинѣ; впрочемъ, весьма возможно, что онъ считалъ египетское дѣло въ Азіи окончательно проиграннымъ.

Плодами 30-лѣтняго царствованія Хоремхеба воспользовались его преемники; Рамзесъ I, основатель XIX династіи, занимавшій египетскій престолъ по кончинѣ Хоремхеба, нашелъ страну въ порядкѣ и царскую казну, полную золота и серебра. Теперь фараоны могли направить свободныя силы египетскаго народа на возстановленіе своей власти въ Сиріи и Эфіопіи; преклонныя лѣта и слишкомъ короткое царствованіе лишали, однако, Рамзеса возможности осуществить задуманные имъ широкіе планы; блестящимъ исполнителемъ ихъ явился старшій сынъ его, Сети I.

VII.

Въ исторіи Египта не встрѣчается болѣе свѣтлой личности, нежели Сети I. Храбрость въ связи со скромностью и рѣдкая въ тѣ времена человѣчность — отличительныя черты его характера. Съ юныхъ лѣтъ, приобщенный къ власти своимъ отцомъ, онъ успѣшно защищалъ южные предѣлы государства. Едва вступивъ на престолъ, Сети сосредоточилъ все свое вниманіе на восточной границѣ; здѣсь палестинскіе князья угрожали вторженіемъ въ предѣлы Египта. Они уже давно перестали признавать всякую зависимость отъ фараона и съ каждымъ годомъ все глубже проникались вліяніемъ сосѣдей гиттитской дер-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

жавы. Молодому монарху не приходилось медлить; рядомъ побѣдоносныхъ походовъ онъ подчинилъ южно-сирійскія княжества своей верховной власти и возстановилъ среди нихъ былой престижъ египетскаго имени. Проникая все далѣе на сѣверъ, Сети раздвинулъ предѣлы своихъ завоеваній до самыхъ границъ Великой Кеты. Здѣсь остановился онъ въ раздумьѣ. Что дѣлать далѣе? Соперничество съ могучимъ противникомъ обошлось бы ему не дешево. И вотъ, осторожный и практическій фараонъ прежде, чѣмъ вступить въ вооруженную борьбу съ гиттитами, рѣшилъ испробовать мирныя средства для согласованія, по возможности, противоположныхъ интересовъ Египта и Кеты. Странія Сети увѣнчались успѣхомъ, и имъ былъ заключенъ съ царемъ Металлу «вѣчный миръ», обезпечивавшій ему обладаніе Палестиною, но окончательно отдававшій во власть гиттитовъ всю сѣверную Сирію.

Этимъ, однако, не закончились успѣхи фараона; съ запада явился новый врагъ—ливійцы, кочевники необъятной пустыни Сахары; Сети на голову разбилъ ихъ въ нѣсколькихъ кровавыхъ сраженіяхъ, и лишь тогда могъ онъ посвятить свои силы дѣламъ внутренняго управленія и строительства: воздвигать огромные храмы, украшать ихъ и возобновлять пришедшіе въ разрушеніе. Нѣтъ почти ни одного важнаго сооруженія XVIII династіи, начиная съ храма въ Амадѣ, на югѣ, и кончая Бубастисомъ, на сѣверѣ, которое не носило-бы помѣтки о

Величіе и упадокъ Оивъ.

реставраціи его Сети I-мъ. Употребляя на работы, кромѣ военно-плѣнныхъ, также собственныхъ подданныхъ, онъ обращался съ ними гуманно, заботился о ихъ матеріальномъ благосостояніи и щедро награждалъ за труды.

Вдоль караванныхъ путей, подъ его личнымъ наблюденіемъ, вырыты были въ пустынѣ многочисленные колодцы. Трогательно выразилась признательность караванныхъ проводниковъ за это благодѣяніе. Призывая благословеніе боговъ на фараона, они говорятъ: «Онъ открылъ намъ пути, бывшіе доселѣ закрытыми. Мы идемъ по нимъ впередъ и мы спокойны; мы прибываемъ къ цѣли нашего путешествія, сохранивъ нашу жизнь. Трудный, еще на нашей памяти, путь обратился въ удобный».

Разсказывая о побѣдахъ своихъ на стѣнахъ сооружаемаго имъ въ Карнакѣ ипостильнаго зала, Сети I-й соблюдаетъ рѣдкую скромность, особенно, если сопоставить его надписи съ хвастливыми преувеличеніями Рамзеса II-го. Въ противоположность своему, тоже великому, сыну и наслѣднику, онъ никогда не выставляетъ своего имени на памятникахъ, сооруженныхъ кѣмъ-либо изъ его предшественниковъ; даже реставрируя храмы и статуи, онъ добросовѣстно возстановливалъ какъ изображенія, такъ и подпись строителей.

Мумія Сети I-го, дошедшая, къ счастью, до насъ, хранитъ въ окаменѣлыхъ чертахъ печать ума и душевнаго спокойствія. Фараонъ точно уснулъ въ твердой увѣренности, что передъ

Въ странѣ Амонъ-Ра.

судомъ неподкупнаго Озириса сердце его перевѣситъ статую богини истины, и онъ въ сіяніи безсмертія займетъ приготовленное для праведныхъ мѣсто въ ладѣ лучезарнаго Амонъ-Ра.

VIII.

По смерти Сети I, на престолъ вступилъ сынъ его, Рамзесъ II, извѣстный по греческимъ источникамъ подъ именемъ Сезостриса. Съ первыхъ-же лѣтъ царствованія молодому фараону пришлось серьезно призадуматься надъ судьбою египетскаго владычества въ Азіи. Вся сѣверная Сирія давно находилась въ вассальной зависимости отъ Гиттитской державы, а долговременный миръ, заключенный съ Сети I, далъ царю Муталлу возможность окончательно утвердить свою власть въ этой богатой странѣ и даже распространить вліяніе гиттитовъ на южную Сирію, гдѣ ими занята была сильная крѣпость Кадешъ, ключъ къ обладанію Палестиной. Рамзесу оставалось, либо вовсе отказаться отъ завоеваній великихъ фараоновъ XVIII династіи, либо возстановить престижъ Египта среди сирійскихъ вассаловъ, нанеся рѣшительный ударъ могуществу Великой Кеты. Ни минуты не колеблясь, фараонъ началъ готовиться къ походу въ Азію. Но и царь Муталлу не дремалъ; онъ быстро собралъ 25.000-ную армію, въ составъ которой входили, кромѣ гиттитовъ и вспомогательныхъ отрядовъ вассальныхъ и

Величіе и упадокъ Өивъ.

союзныхъ князей, также наемныя дружины уроженцевъ Малой Азіи и острововъ Средиземнаго моря.

Словомъ, никогда еще не приходилось египтянамъ встрѣчаться со столь внушительными непріятельскими силами. Впрочемъ и ихъ армія не уступала численностью гиттитской; въ составъ ея также входили наемники, а именно шердены, т. е. выходцы съ острова Сардиніи и при томъ въ столь значительномъ числѣ, что о нихъ упоминается въ лѣтописи, какъ объ отдѣльной части.

Наконецъ, египтяне на 4-мъ году царствованія Рамзеса двинулись въ походъ; они благополучно миновали южную Сирію и, не встрѣчая сопротивленія, достигли береговъ рѣки Оронта. Въ виду того, что гиттиты продолжали оставаться невидимыми, военачальники египтянъ рѣшили, что ихъ, вѣроятно, вовсе нѣтъ по близости. Это обстоятельство было подтверждено двумя перебѣжчиками — бедуинами, увѣрившими Рамзеса, будто царь Муталлу изъ страха передъ нимъ отступилъ на сѣверъ по направленію къ Алеппо. Бедуины-же эти были подосланы царемъ съ цѣлью обмануть фараона, что и было достигнуто... Рамзесъ немедленно переправился черезъ рѣку, взявъ съ собою лишь $\frac{1}{4}$ всей арміи и стремительно двинулся къ Кадешу въ сопровожденіи однихъ тѣлохранителей, сгорая нетерпѣніемъ начать осаду гиттитской крѣпости. Между тѣмъ, Муталлу этого только и ждалъ. Онъ сосредоточилъ свои силы

Въ странѣ Амонъ-Ра.

на сѣверъ отъ Кадеша и былъ готовъ встрѣтить опрометчиваго врага. Не подозрѣвая грозившей ему опасности, Рамзесъ со своимъ отрядомъ достигъ къ вечеру того-же дня Кадеша, подѣ стѣнами котораго расположились на бивуакѣ утомленные длиннымъ и быстрымъ переходомъ египтяне и занялись приготовленіемъ пищи. Въ это время, вблизи лагеря фараона, были пойманы два азіата лазутчика, которые подѣ обильными палочными ударами признались, что въ эту самую минуту главныя силы гиттитовъ обходятъ съ востока египетскую армію. Нельзя было терять ни минуты. Рамзесъ созвалъ военный совѣтъ, но было поздно: Муталлу уже переправилъ черезъ рѣку часть своихъ войскъ и ударилъ въ середину корпуса Амона, подступавшаго къ Кадешу, ничего не подозрѣвая. На голову разбитые, бросились египтяне въ бѣгство, и лишь немногимъ изъ нихъ удалось спастись. Невообразимая паника охватила собиравшихся на отдыхъ воиновъ Рамзеса. Но молодой фараонъ съ рѣшимостью отчаянія собираетъ вокругъ себя испытанныхъ тѣлохранителей и во главѣ ихъ бросается въ бѣшеную атаку на правое крыло гиттитовъ, какъ наиболѣе слабо защищенное. Атака удается; врагъ опрокинутъ въ рѣку, и множество его тонетъ на глазахъ самаго царя Муталлу, стоящаго съ главными силами союзныхъ князей на противоположномъ берегу Оронта. Счастье улыбнулось Рамзесу. Захвативъ лагерь египтянъ, гиттиты съ жадностью бросились грабить бо-

Величіе и упадокъ Өивъ.

гату ю добычу. Всякая дисциплина среди нихъ исчезла... Въ это время на помощь Рамзесу подоспѣла часть его войска, оставленная позади, и ударила въ разстроенные ряды врага. Началась кровавая бойня. Храбро оборонялись гиттиты, но, не выдержавъ стремительнаго натиска противника, обратились въ бѣгство. Рамзесъ наскоро собралъ остатки своей арміи и въ теченіе 3-хъ часовъ продержался, отражая атаки врага, перешедшаго тѣмъ временемъ Оронть. Наконецъ, на выручку фараону подоспѣли свѣжія силы, и гиттиты были отброшены во внутрь Кадешской крѣпости. Потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны; побѣду, тѣмъ не менѣе, приписали себѣ египтяне, хотя имъ и не удалось овладѣть Кадешемъ. Возвращеніе фараона въ Өивы сопровождалось тріумфомъ, а проявленныя имъ чудеса храбрости и присутствіе духа прославлялись въ извѣстной поэмѣ «Пентауръ», начертанной на многочисленныхъ памятникахъ въ долинѣ Нила и ставшей народною эпопеею Египта.

ІХ.

Не взирая, однако, на славу, которою обезсмертилъ свое имя фараонъ, владычество египтянъ въ Сиріи нисколько не упрочилось послѣ Кадешской битвы. Гиттитамъ удалось безъ особыхъ усилій возмутить противъ опаснаго для нихъ соперника большинство сѣверо-палестинскихъ князей; отряды мятежниковъ начали по-

Въ странѣ Амонъ-Ра.

являться на восточной границѣ собственнаго Египта, угрожая вторженіемъ въ Дельту. Три года понадобилось Рамзесу, чтобы усмирить непокорныхъ вассаловъ и закрѣпить за собою обладаніе Палестиною. Между тѣмъ, войска царя Муталлу проникли еще далѣе на югъ отъ рѣки Оронта и вошли въ соприкосновеніе съ египетскими форпостами. Кровавая борьба разыгралась на равнинахъ Южной Сиріи; но о ней мало извѣстій дошло до насъ; по всей вѣроятности, фараонъ проникъ въ Сѣверную Сирію и занялъ Кадешъ; удержалъ-ли онъ свои завоеванія, представляется, однако, сомнительнымъ. Счастье по очереди улыбалось то одной, то другой изъ враждующихъ сторонъ, но за 10 лѣтъ, пока длилось кровопролитіе, не произошло рѣшительнаго сраженія. Въ это время царь гиттискій, Муталлу, палъ отъ руки убійцы, и на престолъ вступилъ братъ его, Каттузилъ II, который продолжалъ войну еще 5 лѣтъ. Въ концѣ концовъ, между Египтомъ и Кетою былъ заключенъ мирный договоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ оборонительный союзъ (1272 г. до Р. Хр.), взаимно обезпечивающій ихъ Азіатскія владѣнія, по которому Рамзесъ ничего не пріобрѣталъ, — за нимъ оставалась только унаслѣдованная отъ Сети I-го Палестина. Спустя 13 лѣтъ престарѣлый фараонъ просилъ руки одной изъ дочерей Каттузила, и царь гиттитовъ поспѣшилъ во главѣ блестящей свиты, съ богатыми дарами, лично явиться въ Оивы, чтобы передать Рамзесу молодую царевну Матнефруре.

Величіе и упадокъ Оивъ.

Наступилъ продолжительный періодъ спокойствія, когда фараонъ могъ безпрепятственно отдаться своей страсти къ колоссальнымъ сооруженіямъ; имъ закончены были: начатые при его отцѣ и дѣдѣ карнакскій ипостильный залъ и надгробный храмъ Сети въ Курнѣ; сооруженъ собственный мавзолей Рамессеумъ; расширенъ храмъ Аменготепы III въ Луксорѣ; словомъ, почти не было святилища въ Египтѣ, гдѣ-бы Рамзесъ не оставилъ своей подписи. Далекая Нубія также не была забыта, она покрылась сѣтью храмовъ, въ числѣ коихъ Абу Симбель и въ наши дни не перестаетъ возбуждать изумленіе своей красотою и величіемъ.

Съ каждымъ годомъ Нубія все больше поддавалась цивилизующему вліянію и перенимала языкъ, нравы и религіозныя вѣрованія египтянъ, но въ то же время сами египтяне не оставались чужды иноземной культурѣ, проникавшей къ нимъ изъ Азіи. Еще въ славную эпоху XVIII династіи Тутмесомъ III и его преемниками было водворено въ долину Нила великое множество сирійскихъ плѣнниковъ, а съ распространеніемъ египетскаго господства на всю Сирію, когда браки между фараонами и азіатскими царевнами стали явленіемъ обыденнымъ, не мало вліятельныхъ семитовъ поступало на царскую службу; мы видимъ, что многіе изъ нихъ пользовались особою милостію при дворѣ Рамзеса, занимали высшія гражданскія и военныя должности. Туземный элементъ въ арміи уступилъ мѣсто наемникамъ изъ уроженцевъ Ливіи и побережья

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Средиземнаго моря; прирожденное миролюбіе египтянъ и жажда спокойствія во что бы то ни стало взяли перевѣсъ надъ сравнительно кратковременнымъ воинственнымъ подъемомъ духа, возведшимъ ихъ родину на высшую степень могущества и славы. Самъ престарѣлый фараонъ утратилъ доблесть и энергію прежнихъ лѣтъ. Ливійцы вмѣстѣ съ ихъ союзными народами безпрепятственно селились на плодородныхъ земляхъ Дельты, колоніи ихъ подступали къ воротамъ Геліополиса. Старческая дряблость дѣлала Рамзеса глухимъ къ жалобамъ населенія и предупрежденіямъ министровъ о грозящей государству опасности. Онъ погрузился въ чувственныя наслажденія, нѣгу и роскошь, не желалъ ни о чемъ думать, кромѣ своего удовольствія, проводя дни и ночи среди многочисленнаго гарема. Отъ различныхъ женъ и наложницъ у него было болѣе 100 сыновей и около 50 дочерей, къ которымъ онъ не переставалъ относиться, какъ нѣжный отецъ. Любимый сынъ его, Камвезе, былъ верховнымъ жрецомъ Птаха въ Мемфисѣ и скончался еще при жизни фараона, а когда въ 1225 г. до Р. Хр. отошелъ въ вѣчность и самъ Рамзесъ, на престолъ вступилъ 13-ый сынъ его, Менептахъ, уже въ пожилыхъ лѣтахъ.

х.

Наслѣднику Рамзеса не приходилось мечтать о завоеваніяхъ въ Азіи; ему едва было

Величіе и упадокъ Оивъ.

подъ силу отстоять то, что принадлежало Египту. На третій годъ его царствованія палестинскіе князья взбунтовались противъ своего сюзерена и подступили къ восточной границѣ Нижняго Египта; но престарѣлый фараонъ двинулся противъ нихъ во главѣ сильной арміи и жестоко наказалъ вѣроломныхъ васаловъ. Гиттиты же продолжали оставаться вѣрны заключенному ими съ Рамзесомъ II союзу.

Зато новая, гораздо болѣе серьезная, опасность грозила самому существованію государства: ливійцы, поселившіеся въ Нижнемъ Египтѣ, рѣшили, подъ вліяніемъ происковъ честолюбиваго царя Мероя, сбросить съ себя всякую зависимость отъ фараона, и полчища ихъ двинулись къ Мемфису. Вслѣдъ за ливійцами выступили союзные съ ними народы; знакомые намъ шардены (сардинцы), сикели (сицилійцы), ахеяне, ликійцы и другіе.

Египетское войско встрѣтилось съ непріателемъ у Прозописа на геліополитанской равнинѣ, гдѣ послѣдовало кровопролитное сраженіе. 6 часовъ подъ рядъ бились враги. Самъ Менептахъ дважды водилъ въ атаку военныя колесницы, но исходъ сраженія рѣшили египетскіе стрѣлки; они обратили непріателя въ бѣгство, а фараонъ преслѣдовалъ его по пятамъ. На полѣ битвы легло около 9-ти тысячъ ливійцевъ и ихъ союзниковъ; приблизительно столько же было взято въ плѣнъ вмѣстѣ съ богатою добычею. Побѣда Менептаха была пол-

Въ странѣ Амонъ-Ра

ная, рѣшительная, — во всякомъ случаѣ, болѣе существенная для судьбы Египта, нежели всѣ прославленные походы Рамзеса II въ Сирію. Никогда еще, со времени нашествія гиксосовъ, государство не находилось такъ близко къ гибели; ливійцы шли съ определенной цѣлью: завоевать и, вмѣстѣ съ другими приморскими народами, заселить всю долину Нила.

О дальнѣйшихъ событіяхъ царствованія Менептаха намъ ничего не извѣстно. Со смертью его для Египта наступилъ періодъ внутреннихъ смутъ: сыновья фараона боролись другъ съ другомъ изъ-за власти. Рядъ дворцовыхъ революцій возводилъ на престолъ эфемерныхъ властителей. Среди нихъ только Сети II оставилъ по себѣ слѣдъ въ исторіи. Одно время странюю правилъ Сиріецъ Аризу, умерщвленный за жестокость. Анархія продолжалась семь лѣтъ, и во тьмѣ ея исчезла XIX династія, подобно тому какъ 150 лѣтъ ранѣе исчезла славная XVIII династія.

XI.

Спасителемъ государства отъ неминуемой гибели на этотъ разъ явился одинъ изъ потомковъ Рамзеса — фараонъ Сетъ-Нактъ, сумѣвшій въ теченіе однолѣтняго царствованія умиротворить страну, возстановивъ законность и порядокъ, нарушенные междоусобною войною. По смерти Сетъ-Накта, на престолъ вступилъ

Величіе и упадокъ Оивъ.

сынъ его Рамзесъ III, родоначальникъ XX династїи и послѣдній изъ фараоновъ, при которомъ военный престижъ Египта оставался непоколебленнымъ.

На 5-мъ году царствованія Рамзеса III въ западную часть Дельты вторглись ливійцы со своими союзниками, успѣвшими къ тому времени позабыть пораженіе, нанесенное имъ Менептахомъ; на этотъ разъ, за ливійцами слѣдовалъ огромный обозъ съ женами и дѣтьми; фараону, очевидно, приходилось имѣть дѣло не съ однимъ вторженіемъ непріятеля, но съ переселеніемъ цѣлаго племени. Египетская армія состояла, въ большинствѣ, изъ наемниковъ, въ томъ числѣ шарденовъ и ливійцевъ (племени кехетъ), которымъ, такимъ образомъ, предстояла борьба съ братьями по крови; послѣднее обстоятельство, однако, не помѣшало Рамзесу одержать рѣшительную побѣду и подвергнуть безпощадному истребленію убѣгавшаго врага.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по изгнаніи ливійцевъ, жители острововъ Архипелага, подъ напоромъ новыхъ племенъ, двигавшихся съ сѣвера къ берегамъ Средиземнаго моря, хлынули въ Малую Азію, Сирію и Палестину. Они безъ усилія разрушили мелкія сирійскія княжества, и даже нѣкогда грозное царство гиттитовъ не устояло передъ ихъ натискомъ. Во главѣ пришельцевъ стояли филистимляне. Опьяненные успѣхомъ, они составили смѣлый планъ нападенія на самый Египетъ одновременно съ

Въ странѣ Амонъ-Ра.

суши и съ моря. Сильный флотъ и хорошо обученная армія поддерживали самоувѣренность семитовъ: Сирія досталась имъ такъ легко, что они не сомнѣвались въ побѣдѣ и надъ царствомъ Рамзеса. Пока филистимляне готовились къ предстоящей борьбѣ, фараонъ рѣшилъ предупредить врага; онъ спѣшно двинулся въ Палестину и, заставъ непріятеля врасплохъ, одержалъ надъ нимъ побѣду; вытѣснить филистимлянъ изъ завоеванной провинціи ему, однако, не удалось. На морѣ египтяне также имѣли перевѣсъ надъ противникомъ. Они встрѣтили флотъ азіатовъ при устьѣ Нила, преградивъ ему доступъ въ Дельту посредствомъ баррикады, сооруженной изъ связанныхъ одинъ съ другимъ судовъ; произошло сраженіе, филистимляне обратились въ бѣгство; флотъ ихъ былъ частью уничтоженъ, частью взятъ въ плѣнъ. Тѣ же изъ нихъ, которые поселились въ Палестинѣ, признали вассальную зависимость отъ Египта и обязались платить ему ежегодную дань.

На II-мъ году царствованія Рамзеса ливійцы, собравшись съ новыми силами, сдѣлали послѣднюю, отчаянную попытку проникнуть въ долину Нила, но потерпѣли еще болѣе тяжкое пораженіе, нежели въ первые два раза; съ этихъ поръ ни они, ни союзники ихъ не нарушали спокойствія Египта, а волна переселенія народовъ хлынула на западъ, въ сторону Южной Италіи.

Величіе и упадокъ Оивъ.

хп.

Съ царствованіемъ Рамзеса IV, правившаго государствомъ еще при жизни отца своего, Рамзеса III, XX династія, а вмѣстѣ съ нею и стовратныя Оивы, начали клониться къ окончательному упадку. Рамессиды въ теченіе 200 лѣтъ еще чередовались на царскомъ престолѣ, но ни одинъ изъ нихъ, вплоть до послѣдняго представителя династіи Рамзеса XII-го, не игралъ роли въ исторіи. Вся полнота власти сосредоточивалась въ рукахъ жрецовъ Амона, а безцвѣтные и слабохарактерные фараоны находились въ унижительной отъ нихъ зависимости. Завѣтная мечта жрецовъ, наконецъ, осуществилась: съ каждымъ новымъ царствованіемъ Египетъ становился все болѣе достояніемъ боговъ; фараонъ, какъ воплощеніе Амонъ-Ра, обязывался прежде всего пещись объ интересахъ своего небеснаго отца, приумножать достояніе храмовъ его, давать привилегіи его служителямъ. Дѣйствительнымъ же распорядителемъ какъ матеріальными, такъ и духовными средствами верховнаго бога, оставался по прежнему великій жрецъ его въ Карнакѣ. Еще со смертію Рамзеса II эта высшая въ государствѣ духовная должность превратилась въ наслѣдственную и стала постоянною угрозою царствующей династіи.

Между тѣмъ, съ каждымъ удачнымъ походомъ новыя сокровища стекались въ казну боговъ, и львиная доля ихъ доставалась Амонъ-Ра.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

Чтобы правильно судить о несмѣтномъ богатствѣ Карнака, у насъ имѣется генеральная опись его имущества, составленная по распоряженію Рамзеса III-го, въ послѣдніе годы его 32-хъ лѣтняго царствованія. Къ этому времени Амону принадлежала $\frac{1}{10}$ всей удобной земли въ долинѣ Нила; онъ владѣлъ 81.322 вассалами, слугами и рабами, 433 садами и огородами, свыше, чѣмъ 2.000 километрами пахотной земли, 65 городами, посадами и селами, 40 верфями, 83 судами, 421.252 головами рогатаго скота, мелкаго и крупнаго, 5.104 статуями въ различныхъ храмахъ и, кромѣ того, великимъ множествомъ золота и серебра въ слиткахъ и монетою, драгоценныхъ камней и т. д. Не удивительно, что при такомъ богатствѣ великій жрецъ Амона постепенно подчинилъ себѣ духовенство всѣхъ остальныхъ египетскихъ боговъ и сталъ приравнивать себя фараону. Настало, однако, время, когда источникъ доходовъ изсякъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ прибыльных походовъ въ Сирію; но жрецы знать ничего не хотѣли и требовали новыхъ обильныхъ даровъ для своего бога; чѣмъ ниже падала власть фараона, тѣмъ болѣе алчнымъ и притязательнымъ становилось духовенство. За неимѣніемъ другаго, оно сумѣло вырвать у призрачныхъ владыкъ Египта большую часть казенныхъ имуществъ и захватить почти всѣ прибыльныя должности. Царская казна оказалась пустою; для пополненія ея пришлось прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Мы видимъ, что правитель-

Величіе и упадокъ Єивъ.

ство перестало выплачивать жалованье служащимъ и подолгу задерживало даже скромное вознагражденіе рабочимъ по сооруженію храмовъ и усыпальницъ. Среди нихъ происходили частыя стачки, оканчивавшіяся иногда кровопролитіемъ. Трудовой людъ громко требовалъ положеннаго количества муки и масла, а ихъ-то и не хватало въ общественныхъ магазинахъ, тогда какъ кладовыя храмовъ были переполнены всякаго рода съѣстными припасами. Въ странѣ участились разбои; движеніе по дорогамъ стало опаснымъ, торговля пала. Многія царскія усыпальницы въ глухихъ ущельяхъ дивійскихъ горъ подверглись разграбленію.

Пользуясь разваломъ, великій жрецъ получилъ отъ несчастнаго Рамзеса IX право непосредственнаго сбора налоговъ, опредѣленныхъ для содержанія храмовъ Амона; онъ къ этому времени уже совмѣщалъ должности вице-короля Эфіопіи и старшаго распорядителя казенными магазинами, т. е. министра финансовъ. Слѣдующій шагъ былъ: захватъ царскаго престола великимъ жрецомъ Амона, Хер-Хоромъ, родоначальникомъ XXI династіи. Захватъ этотъ являлся до такой степени естественнымъ послѣдствіемъ событій послѣдняго двухсотлѣтія, что намъ неизвѣстно даже, какимъ образомъ онъ осуществился. Послѣдній фараонъ изъ XX династіи — Рамзесъ XII; умеръ-ли онъ бездѣтнымъ, погибъ-ли насильственной смертью, или просто свергнутъ съ престола?—навсегда останется загадкою.

Въ странѣ Амонъ-Ра.

хп.

Воцареніе жрецовъ Амона было сигналомъ къ распаденію египетскаго государства и перенесенію столицы его въ Нильскую Дельту. Утвердившаяся тамъ, въ г. Танисѣ, отрасль дома Рамзеса отказалась признать надъ собою власть фараона, провозглашеннаго Оивами, и глава ея, Несубанебдеръ, поспѣшилъ короноваться вѣнцомъ Нижняго Египта. Вооруженная борьба съ могучимъ соперникомъ оказалась тѣмъ менѣе по силамъ Хер-Хору, что центръ тяжести государственной машины уже давно перемѣстился изъ Оивъ въ богатые и многолюдные города плодородной Дельты. Походы въ Сирію и постоянная опасность непріятельскаго вторженія создали для фараоновъ необходимость находиться вблизи восточной границы государства. Еще Ремзесъ II и его преемники большую часть года проводили въ Танисѣ, а фараоны XX династіи даже рѣдко когда посѣщали свой стольный городъ. Оивы были обречены самою судьбою на медленную смерть Новые морскіе пути отвлекали отъ нихъ почти всю торговлю въ пользу иныхъ болѣе выгодно расположенныхъ центровъ: Таниса, Бубастиса, Саиса, которые становились поочереди, на болѣе или менѣе короткое время, столицами вновь объединеннаго Египта. Оивы-же постепенно нисходили на степень сперва резиденціи намѣстника, а за симъ провинціального захолустья. Черезчуръ обширный, не соразмѣрно со своими сред-

Величіе и упадокъ Өивъ.

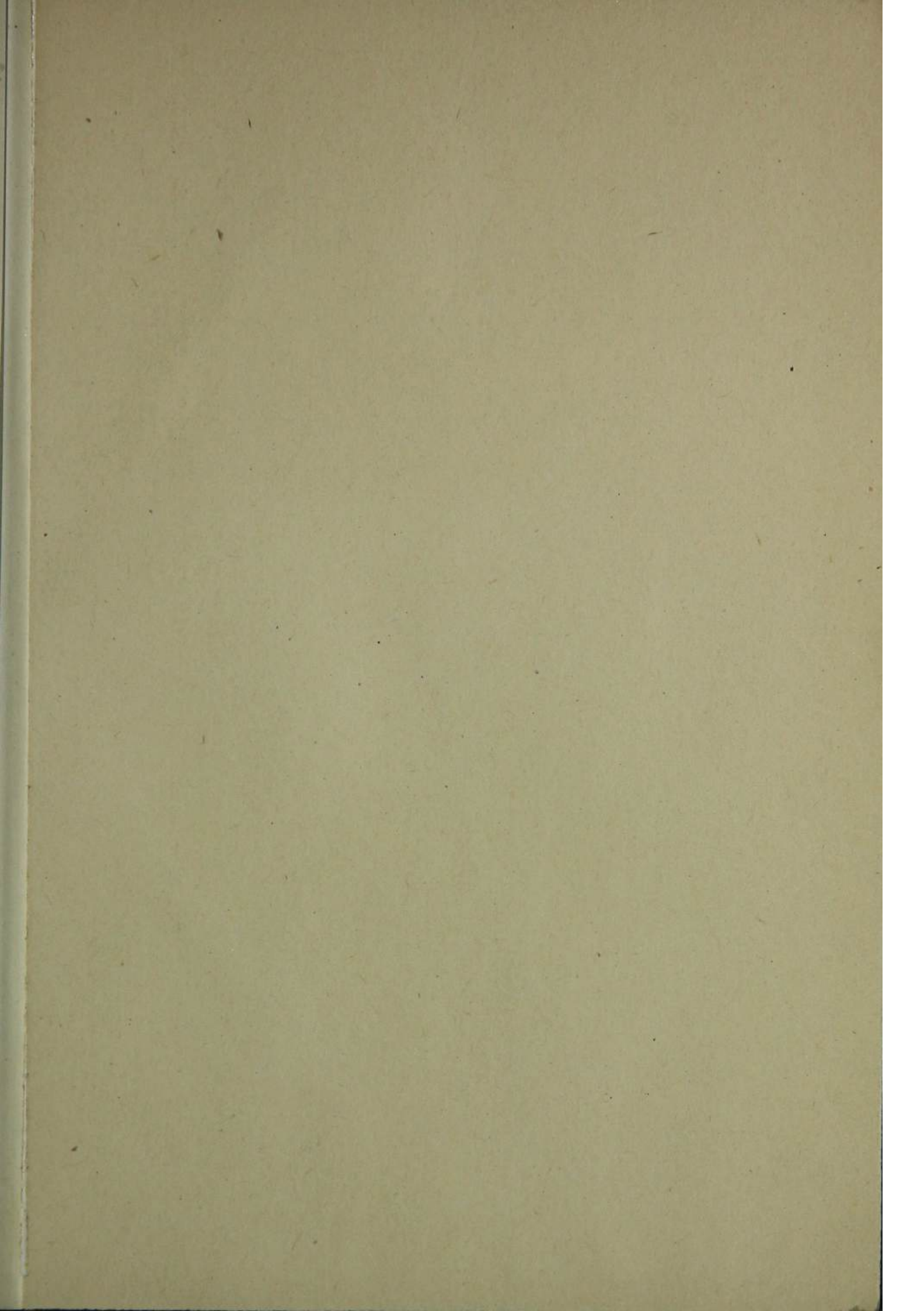
ствами, городъ приходилъ въ разрушеніе: зданія въ немъ не поддерживались, даже храмы боговъ оставались безъ надлежащаго ремонта; мятежи разнузданной черни, грабежи усыпальницъ принимали необычайные размѣры и, въ концѣ концовъ, стовратныя Өивы распались на нѣсколько отдѣльныхъ посадовъ, группировавшихся вокругъ важнѣйшихъ святилищъ; но эти послѣдніе также не избѣгли злой участи; они были раззорены полчищами Камбиза.

Источники.

AMELINAU.	Les nouvelles fouilles d'Abydos.
La morale Egyptienne.
L'histoire d'Egypte.
E. BALL.	Cairo.
BISSING.	Denkmäler Aegyptischer Sculptur.
BRUGSCH-BEY.	Aegyptische Beiträge zur Völkerkunde.
Geschichte Aegyptens.
BREASTED.	A History of Egypt.
J. BAIKIE.	The Story of the Pharaohs.
G. CORMACH.	Egypt in Asia.
CAULFIELD.	Temple of the Kings.
DAVIES.	Rock Tombs of El Amarna.
EBERS.	Aegypten und die Bücher Moses.
Das Hermetische Buch.
Thaten und Zeiten Thotmes III.
ERMAN.	Life in Ancient Egypt.
GOODWIN.	Records of the past.
A. GAYET.	Le temple de Louxor.
La civilisation pharaonique.
Coins d'Egypte ignorés.
HITSCHENS.	Egypt and its monuments.
L. KING and R. HALL.	Egypt and Western Asia.
LEFÉBURE.	Le mythe Osirien.

MASPERO.	Histoire des peuples de l'Orient. Causeries d'Egypte. Etudes Egyptiennes. Contes populaires de l'Egypte ancienne.
MURRAY.	The Osireion.
A. MORET.	La passion d'Osiris. Au Temps des Pharaons.
E. NAVILLE.	La religion des anciens Egyptiens.
F. PETRIE.	Six temples of Thebes. Religion of ancient Egypt. Egyptian tales. Ten years digging. The arts and crafts of ancient Egypt. Pyramids and Temples of Gizeh.
G. PIER.	Inscriptions on the Nile monuments.
R. POOLE.	The cities of Egypt.
DE ROUGÉ.	Etudes sur les monuments du massif de Karnak. Chrestomatie Egyptienne. Mélanges d'archéologie Egyptienne.
E. SCHURÉ.	Les grands initiés.
P. WITHERS.	Les sanctuaires d'Orient. Egypt of yesterday and to-day.

КОНЕЦЪ.

150-00

